

ЮКИО МИСИМА

Впервые на русском!

ПРЕКРАСНАЯ ЗВЕЗДА

В ПЕРЕВОДЕ СЕРГЕЯ ЛОГАЧЕВА

18+

В этой космологической притче у маленьких людей заводятся грандиозные (и ужасные) мысли, а простейшие поступки приоткрывают панораму столкновения миров.
THE TIMES

Прекрасная звезда
Юкио Мисима

Аннотация
Юкио Мисима. Прекрасная звезда
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

Аннотация

Однажды тихой ноябрьской ночью ничем не примечательное семейство – мать, отец, сын и дочь – поехали на гору Ракан, чтобы вместе увидеть летающие тарелки. Летающие тарелки показываются только инопланетянам, а члены семейства недавно узнали, что прибыли с разных планет: отец с Марса, мать с Юпитера, сын с Меркурия, а дочь с Венеры. Теперь перед ними стоит неподъемная задача: в разгар холодной войны спасти планету Земля от ядерной катастрофы. Однако не все инопланетяне, тайно живущие на Земле, желают своему временному дому добра…

Юкио Мисима (1925–1970) – звезда литературы XX века, самый читаемый в мире японский автор, обладатель блистательного таланта, прославившийся как своими работами широчайшего диапазона и разнообразия жанров (романы, пьесы, рассказы, эссе), так и ошеломительной биографией (одержимость бодибилдингом, крайне правые политические взгляды, харакири после неудачной попытки монархического переворота). «Пре-

красная звезда» – его единственный фантастический текст, написанный отчасти под впечатлением от Артура Кларка, отчасти в традициях театра но, и сам Мисима считал его одним из лучших своих романов.

В 2017 году роман был с успехом экранизирован японским режиссером Дайхати Ёсидой с Аи Хасимото и Кадзуя Камэнаси в главных ролях. В «Прекрасной звезде» на человечество с космических высот взирают инопланетяне, отринувшие иллюзию своей приземленности, и хотя не все они благожелательны, надежда у человечества все-таки есть.

Впервые на русском!

Юкио Мисима
Прекрасная звезда

Yukio Mishima
UTSUKUSHII HOSHI

Copyright © The Heirs of Yukio Mishima, 1962
All rights reserved

Оформление обложки Вадима Пожидаева

© С. И. Логачев, перевод, 2026
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

1

В один из дней середины ноября, когда уже миновала полночь, из гаража богатого старого особняка в городке Ханно, префектура Сайтама, с фырканьем выполз «фольксваген-жук» модели тысяча девятьсот пятьдесят первого года. Стояла безоблачная ночь. Холодный двигатель пришлось разогревать несколько минут, прежде чем автомобиль был готов ехать. Все это время сидевшие в нем люди беспокойно оглядывались по сторонам.

Простой гараж для купленного подержанного автомобиля построили на территории особняка совсем недавно. В конце бамбуковой решетчатой ограды, знававшей лучшие дни, повесили выкрашенные синей краской ворота. Гараж стал знаком того, что семья выбралась из длинной колеи застоя и начала действовать.

Никто не знал, чем занялась семья. Как потомки самых богатых лесопромышленников в Ханно, они унаследовали солидное состояние, но не любовь к обычным беззаботным развлечениям, которые так любили их предки. У красавицы и

тихони Акико не было близких друзей. Время от времени она выходила из дома с толстой пачкой писем, но не относила их в старинное почтовое отделение со складской пристройкой через два или три дома от семейного особняка, а шла на главный почтамт около железнодорожного вокзала. Некоторые горожане смотрели на это с подозрением и перешептывались. Часть писем Акико отправлялась авиапочтой в разные уголки мира.

Глубокой ночью машина мчалась по широким ровным улицам Ханно. Кадзуо, старший брат Акико, сидел за рулем, рядом устроилась сестра. Родители, господин и госпожа Осуги, расположились на заднем сиденье.

— Хорошо, что мы выехали пораньше, — подал голос отец, Дзюитиро. — Бывает, время трудно предугадать, поэтому всегда лучше иметь его в запасе.

— Правильно, — отозвалась жена Дзюитиро, Иёко. — Если мы опоздаем, наши *друзья* могут обидеться.

Все четверо не отрываясь смотрели через лобовое стекло в ночное небо, которое медленно разворачивалось перед ними между рядами низких неосвещенных домов. Всех четверых от-

личали одинаково красивые, чистые, как горный хрусталь, глаза.

На улицах не было ни души. Машина проехала городскую торговую палату, повернула направо, потом налево у полицейского участка, где при слабом освещении дежурила ночная смена, и вскоре подъехала к зданию муниципалитета, которое также служило городским автовокзалом. Белоснежное здание, прямоугольное и современное, выступало из густой темноты, окутавшей гору Ракан прямо за ним. Семья собиралась подняться на эту гору.

Гора Ракан возвышалась над уровнем моря на сто девяносто пять метров. В период Кодзи[1], во время правления императора Го-Нара, преподобный Оноя, первый настоятель храма Нонидзи, основал его на горе, называвшейся тогда Атаго. Позднее, в пятый год периода Гэнроку, Кэйсёин, мать Цунэёси, пятого сёгуна династии Токугава, пожертвовала храму шестнадцать статуй

---

[1] Примечания: 1

В традиционной японской системе летосчисления, которая действует наряду с западной, счет годам ведется по девизам правления императоров. Каждый император, вступая на престол, утверждает девиз *(нэнго)*, под которым будет проходить его правление. Период Кодзи продолжался с 1555 по 1558 год, Гэнроку — с 1688 по 1704 год. Девиз правящего сейчас в Японии императора Нарухито «Рэйва» можно перевести как «порядок и гармония». — *Здесь и далее примеч. перев., кроме отмеченных особо.*

раканов[2]. С тех пор это место стали называть Раканом.

Кадзуо припарковал автомобиль под большими окнами безлюдного здания. За темными стеклами тусклый свет уличных фонарей тянулся к нелепо высокому потолку и нескольким сотням кресел, стоявших внутри полукруглыми рядами. Эти пустые кресла были обращены к столь же пустой сцене с кафедрой. Две пустоты отражали друг друга, и казалось, из-за этого напряженное равновесие между двумя частями помещения поддерживалось сейчас куда лучше, чем днем, когда зал был заполнен людьми.

Кадзуо быстро заглянул в окна зала и пошел открывать багажник припаркованной машины. Вытащил рюкзак с едой и одеялом от холода, закинул за спину. Остальным предстояло нести на гору фотоаппараты, бинокли и термосы.

Акико легко соскочила с пассажирского сиденья. На ней были теплые серые брюки и яркий лыжный свитер, с шеи свисали концы шерстяного шарфа. Ее красивое белое лицо светилось

---

[2] Примечания: 2

Ракан (или архат) — первоначально ученики, которых наставлял сам Будда. Позднее так стали называть последователей Будды, достигших высшей ступени просветления. Считается, что раканы обладают сверхъестественными способностями, также они следят за соблюдением законов Будды.

в темноте, а накинутый на голову платок подчеркивал тонкие черты. Прохладный ночной воздух бодрил, и Акико принялась чертить перед собой световые круги серебристым фонариком, проверяя, хорошо ли он светит. Фонарик в ее руке казался каким-то хитроумным оружием.

За братом и сестрой из автомобиля выбрались Дзюитиро, натянувший поверх свитера еще и джемпер, и Иёко в толстом пальто поверх кимоно. Из-под воротника пальто виднелся шарф. Окончив университет по специальности «гуманитарные науки», Дзюитиро преподавал в школе, но недолго — у него вообще не было особой склонности к интеллектуальным занятиям. При этом красивое удлиненное лицо и очки придавали ему интеллигентный вид. Его костистый нос наводил на мысль об одиночестве и запустении, которые и распространял вокруг себя Дзюитиро. У Иёко, в отличие от мужа, лицо было теплое и доверчивое, самое обыкновенное, с простоватыми наивными чертами, которые отчасти передались сыну.

В темноте, не говоря ни слова, группа подошла к табличке с надписью: «Начало подъема» и двинулась по тропе вверх; лучи четырех фонариков рассекали мглу впереди. Тропу обступили островерхие кедры. Дальше уличных фонарей уже

не было.

У подножия было практически безветренно, но чем выше они поднимались, тем громче становился шелест деревьев в ночи. Просветы между кедрами походили на глубокие колодцы, через которые взгляду открывались скопления сияющих звезд в ночном небе. Кадзуо шел впереди; острый луч его фонарика, шаря по сторонам, выхватил из темноты группу надгробий на придорожном кладбище. Тропа была широкая, подъем пологий, и путники сделали большой крюк, обходя надгробные камни. На полпути к вершине они вышли на открытую площадку. Свет фонариков упал на пустые скамейки и белевшие на земле обрывки бумаги.

Ночных птиц не было слышно. Когда семейство пересекло площадку, тропа сузилась, пошла круто вверх, и подниматься стало труднее. Поперек тропы лежали бревна, служившие опорой для ног, но камни и корни деревьев наступали со всех сторон, под лучами фонариков неровности казались еще больше, а тени от скал удлинялись и раскачивались. Ветер, гулявший в верхушках деревьев, шумел все громче.

Но всех четверых вдохновляла их благородная миссия. Даже женщины спокойно и бесстрашно

шли вперед.

Лунной ночью в горах, конечно, было бы светлее. Вообще-то, накануне вечером луна появилась ненадолго, но быстро закатилась. Да и серпик новорожденного месяца был таким тонким, что мало бы помог, даже оставаясь на небе. Четверо путников, подбадривая друг друга, поднимались по крутой тропе. Будь это днем, подъем показался бы им детской забавой.

Наконец они вышли на небольшую лужайку; фонарики высветили четыре или пять обветшалых каменных ступеней сбоку. Ступени были проложены между темными кедрами и напоминали маленький водопад.

— Ну вот, добрались! Поднимемся по ступеням, там смотровая площадка, — отдуваясь, сказал Дзюитиро.

— Уложились в двадцать семь минут, — заметил Кадзуо, поднося к глазам светящийся циферблат часов.

Смотровая площадка представляла собой ровный каменистый клочок земли площадью около трехсот квадратных метров. В северной части стоял каменный знак в память о посещении горы Ракан императором, а дальше рос лес. С юга площадка была полностью открыта, и, за исклю-

чением двух-трех растрепанных веток сосны и верхушек густых низкорослых деревьев, ничто не закрывало простиравшееся до самого горизонта южное небо. Внизу, на востоке, мерцал россыпью огней Ханно, уступавший, однако, в яркости зелено-красно-желтой иллюминации военной базы «Джонсон», светившейся на горизонте.

— Сколько сейчас?

— Без семи четыре.

— Хорошо, что мы приехали до четырех. Хотелось быть на месте минимум за полчаса до начала.

Во время подъема все изрядно вспотели, но на вершине пот быстро высох, и путники поняли, что не стоит недооценивать предрассветный ноябрьский холод. Кадзуо вытащил из рюкзака потертое одеяло и расстелил на земле, а женщины отвернулись от ветра, завывавшего в лесу на севере, и старались устроить привал поудобнее. Иёко разлила по пластиковым стаканчикам горячий чай из термоса, развернула бутерброды. Наконец можно было полюбоваться усыпанным звездами небом.

— Как ясно сегодня. И без луны. Нам так повезло. — Голос Иёко срывался от чувств.

Над ними простиралось великолепное звезд-

ное небо, какого никогда не увидишь в большом городе. Звезды были вписаны в небосвод, как пятна на шкуре леопарда. Воздух был кристально чист, расположение звезд, далеких и близких, раскрывало истинную глубину ночного неба. Свет стекался в затянутые дымкой скопления, и наблюдателям казалось, будто кто-то забрасывает сети в туманную безбрежность звездного света. «Сколько звезд! Не сосчитать», — подумала Акико. Признаков рассвета еще не было. Млечный Путь пересекал горизонт под прямым углом, Большой квадрат Пегаса уже почти скрылся из виду. Непрерывное мерцание мириад звезд наполняло ночное небо сверхзаряженными вибрациями, сохраняющими звучание даже после того, как нота на струнном инструменте уже сыграна.

— Какая жалость! — Дзюитиро, как всегда, говорил громко. — Утром мы с вашей матерью не смогли увидеть наши родные планеты. Один взгляд на эти крошечные пятнышки света навеял бы столько забытых воспоминаний. Давно, когда я еще жил на Марсе, так же смотрел на Землю.

— В ноябре Марс не виден, — с прохладцей в голосе ответил Кадзуо. — Потому что всходит и заходит примерно в одно и то же время с Солн-

цем. А вот мамин Юпитер можно увидеть ранним вечером.

— Вчера было так много дел, вот и не посмотрела, — вздохнула мать. — Сегодня утром все сможем наблюдать свои планеты. Какое счастье! Просто нет слов.

— Моя уже скоро появится, — проговорила Акико, поворачиваясь к брату с ласковой улыбкой.

— И моя. Бедные земляне… Разве могут они сравниться…

— Тихо… — улыбаясь, предостерегла ее мать. — Такие вещи говорить нельзя. Здесь, среди нас, еще куда ни шло, этого никто не слышит, но, если скажешь что-то подобное в присутствии людей, можешь попасть в скверную историю.

На северной стороне, у них за спиной, словно морские волны, шумел ветер — трепал верхушки кедров и сосен, на минуту стихал, а потом взлетал и обрушивался на людей, как внезапно сошедшая лавина. Руки мерзли, но надо было держать аппаратуру — фотоаппараты и бинокли, поэтому надевать перчатки никто не стал. Ветер охапками бросал листья им в спину. Послышался странный звук. Это дребезжала оцинкованная дверь в заброшенном киоске на площадке.

Созвездия медленно, незаметно для глаз, меня-

ли расположение на небосклоне. На юго-западе висели три звезды Ориона, и линии, соединявшие их с расположенной ниже звездой Ригель, образовывали фигуру, похожую на старинного воздушного змея. Вся семья следила за световой игрой звезд, но что-то постоянно отвлекало внимание. Метеориты. Аэронавигационный маяк в горах на юге, которого они прежде не замечали. Фары велосипедов, проезжавших по главному шоссе префектуры, мерцали на тускло освещенных окраинах Ханно.

— Они сказали, что появятся на юге между половиной пятого и пятью. — Говоря это, Дзюитиро не отводил взгляда от южного участка неба; глаза его поблескивали за стеклами очков. — Еще десять минут.

Интересно, какие вести принесут *братья* и *сестры*? Какую священную тайну откроют?

Советский Союз наконец-то сумел испытать ядерную бомбу в пятьдесят мегатонн. Они собираются совершить чудовищное преступление, которое нарушит гармонию Вселенной. И если Америка слепо пойдет по их стопам… Конец человечества на Земле не за горами. Миссия нашей семьи — не допустить такого исхода. Но мы бессильны что-либо изменить, потому что миру,

похоже, до этого нет никакого дела!

— Не отчаивайся, папа, — попробовал успокоить отца Кадзуо, продолжая наблюдать за небом в бинокль. — По сравнению с временны́ми масштабами Вселенной период наших испытаний ничтожно мал. Я не верю, что земляне могут быть настолько глупы. В какой-то момент они осознают ошибочность своего пути, и придет пора, когда они примут наш образ мыслей о полной гармонии и вечном мире. В любом случае мы должны написать Хрущеву письмо как можно скорее.

— Акико его готовит. Ты почти закончила, да, дорогая? — спросила Иёко.

Ее красавица-дочь что-то буркнула в ответ, продолжая смотреть в звездное небо.

Наконец наступила половина пятого. Семейство в полной тишине с напряженным ожиданием смотрело на небо. Накануне рано утром Дзюитиро получил уведомление, что в этот час появятся несколько летающих тарелок.

* * *

Летом прошлого года семье Осуги вдруг открылось, что все они — пришельцы из космоса, явившиеся на Землю с разных небесных тел. Сверхъестественное озарение посетило сначала

Дзюитиро, а через несколько дней уже владело как родителями, так и детьми. Даже Акико, которая поначалу сочла это шуткой, больше не смеялась.

Проще всего было предположить, что души инопланетян внезапно переселились во всех членов семьи и теперь полностью контролировали тело и дух каждого из них. В то же время, хотя они сохраняли в памяти четкие образы прошлых событий — например, рождения детей, — эти земные воспоминания разом превратились в фальшивые истории. Но и воспоминания о других мирах (то есть их настоящая история), к большому сожалению, были безвозвратно утрачены.

Дзюитиро был человеком праздным, однако отличался рассудительностью и благоразумием. Он считал, что для защиты своей семьи самое важное — не допустить, чтобы люди узнали об их инопланетном происхождении. Но как это скрыть?

Жизнь научила Дзюитиро тому, что чистоту и честность человека можно сохранить, только если не выставлять их напоказ. Его жене это не приходило в голову; дети были еще молоды, однако он уже делал все возможное, чтобы подготовить их к этой мысли. Пусть они гордятся

инопланетным происхождением сколько хотят, но даже малейшее проявление высокомерия может сделать их крайне уязвимыми и поставить перед угрозой разоблачения людьми. Важно, чтобы они всячески скрывали свое превосходство. Ведь люди нередко одержимы желанием выяснить, почему кто-то выделяется на общем фоне.

Дзюитиро не мог предвидеть, что из всех людей именно он в возрасте пятидесяти двух лет внезапно обретет столь ясное чувство своего высшего предназначения. В юности он страдал от комплекса неполноценности. Отец, человек крайне практичный, постоянно ругал его, и юноша искал спасения в теплом и добросердечном мире искусства. Пока отец был жив, Дзюитиро хоть как-то помогал в семейном деле. Но после смерти отца он больше не чувствовал никаких обязательств перед компанией и погрузился в праздную жизнь. Время от времени он сопровождал жену в Токио, где они посещали театры и выставки; сына и дочь отдал в токийские школы. В своем провинциальном городе, всего в часе езды на поезде от столицы, он создал тихую интеллигентную семью, которая жила обособленной жизнью.

И вот в один прекрасный день, когда Дзюити-

ро уже перешагнул рубеж пятидесятилетия, не имея никаких достижений, он без каких-либо усилий обрел благодать высшего понимания, которой лишены обычные люди. В нем пробудилось осознание своей миссии. Бесцельную первую половину своей жизни он теперь считал не столько ошибкой, сколько незавершенным, но безупречным состоянием, которое позволило вселенской истине остановить выбор на нем и призвать его трудиться ради всеобщего блага.

Прежде, предаваясь безделью, Дзюитиро смотрел, например, на деревья в саду и не мог перестать думать, почему ветви тоньше стволов и почему эти ветви, лишившись листьев, так изящно вписываются в голубое небо. Вид гигантских раскидистых вязов зимой напоминал ему подробную карту, на которую нанесена река с притоками. Казалось, деревья произрастают из источника, сокрытого где-то в небесах: их многочисленные ветви, каскадом спускаясь с водораздела в небесной синеве, сливаются в один черный ствол и вдруг принимают форму дерева. Возможно, такая картина рисовалась потому, что деревья — это застывшие в кристаллической форме мелкие реки, текущие с небес, а их ветви и обильная листва тоже тянутся вверх, стремясь

найти путь обратно в небесное царство.

Но эти фантазии не означали, что Дзюитиро был поэтической натурой. Его иллюзорные представления о мире постоянно разбивались на мелкие кусочки, и он никогда не был полностью уверен в структуре и полезности вещей. Например, он долго размышлял о форме ножниц. Когда их раздвигаешь, два конца, закрепленные на поворотном винте, раскрываются веером и создают две противоположные друг другу области. Ножницы в руке человека легко делят мир на две части, создавая пространства, включающие горы, озера, города и океаны. Один щелчок острого металлического инструмента — и огромный кусок мира исчезает, а у тебя не остается ничего, кроме отрезанного клочка белой бумаги и инструмента, напоминающего странный птичий клюв.

Таким образом, мир расширяется и сжимается — внезапно оживает, а затем гаснет — в бесконечной череде неприятных трансформаций. Дзюитиро сомневался в эффективности повседневных инструментов и мелких задачах, которые они навязывают людям. В дождливый день он раскрывал над головой зонт, превращавшийся в непонятную черную конструкцию. Его раздражали изогнутая ручка и стальной каркас,

безжалостно натянувший черный шелковистый купол, который того и гляди грозил лопнуть. А еще этот бесконечный, назойливый стук дождевых капель, ручьями стекавших с зонта и разлетавшихся в разные стороны!

На углу переулка, недалеко от дома Осуги, была бондарная мастерская. В солнечные дни весь двор мастерской до самого переулка, обычно безлюдного, застилали соломенными циновками, и двое или трое рабочих принимались стучать молотками, сколачивая новые *офуро*[3]. Проходя мимо, Дзюитиро представлял, как в этой бочке будет купаться целая семья — муж, жена, дети, — и его тошнило. Он как наяву видел голые дряблые тела с клочками волос и пятнами белой мыльной пены на пояснице. И все эти люди были очень довольны жизнью.

Всякий раз, приезжая с женой в Токио, Дзюитиро испытывал смятение при виде растущих как грибы огромных новых зданий, в окнах которых

---

[3] Примечания: 3

Офуро (о-фуро) — один из видов традиционной японской бани, состоящей из кедровой либо дубовой парной бочки и двух ящиков: один с подогретой смесью хвойных опилок, трав и эфирных масел, второй — с горячей галькой. В бочке парятся полулежа, по грудь в воде. Дома могут ставить как весь комплекс, так и одну парную бочку. Перед тем как париться, принимают душ, поэтому семья может принимать ванну по очереди, не меняя воду. Современные *офуро* часто делают с электроподогревом. — *Примеч. ред.*

даже днем горели люминесцентные лампы. И за каждым окном люди о чем-то громко говорили, выполняли какую-то работу. Но с какой целью?

Дзюитиро чувствовал, что миру остро не хватает целостности. Все здесь было разрозненно. Никакой связи между рулем и шинами в автомобиле, никакой связи между мозгом и желудком в человеке.

Дзюитиро обладал доброй и ранимой душой, и ему трудно было с безразличием смотреть на этот расколотый мир. Холодная война и глобальная нестабильность, фальшивый пацифизм, люди, скатывающиеся в глупость и невежество в поисках временного облегчения, видимость экономического процветания, безумный гедонизм, женоподобное тщеславие мировых политических лидеров… Все это кололо его пальцы, как шипы роз, к которым непроизвольно тянулась рука.

Позже Дзюитиро стал воспринимать все эти неувязки как предвестие того, что он удостоен чести взять на себя тяжелую ответственность за мир, оказавшийся в таком бедственном положении. Кто-то должен за это пострадать, думал он. Должен быть хоть один человек, готовый босиком пройти по разбросанным на земле осколкам

стекла, раня ноги в кровь.

Когда он слышал о лежащем на дороге окровавленном ребенке, которого сбил автомобиль и уехал, или о крушении поезда с десятками погибших и искалеченных людей, или о сильном наводнении, смывшем сотни домов, он содрогался, мучимый угрызениями совести. Он жил на той же самой земле, в том же раздробленном мире — так как же он мог оставаться непричастным ко всем преступлениям и бедам? Но возможно, его искренние душевные страдания и переживания были ключом к восстановлению целостности окружающего мира. Однажды утром, сорвав с куста цветок камелии, Дзюитиро подумал, что где-то на этой планете из-за какого-то таинственного стечения обстоятельств (возможно, связанного с этим самым сорванным цветком) кого-то вдруг сбивает десятитонный грузовик.

Но как могло его собственное тело не чувствовать боли? Если страдания отдельного человека, корчащегося в предсмертной агонии, не вызывают в остальном человечестве ни малейшего волнения, как такое может быть? Физические страдания всегда остаются уделом того, кто их испытывает. Оказавшись перед лицом столь очевидного факта, Дзюитиро погрузился в глубокое

отчаяние. Почему даже страшные мучения из-за атомной бомбы сводятся к личным страданиям? Ограничивается ли ее воздействие только физическим фактором? Дзюитиро думал, что точно знает, почему человек, сбросивший бомбу, лишился рассудка. Этот человек не был способен почувствовать малейшую боль, даже зуд, и это, должно быть, свело его с ума.

В то самое время, когда Дзюитиро начал осознавать мелочность и ограниченность собственных страданий и стыдиться своего высокомерия, ему попалась на глаза изданная в Лондоне книга «Родина летающих тарелок».

До сих пор Дзюитиро почти не интересовался такими вещами, но, прочитав эту книгу, особенно историю знаменитой встречи капитана Мантелла с НЛО, твердо уверился в существовании летающих тарелок.

Инцидент произошел в районе американского военного аэродрома Годмен, расположенного на военной базе Форт-Нокс, штат Кентукки. Седьмого января тысяча девятьсот сорок восьмого года капитан ВВС США Томас Фрэнсис Мантелл погиб, преследуя летающую тарелку.

В тот день, примерно в два тридцать пополудни, военная полиция Форт-Нокса получила от

федеральной полиции сообщение о том, что в сторону авиабазы Годмен летит необычайно крупный объект. Он был замечен над Мэдисоном, штат Индиана, в ста пятидесяти километрах от Годмена. В Мэдисоне его видели несколько сотен человек.

Получив это сообщение от военной полиции около трех часов, офицеры базы неотрывно наблюдали за воздушным пространством. Погода была облачная с редкими прояснениями. Вдруг на юге, в разрыве облаков, появился гигантский металлический объект, на мгновение сверкнул на солнце и так же быстро исчез. Тут же был дан приказ направить на перехват три истребителя под командованием капитана Мантелла.

Все офицеры в диспетчерской башне видели *это*. Оно имело форму огромного диска, а верхняя часть напоминала перевернутый конус, на вершине которого мерцал красный огонек.

В восемь минут четвертого пилоты двух вылетевших на перехват самолетов связались с диспетчерской башней и сообщили, что сблизившийся с объектом капитан Мантелл продолжает преследование объекта и его самолет исчез в облаках.

Примерно через пять минут в диспетчерской

башне по громкой связи раздался голос Мантелла: «Объект набирает высоту. Увеличивает скорость. Движется с той же скоростью, что и я. Триста шестьдесят миль в час. Поднимаюсь до высоты семь тысяч метров. Если не смогу сблизиться, прекращу преследование».

Это были последние слова капитана Мантелла. Через несколько минут его F-51, судя по всему, развалился в воздухе; позже раскиданные обломки были обнаружены в радиусе нескольких километров.

Среди свидетелей этого происшествия оказалось немало специалистов. Было собрано множество подтверждающих материалов, поэтому вероятность того, что увиденное сотнями людей представляло собой плод воображения, полностью исключалась. Продолжив чтение, Дзюитиро пришел к выводу, что в той летающей тарелке находились жители другой планеты. С этого дня он с головой ушел в изучение НЛО и читал все книги на эту тему, какие мог найти. Его терпеливые и любознательные домочадцы штудировали книги отца, передавая их друг другу, и так летающие тарелки и инопланетяне стали любимой темой семейных разговоров.

И вот летом прошлого года случилось нечто

незабываемое. Все началось с Дзюитиро.

Он спал на втором этаже и проснулся посреди ночи, услышав чей-то голос. Иёко заметила, что муж встал с кровати, но не увидела в этом ничего необычного — он нередко спускался в туалет — и тут же снова заснула.

Дзюитиро в пижаме вышел из дома. Почти полная луна ярко освещала переулок. Позже он вспоминал, как четко лунный диск отражался в запыленном лобовом стекле трехколесного грузовичка, припаркованного около лесопилки неподалеку от их дома.

Пройдя немного, он вышел к нерегулируемому переезду через железнодорожную линию Сэйбу. Красный гравий по обе стороны от путей был усыпан серебряной пылью, стертой с рельсов проходившими поездами, и она красиво сверкала под лунным светом. Дзюитиро перешел через пути и двинулся дальше, не имея понятия, куда идет. Он шагал по наитию, будто кто-то тянул его за ниточку.

За железной дорогой простирался большой пустырь, где, по-видимому, собирались строить фабрику. Единственным признаком человеческой деятельности на этом пустыре, поросшем густой травой, был грязный брезентовый навес,

под которым лежали какие-то строительные материалы. Ступив в высокую траву через дыру в ограждении из колючей проволоки, Дзюитиро почувствовал, как ноги сразу промокли от росы. Уши наполнил гул бесчисленных насекомых.

И вдруг они разом смолкли. Он взглянул на небо. Над крышами невысоких окрестных домов, наклонившись под углом, висела летающая тарелка.

Светло-зеленая, эллиптической формы, она казалась абсолютно неподвижной. Дзюитиро не сводил с нее взгляда, пока корпус тарелки с одного края не сменил цвет на оранжевый. Прошло секунды четыре или пять. Тарелка внезапно дрогнула, завибрировала, стала полностью оранжевой, взмыла в небо под углом сорок пять градусов и стремительно унеслась на юго-восток. Из шара величиной с полную луну она в мгновение ока уменьшилась до размера рисового зернышка и растаяла в ночном небе.

Пораженный увиденным, Дзюитиро сидел на траве, и по щекам его текли слезы. Он чувствовал, что появление летающей тарелки, это мимолетное видение, свидетелем которого он стал, всколыхнуло самые глубокие воспоминания и наполнило его неведомой силой.

За те несколько секунд, когда летающая тарелка находилась в поле зрения, он испытал всепоглощающее чувство высшего блаженства. Оно возникло как результат бесспорного осознания того, что расколотый мир в мгновение ока исцелился, обрел ясное чувство гармонии и единства. Небесный клей молниеносно соединил разбитые осколки, и мир вновь засиял, как хрустальный шар, в состоянии безупречной целостности. Сердца людей слились воедино, прекратились раздоры, и ощущение удушья — Дзюитиро казалось, что он на грани смерти, — сменилось спокойным, ровным дыханием.

Подумать только, второй раз в жизни Дзюитиро увидел такой мир! Он уже наблюдал эту картину своими глазами в далеком прошлом. Где же это было? Сидя на траве, в промокшей от росы пижаме, он перебирал свои воспоминания. В его памяти всплывали разные образы из детства. Флаги на рынке, марширующие солдаты, носорог в зоопарке, его рука, перемазанная клубничным джемом из банки, странные лица, проступающие из узоров древесины на потолке… Как старые экспонаты, которые заполнили обе стороны коридора памяти, уходившего вверх. В конце коридора — распахнутые двери, а за ними только

усыпанное звездами небо. Коридор пролегал под тем же углом, под которым отправилась в путь летающая тарелка.

«Вот откуда взялись мои воспоминания», — думал Дзюитиро. Просто до сих пор он не замечал очевидного.

Но теперь он знал. Он не землянин, это точно. Летающая тарелка доставила его с Марса на Землю, чтобы спасти эту планету, оказавшуюся в критической ситуации. Высшее блаженство, которое он испытал при виде инопланетного корабля, очевидно, было связано с каким-то обменом между Дзюитиро, каким он был до той встречи, и экипажем летающей тарелки.

Эти размышления так вымотали Дзюитиро, что у него слипались глаза. Он встал и, пошатываясь, направился обратно тем же путем, каким пришел.

Утром он проснулся в своей постели. Жена ничего не подозревала о его ночной прогулке.

Весь день Дзюитиро переполняло счастье, но он никак не мог решить, стоит ли говорить семье о том, что пережил ночью. В конце концов сдерживать радость стало невмоготу, и он рассказал все за ужином. Акико смеялась громче всех.

Но тем же вечером то же самое случилось

с Кадзуо, а на следующее утро Иёко, проснувшись раньше всех, тоже видела серебристую летающую тарелку.

Акико все смеялась.

На следующий день, возвращаясь из университета, она сошла с электрички на станции Ханно. Сразу идти домой, где все помешались на инопланетянах, ей не хотелось, поэтому она остановилась на полпути и поднялась по ступеням к окруженному деревьями храму Хатиман. Было еще светло, воздух свеж, и она решила подготовиться здесь к завтрашним занятиям. Вокруг никого не было, в тенистых зарослях кедровника громко стрекотали цикады, и стояла приятная прохлада.

По каменным ступеням, проложенным в северном направлении, Акико прошла до ворот-*торий*[4] в глубине храмового комплекса. И тут ее внимание привлекла белая точка, мерцавшая в небе над залом поклонения. Приглядевшись, Акико поняла, что точка зависла где-то над перевалом Коматогэ. Поначалу она приняла ее за

---

[4] Примечания: 4

Тории — П-образные ритуальные ворота без дверей в синтоистских святилищах и монастырях, красного цвета либо неокрашенные; отмечают границу, за которой начинается священное пространство. — *Примеч. ред.*

звезду, хотя еще было светло.

Но эта звезда совершала странные маневры и вдруг остановилась над головой Акико. Та стояла на просторном дворе безлюдного святилища, окруженного кедрами, а над ней переливалось серебром и медленно кружило над деревьями что-то круглое. Акико задрожала.

Оно перемещалось по спирали, сужая витки; нижняя часть его была серебристо-серого цвета с зеленоватым отливом и сияла, словно драгоценный камень. Акико чуть не вскрикнула. Этот непонятный объект выглядел воплощенным упреком за ее недоверие и насмешки над рассказами родителей и брата.

И тут в одно мгновение объект исчез из виду, растворился, как призрак.

С того дня Акико больше не смеялась. Она убедилась, что прибыла с Венеры, а ее семья — это внеземной межпланетный клан.

Следующие полгода Дзюитиро делал все возможное, чтобы скрыть от людей истинное происхождение своего семейства. Он наставлял детей серьезно относиться к учебе и вести себя, как обычные земляне, строго придерживаться принятых норм и обычаев. Особенно настаивал, чтобы Акико научилась рукоделию и готовке.

Дзюитиро хорошо знал, что в жизни мало быть просто честным человеком с чистыми помыслами.

Перемены в семье заметнее всего отразились на Акико. Узнав о своем венерианском происхождении, она стала хорошеть на глазах. Акико всегда была красива, но это не влияло на ее характер и поведение: она не придавала особого значения своей внешности. Однако теперь, когда она узнала, откуда происходит ее красота, ее облик приобрел утонченность и холодность. Соседи сплетничали, теряясь в догадках, не встретила ли она кого-то, но Акико выказывала полное пренебрежение к противоположному полу.

Члены семьи здоровались с соседями с улыбкой, хотя делали это только из приличия. Все четверо были сдержанными по натуре, и их натянутые улыбки отталкивали соседей, которые сторонились их еще больше, чем прежде.

— Знаешь, папа, в переполненной электричке люди толкаются вовсю, но я больше не обращаю внимания. Мне кажется, что я смотрю на всю эту суету сверху. Только мои глаза могут видеть все ясно, только мои уши слышат музыку небес. А эти потные людишки ничего не понимают, они не представляют, что их судьбы на самом деле в

моих руках.

Слушая веселый голос сына, Дзюитиро чувствовал грозящую опасность. Если бы толпа могла читать мысли Кадзуо, она бы ему не простила. Его бы просто убили.

— Веди себя, как все, — мягко увещевал он сына. — Как самый обычный человек, даже если тебе это очень неприятно. Люди, стоящие выше других, обязаны поступать именно так. Это единственный способ защитить себя.

Миновало полгода, пришла весна, и мнение Дзюитиро резко изменилось. Чтобы выполнить свое предназначение, говорил он теперь, нужно не тратить время на сокрытие их тайны, а делать все возможное для поиска родственных душ. Мир стоит перед лицом страшной угрозы, размышлял Дзюитиро, а он остается рабом старомодных семейных чувств и трусливо замыкается в себе.

Он долго ломал голову, как поступить, и в конце концов решил разместить в колонке «Мир увлечений» одного бульварного журнала такое объявление: «Если кто-то интересуется , откликнитесь. Отдадим все силы во имя мира во всем мире».

 — символ, придуманный Дзюитиро для обозначения летающих тарелок. Удивительно,

но большинство откликнувшихся на объявление людей угадали его значение. Авторы восьмидесяти процентов писем, пришедших со всех уголков страны, предположили, что он обозначает летающую тарелку.

Дзюитиро выпустил брошюру, которую домочадцы размножили на гектографе, и завязал регулярную переписку с людьми из разных мест. В начале лета он избавился от всех ценных бумаг, оставленных ему отцом, и перевел деньги на банковский депозит, чтобы обеспечивать будущую деятельность. Как раз перед продажей его акции и другие активы резко взлетели в цене — в пять раз. А позднее, к концу лета, произошел серьезный финансовый спад. После этого семья безоговорочно поверила, что им помогает кто-то свыше.

До сих пор летающие тарелки показывались членам семьи по отдельности и в особых ситуациях. Разумеется, они верили рассказам друг друга о встречах с НЛО, но еще ни разу не наблюдали за тарелками все вместе. С лета Дзюитиро, как глава семьи, постепенно разбирался с вопросом о том, как общаться с инопланетянами, и мечтал, чтобы семье представился шанс вступить с ними в контакт всем вместе.

Накануне, рано утром, он наконец-то получил уведомление о предстоящей встрече.

* * *

— Нельзя терять время. Хрущев и Кеннеди должны немедленно встретиться за самым простым завтраком. Без деликатесов. Излишества в еде притупляют разум. — Дзюитиро разговаривал сам с собой, с силой потирая окоченевшие на холоде руки. Похоже, он устал наблюдать за небом и уже терял терпение. — Все, что требуется, — снять трубку телефона на столе и сказать одно слово: «Вашингтон». Они должны отбросить никому не нужное самолюбие и все проблемы, в которые сами себя втянули, и начать серьезный разговор о будущем человечества. А потом уже говорить о том, как варить яйца всмятку. Они так далеки от повседневной реальности, что ведут мир к катастрофе. Таким же был мой отец. Поэтому я вижу их насквозь. Жизнь отца была настолько далека от вещей, которые нас окружают, — всех этих ножниц, зонтиков, садовых деревьев, овощного салата, — что он просто не замечал их, проходил мимо. Точно так же звезды не обращают внимания на людей… Прекращение ядерных испытаний, разоружение и берлинский

кризис надо обсуждать, как мы обсуждаем яйца всмятку, печеные яблоки и хлеб с изюмом. Если смотреть на вещи с высоты Вселенной, все они имеют одинаковую ценность. Мы должны убедить в этом людей. Земляне совершают убийства именно потому, что считают это очень важным делом и не могут устоять перед таким искушением… Хрущеву и Кеннеди после завтрака надо будет собрать оставшиеся крошки, положить салфетки на стол и выйти из комнаты рука об руку. Они должны объявить ожидающим под утренним солнцем репортерам: «Мы едины в своем мнении. Человечество должно жить и процветать»… Голуби и военные оркестры не потребуются. Как только эти слова прозвучат, наступит ясный освежающий день. Вся Вселенная поймет, что с этого мгновения Земля стала прекрасной звездой. Как вам это? Почему бы нам всем вместе поскорее не протянуть мировым лидерам руку помощи?

Он договорил, потом со вздохом добавил:

— Конечно, если нам хватит сил. Как печально, что я получил такое слабое человеческое тело. Но видимо, в этом и заключается особый план Вселенной.

Его жена и дети молчали. Их взгляды были

прикованы к южной части небосвода.

Если верить современной ненадежной астрономии, температура на поверхности Юпитера около ста градусов ниже нуля, но Иёко, уроженка этой планеты, дрожала, кутаясь в одеяло, беспомощная перед слабым холодом Земли. Политика ее почти не интересовала. Если мир преобразуется и все установится так, как хотел ее муж, ей в этом улучшенном мире, вероятно, поручат налаживать домашнее хозяйство. Иёко любила злаки, которые в изобилии произрастали на Земле. Сладковатый аромат пшеничных полей летом, золото склонившихся рисовых колосьев осенью стоило сохранить ради землян навсегда. На какой бы планете ни оказалась Иёко, ее, скорее всего, поставят отвечать за кухню. Но она не была уверена, что справится с двумя разными видами блюд — Юпитера и Земли.

Кадзуо переводил бинокль с одного участка неба на другой, и всякий раз обманывался, принимая за летающую тарелку блеск какой-нибудь звезды.

Он пытался сосредоточиться, но разговоры отца отвлекали. Сердце Кадзуо переполняло решительное стремление к власти, которое черпало силу из смеси искренних добрых намерений и

сентиментальной привязанности к Земле, на которой он жил. Кадзуо мечтал о некой чистейшей форме власти, способной поддерживать на этой планете вечный мир. Такой власти здесь еще никогда не было, поэтому землянам нужны наставления от других планет. Более того, эта власть не имела религиозной или духовной природы, но была безупречной, чистой, как новое полотенце, и способна управлять реальной жизнью.

Акико не обращала внимания на других и сосредоточилась на восточной части небосвода. Если летающие тарелки запаздывают, возможно, они появятся с другой стороны?

От холода по спине Акико то и дело пробегали мелкие мурашки. Она нанесла на губы толстый слой помады, чтобы не обветрились. Кончики пальцев онемели от холода, помада, конечно, могла расплыться, но что оставалось делать? Смотреться в карманное зеркальце, подсвечивая его фонариком? За это она бы точно получила нагоняй от родителей.

Теперь, зная, что она родом с Венеры, Акико постепенно смирялась с приятным томным безразличием, присущим ей от природы. Если внимательно присмотреться, в ее холодности, вероятно, можно было заметить легкое ленивое

самодовольство умного и независимого зверька. У нее была сильная черта — никакого корыстолюбия, она легко отказывалась от желаний. Акико была за то, чтобы дать Земле мир. Это то же самое, представлялось ей, что дать чумазому ребенку сладкую булочку.

* * *

Было уже почти пять, однако в южной части небосвода все еще не появилось никаких признаков летающих тарелок. Но никто не роптал.

Как им хотелось увидеть в небе вызывающие ностальгию красноватые диски, смотреть, как они становятся бледно-зелеными и устремляются в другом направлении. Если бы они впервые увидели это всей семьей, их общее стремление спасти Землю только окрепло бы. Даже если инопланетные корабли не принесут новых откровений, само их появление придаст семье сил. Все четверо думали об этом, каждый на свой лад.

Северный ветер за их спинами завывал все сильнее. Кадзуо взглянул на светящийся циферблат часов. Светло-голубые стрелки показывали пять утра.

— Ничего страшного. Я же говорил, иногда они неточно рассчитывают время.

Голос Дзюитиро звучал глухо и хрипло. В глубине души все чувствовали, как их воодушевление угасает, будто охлажденное космическим ветром, овевающим безжизненные небесные тела. Они внезапно разбежались по своим углам. Гармония и единство, звучавшее в них, как музыка идеально настроенного *кото*[5], вдруг оборвались, точно струны, и звуки умерли.

И тут раздался звонкий голос Акико:

— Я ее вижу!

— Что? Где? — Родители и брат в восторге перевели взгляд на восток.

Но это была не летающая тарелка. Акико увидела красное сияние Венеры, вставшей над горизонтом на востоке.

— Я имела в виду, что вижу родную планету, — пояснила она.

Родители из доброты не стали бранить красавицу-дочь и порадовались за нее, благословив появление ее родной планеты, а затем вновь устремили долготерпеливые взгляды на юг. Кад-

---

[5] Примечания: 5

Кото, или японская длинная цитра, — традиционный японский щипковый музыкальный инструмент с тринадцатью струнами и подвижными подставками для настройки под каждой струной. Прототипом стал семиструнный китайский *гуцинь*, завезенный в Японию из Китая в период Нара (710–793). Расцвета *кото* достиг в эпоху Хэйан (794–1185) и по сей день остается одним из важнейших элементов японской музыкальной культуры. — *Примеч. ред.*

зуо тем временем распознал скромное свечение своей планеты — Меркурия, поднимавшегося левее одновременно с Венерой. Оторвавшись от бинокля, он радостно воскликнул:

— Я тоже вижу свою!

Вид этой крошечной светящейся точки придал ему сил.

Брат и сестра не могли оторвать глаз от восточной части неба. Восход Венеры и Меркурия выглядел величественно и торжественно. Красноватый ореол Венеры постепенно бледнел, сменяясь той же прозрачной белизной, которой сиял Меркурий.

Две планеты висели над грядой темно-лиловых облаков, силуэты деревьев вокруг площадки медленно проступали из темноты. Их очертания мягко вырисовывались на фоне неба, а тени трепетавших на ветру листьев навевали грусть. Звезды начали меркнуть, но утренняя заря еще сохраняла цвет красно-бурых бобов, не желая розоветь. Над горизонтом на востоке клубились облака разных оттенков — от чернильно-черных до фиолетовых.

— Не удивлюсь, если они появятся, когда совсем рассветет. С тобой ведь так было? — обратился Дзюитиро к жене.

— Да. Моя появилась после того, как принесли газеты.

Дзюитиро смутно видел лицо Иёко — четко выделялись только клетки на шерстяном одеяле, в которое она завернулась. Но он и представить себе не мог, что первые проблески рассвета способны принести в сердце такую пустоту.

Осенние листья, разбросанные утренним ветром, были хорошо видны на неровной каменистой земле. Дзюитиро с тревогой подумал, что чем светлее становится, тем отчетливее из предрассветного сумрака проступают предметы, которые он не заметил при подъеме на гору.

«Еще рано. Не будем отчаиваться», — говорил он себе.

Иёко сдаваться не собиралась.

Стрелки на циферблате часов Кадзуо показывали половину шестого — это уже можно было различить без подсветки. Облака на востоке окрасились бордовым, небо наливалось бледной белизной, на юго-западе отчетливо вырисовывался горный хребет, три звезды Ориона побледнели, но все еще были видны.

— Гляди! Мой дом исчезает. Постепенно растворяется… — Акико потрясла брата за плечо.

— Мой тоже.

Рассвет разгорался нерешительно — сначала приобрел цвет засушенного цветка горького апельсина, который сменился огненной киноварью, поглотившей свет Венеры и Меркурия.

По замерзшим щекам Акико потекли слезы.

— Моя звезда…

Бледные белые крыши деревенских домов одна за другой проступали из темноты внизу, зазеленели горы. Первый поезд линии Сэйбу, отправлявшийся в пять пятьдесят, светящейся нитью протянулся между деревьев в предгорьях. На юго-западе за меланхоличным горным пейзажем, словно сошедшим с медной гравюры, возвышалась белоснежная вершина Фудзи.

— Сколько сейчас? — обратился Дзюитиро к сыну. — О! И на моих часах уже видно. Шесть? Уже час прошел после назначенного времени. Скорее всего, ничего не будет. Мы ждали, но они так и не появились… Однако я не исключаю, что именно так они хотели нам что-то сказать. Возможно, это испытание. Проверка, насколько мы как инопланетяне отважны и терпеливы.

— Папа, мы столько сил потратили, чтобы добраться сюда, — сказал сын, которому хотелось подбодрить Дзюитиро. — Давай дождемся рассвета. Они могут появиться в любую минуту.

— Ты прав. Еще рано сдаваться.

Со стороны Ханно, где все еще горели уличные фонари, донесся бой часов. Шесть утра. Взгляду открывалась свежая зелень полей, белые стены складов и амбаров; мимо с карканьем пролетело несколько ворон. С юго-западной стороны от горы Саннотогэ к югу тянулся хребет — его снежные вершины скрывали облака, уже окрасившиеся в алый.

На востоке облака сгущались. В разрывы между ними, как сквозь улыбающиеся губы, пробивались багряные световые столбы.

— Что бы ни случилось, мы не должны терять веру, — сказала Иёко. Обычно она не спешила озвучивать свои мысли, но на этот раз продемонстрировала твердость человека старой закалки. — Это земляне сначала берутся за дело, а потом разочаровываются, падают духом. Теряют уверенность в себе. Для них нормально сдаваться. Но мы же с вами не люди. Нельзя об этом забывать. Ни на минуту.

Солнце наконец прорезало облака и явило миру свой сияющий лик. Первая вспышка света, словно копье, пущенное могучей рукой, вонзилась в юго-западный склон вершины Фудзи, мгновенно окрасив его в розовый цвет.

2

Акико закончила английскую версию письма Хрущеву через несколько дней после того, как семья поднялась на гору. Сначала она написала письмо на японском, а когда Дзюитиро добавил несколько цветистых выражений, перевела, поскольку занималась английской литературой. Они опасались, что письмо на английском может не понравиться русским, но никто в семье не знал русского языка, а обращаться к кому-то за помощью не стоило.

Первому секретарю Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза, Его Превосходительству господину Хрущеву.

Мы узнали, что недавно Вы провели испытание ядерной бомбы мощностью пятьдесят мегатонн. Это настолько нас обеспокоило, что мы вынуждены обратиться к Вам с этим письмом. Мы прочитали в газетах, что сразу после испытания опасные для здоровья человека радиоактивные вещества выпали вместе

с дождем на Дальнем Востоке, в Японии, где мы проживаем, что еще больше усилило нашу озабоченность. Сразу хотим сказать, что мы решились обратиться к Вам с посланием не только как отдельные граждане Японии. Настоящее письмо выражает требования и предостережение от имени всего человечества, а точнее, той части Вселенной, которую называют Млечным Путем. Мы, представители различных планет, проживающих на Земле, не можем смолчать и оставить Ваши действия без ответа.

Ваше Превосходительство! Конечно, мы не возлагаем на Вас личную ответственность. Мы стоим перед проблемой, имеющей огромную важность не только для человеческой цивилизации, но также для порядка и мира во Вселенной. В настоящее время человечество вступило в конфликт с высокоразвитой цивилизацией, которую само же создало, и оказалось перед выбором: либо разумно управлять этой цивилизацией, держать ее под контролем, либо превратиться в ее рабов и от нее погибнуть. Вашим врагом яв-

ляется не Америка, а вы сами. Главный враг человечества – само человечество. Если бы Вы, Ваше Превосходительство, сумели преодолеть себя и во имя спасения Земли и человечества от уничтожения набраться мужества, чтобы навсегда избавить мир от угрозы войны, которая может разразиться в результате случайного нажатия кнопки, Вы заслужили бы честь называться величайшим спасителем в истории человечества. Америка свои руки уже замарала, сбросив атомную бомбу на Хиросиму. Это грязное пятно навсегда останется в ее истории. Но зачем Вы соперничаете с Америкой, чтобы замарать и свои руки? На Америке лежит неизгладимый грех за преступление против человечества. Почему бы Вам не поступить мудро – отвернуться от нее, оставив свои руки незапятнанными? Еще не поздно. Звезды над нами день и ночь следят за судьбой Земли. Горько сожалея о том, что половина планеты уже загрязнена, мы не теряем надежды, что когда-нибудь вернется ее чистота и она снова станет прекрасной звездой…

Дочитав письмо до середины, Дзюитиро, как обычно, похвалил себя:

— Блестяще! Мне очень нравится, что в письме нет нравоучительного тона, присущего религиозным фанатикам. Оно написано умно — с вдохновляющим человека уважением. Нельзя говорить с такими личностями так же, как мы разговариваем со своими соратниками. С людьми надо общаться с учетом их логики и психологии. Для этого требуется терпение, вроде того, когда нянчишься с глупым щенком или занимаешься каким-нибудь искусством.

— А если ответа не будет? — спросил Кадзуо.

— Не будет так не будет. Сам по себе ответ не важен. Но мы будем точно знать, что это письмо неизбежно оставит в душе Хрущева неизгладимый след.

Письмо было напечатано на машинке, а в конце все члены семьи нарисовали символы своих планет и расписались. Они прочитали текст еще раз, с удовольствием гадая, каким будет результат. Они чувствовали, что в письме действительно выражена мудрость звезд.

На следующий день профессор английской истории взял выходной и Акико в университет не пошла. Ей поручили отнести письмо на почту.

— Давайте сегодня вечером на десерт приготовим теплый *сируко*[6]. Когда будешь возвращаться с почты, загляни в «Мурату» и купи бобов. Примерно килограмм.

Иёко все измеряла на глазок, интуитивно. Килограмма бобов, чтобы приготовить *сируко* на четверых, было многовато, но Акико не стала спорить.

Почтовый клерк лишь скользнул взглядом по имени адресата и, не удивившись, принял письмо, как обычную авиапочту. Каждый раз, когда Акико отправляла письма за границу, этот человек говорил ей что-нибудь приятное. Клерку она явно нравилась, и Акико опасалась, что его заинтересуют ее письма и он станет любопытствовать. Но пока обходилось без этого, и внимание юноши ограничивалось лицом Акико.

Акико вышла из автобуса неподалеку от дома и направилась к лавке «Мурата», торговавшей всякой всячиной. Ханно — городок ровный, ни спусков, ни подъемов, улицы широкие, часто немощеные. Красные и синие навесы над входами в лавки и магазины вдоль улицы, белеющей под теплым утренним солнцем ранней зимы,

---

[6] Примечания: 6

Сируко — традиционный японский сладкий суп из красных бобов *адзуки* с рисовыми клецками.

свисали так низко, что покупателям приходилось нагибать голову.

Заметив Акико, медленно идущую от автобусной остановки с корзинкой для покупок в руке, мальчишка-продавец бросился внутрь, чтобы сообщить об этом хозяйке:

— Дочка Осуги-сан идет! В белом пальто и красном берете.

— Не суетись, — осадила его хозяйка, возившаяся с детьми. — Надо сбагрить ей что-нибудь как можно дороже. Эта семейка все равно ничего не понимает.

Хозяйка лавки потеряла пятьдесят тысяч иен во время обвала на финансовом рынке, и, конечно, до нее дошли слухи, что Осуги перед наступлением лета продали все свои ценные бумаги. Она считала, что их кто-то предупредил о предстоящем падении, затаила злобу и решила отомстить этой самодовольной семейке, продавая им некачественный товар. Также она велела мальчишке-продавцу Таро придумать, как выведать тайны семьи Осуги. Вот почему в лавке «Мурата» к Иёко и Акико относились с особым радушием.

«Могла бы — подсыпала бы им яду, — думала хозяйка. — Наживаются, умники, потихоньку,

считают, что мир вокруг них — грязь, которая к ним не прилипает, и живут в свое удовольствие. Возомнили о себе невесть что. Муж строит из себя ученого, жена — мудрую хранительницу семейного очага, а сынок — тупой бабник. Дочка, может, и выглядит невинной, но говорят, шляется в Токио с парнями. С такой талией детей не рожают. Фигура, как у шлюхи. Честные, работящие семьи, вот как наша, теряют большие деньги, а эти корчат из себя интеллигенцию и богатеют. Что с миром происходит? Пару дней назад вся семейка посреди ночи поехала куда-то на машине. Может, они наркотиками приторговывают? Ладно, хватит с меня! Я их выслежу, всех свяжу, и пусть с ними полиция разбирается».

В лавке рядами стояли ящики с яблоками и мандаринами, на них лежали доски, служившие витриной для сезонных фруктов, лука, картофеля, солений, маринованной редьки и имбиря, вареных бобов, сладостей, жевательной резинки, карри быстрого приготовления и многого другого. Летом здесь продавали мороженое. Из-за низко опущенных оконных навесов в помещении стоял полумрак, усугублявшийся тяжелым запахом. Так пахнут заводи с застойной водой, в которой плавают разноцветные отбросы.

Из-под приподнятого навеса показалось бледное лицо Акико, и раздался ее чистый мелодичный голос:

— Скажите, у вас есть *адзуки?*

— А, это вы! Рады видеть вас снова. Конечно есть. Очень хорошие, — подала голос хозяйка из глубины лавки. — Сколько возьмете?

— Килограмм, пожалуйста.

Каждый раз перед Таро стояла задача обвести красавицу Акико вокруг пальца — всучить ей некачественный товар и обвесить. При этом ему казалось, что, старательно обманывая ее, он на самом деле выдает ей свой злой умысел, подкрепленный скупостью хозяйки. Подобным манером он пытался хоть как-то компенсировать свое отчаяние из-за прыщей на лице. Глядя на Акико, он взвешивал бобы и невнятно напевал, почти не открывая рта:

— Спящая утка плывет по воде, а любовь остается несбыточной…

Так он за сто тридцать иен продал Акико смешанные с шелухой бобы и вдобавок всучил помятую банку консервированных грибов за двести иен — вдвое дороже, чем она стоила.

«Какие милые люди, — думала Акико, выходя из лавки и направляясь короткой дорогой к

дому. — Всегда всем довольны и так усердно работают. Дети, правда, чумазые, зато их не оторвешь от матери, как виноградную лозу от шпалеры. И всегда так приветливо улыбаются мне! Конечно, мне такая жизнь не подходит, но вот оно, воплощение добра и счастья в человеческой семье. Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы защитить этих людей от водородной бомбы».

Было замечательное ясное утро в начале зимы. Акико шла по дорожке, по бокам которой росли чайные кусты, их увядшие белые цветы прятались в тени пыльных листьев. На фоне неба глянцевито сверкали высохшие, переплетенные ветви хурмы. Ее много росло в округе. За изгородью виднелся большой хозяйственный двор, где сушилось белье. Еще Акико увидела там большие листья таро и кусты пожухлых хризантем. К забору прислонился темный обветшалый сарай, откуда пахло козами.

Акико была довольна. Пусть летающие тарелки и не появились над горой Ракан, сегодня, по крайней мере, она выполняла свой долг как посланец другой планеты.

Продолжая свой путь по извилистой дорожке, Акико увидела впереди парня и девушку, которые о чем-то говорили на ходу. Акико нахмурилась и

остановилась, узнав Кадзуо — он прогуливался с незнакомой девушкой, хотя должен быть в университете.

«Опять он за свое! И с земной девчонкой!»

Щеки Акико покраснели от гнева. Ведь таким образом брат вредит чистоте не этой девушки, а ее, Акико, чистоте!

Значит, вот как он воспринял слова Дзюитиро. Решил злоупотребить его наставлением: «Веди себя, как все. Как самый обычный человек, даже если тебе это очень неприятно». Это так он принял к сведению отцовское предупреждение?

* * *

Наблюдая тем утром за торжественным восходом Венеры на востоке, Акико подумала, что наконец-то поняла, откуда происходит ее чистота.

Чистота Венеры — это парадокс. Когда планета возникла в холодном рассветном воздухе, словно богиня, восставшая из зеленой пены у финикийского берега, казалось, что ей еще неведомы бессмысленные запреты на любовную страсть. Что же заставило Акико оказаться там, где действуют иные законы, не те, по которым движутся планеты? Планетарные законы строги. Они

управляют эллиптическими орбитами вокруг Солнца; обеспечивают условия, когда линии, связывающие Солнце с планетами, движутся в определенное время, и площадь веерообразной плоскости, которую образуют эти линии, остается постоянной; сохраняют пропорциональность между квадратами времени оборота планет по орбите и кубами их средних расстояний от Солнца.

Эти законы, и только они, составляли мораль Акико. В отличие от чистоты земных женщин, связанных мелочными моральными обязательствами и ограничениями, ее чистота сверкала, как звезда, затмевающая любую мораль. Чистота! Чистота! Это слово бесконечным музыкальным эхом звучало в душе Акико. Оно не стихало, даже когда она ехала в переполненной электричке в университет или сидела в аудитории номер шестнадцать на лекции по истории американской литературы.

Однажды солнечный свет, лившийся через окна аудитории, отбросил блики на половину доски, и Акико со своего места трудно было прочесть, что на ней написано. Большими латинскими буквами там было нацарапано: НАТАНИЭЛЬ ГОТОРН. Часть надписи — фамилия — будто расплавилась

под лучами солнца, и тут Акико показалось, что свет из окон, словно крылом, прикрыл написанные мелом буквы и заменил их одним словом, которое могла прочесть только она. Чистота.

Как-то раз она зашла с подругой в кафе, где раньше не бывала. Там повсюду стояли фикусы, из проигрывателя гремела латиноамериканская музыка, а в темных кабинках дни напролет обнималась и целовалась молодежь. Увидев все это, Акико, вместо того чтобы встать и уйти, откинулась в кресле и какое-то время сидела, крепко зажмурившись.

— Что с тобой? — спросила подруга.

— Да ничего. Глаза устали. Посижу немного.

В этот момент громкий навязчивый припев вульгарной самбы вдруг сменился в ушах Акико на безупречную ноту: «Чистота! Непорочность! О-о! Непорочность!» И за закрытыми глазами Акико маленькое мрачное кафе в одно мгновение превратилось в холодное уединенное святилище, наполненное предрассветной прохладой, со стенами, на которых играли первые проблески зари. Там, погруженные в созерцание, сидели люди в белоснежных сверкающих одеждах с длинными рукавами. «Это кафе на Венере, — подумала Акико. — Наверняка скоро принесут венерианский

кофе».

Таких случаев было очень много.

Поздней весной, во время максимальной восточной элонгации[7], Акико ехала в час пик на электричке по линии Сэйбу и из окна вагона увидела за полями яркую вечернюю звезду — Венеру. Зажатая между мужчинами, воняющими немытым телом, она опустила голову, чтобы не чувствовать их несвежее дыхание. Она не могла даже пошевелить рукой с портфелем, а при каждом толчке поезда ее швыряло из стороны в сторону. И когда Акико показалось, что тело того гляди сломается под нажимом грубой бесчувственной массы человеческой плоти, ее голова приподнялась над чьим-то грязным плечом, бледное прозрачное лицо всплыло, словно цветок лилии, и через окно она посмотрела на висевшую над полями Венеру. Вагон покачивался, и Венера словно раскачивалась вместе с ним. Звезда как бы преследовала мчащийся поезд. Несокрушимая чистота сияла в весеннем вечернем небе…

---

[7] Примечания: 7

Восточная элонгация — положение планеты, при котором она видна вечером к востоку от Солнца.

* * *

Дорожка привела к развилке. По прямой был дом Осуги. Но брат с девушкой повернули направо. Опасаясь, что они могут обернуться и заметить ее, Акико шла за ними, прижимаясь к живой изгороди. Руку оттягивала корзинка с бобами и банкой консервов.

Правая дорожка вела к боковому входу в храм Инари[8]. Помахивая сумкой и весело смеясь, брат чмокнул девушку в щеку. Та слегка прижалась к нему гибким телом, он небрежно обнял ее. Стильный покрой темно-синего плаща выгодно подчеркивал широкие плечи Кадзуо.

Невысокая девушка была одета в мешковатый мужской свитер большого размера с закатанными рукавами — последний писк моды у студенток и школьниц. Ее лицо, обращенное к Кадзуо в профиль, мягкое, с хрупкими нежными линиями, идущими от губ к подбородку, казалось детским. Она была ровесницей Акико или, возможно, на год-два моложе. Накрашенные губы, спелые и

[8] Примечания: 8

Инари — синтоистская богиня процветания и ремесел. Одним из символов Инари является лиса, поэтому в посвященных Инари храмах можно увидеть статуи этого животного.

блестящие, казалось, сами по себе втягивали воздух. Ягодицы, туго обтянутые фиолетовой юбкой, покачивались в такт походке, ткань отражала солнечный свет.

Парочка вошла в святилище, где вдоль дорожки, ведущей к храму, росли старые кедры и сакура. Между деревьями стояли скамейки, за ними качели и турник; слышались детские голоса. Здесь же матери с привязанными на спине младенцами собирали опавшую кедровую хвою для костров. Кадзуо с девушкой, похоже, не могли решить, куда им сесть. В конце концов скамейке в тени деревьев они предпочли место на солнце, рядом с каменной чашей для омовения рук, на которой было вырезано: «Первый крик петуха».

Укрываясь за кедрами, Акико сняла приметный красный берет и сунула в корзинку с покупками. Она медленно подкралась к парочке сзади и спряталась за деревом, откуда могла хорошо слышать разговор.

— То есть ты прогуливаешь учебу, а семья ничего не знает?

— Да ладно тебе. Все под контролем. Даже если я собираюсь пропустить какое-то занятие, все равно выхожу из дома вовремя. А сегодня занятий вообще не было. Вирус какой-то, все наши

стариканы-учителя слегли. Домой друг к другу мы не ходим. Все так делают. У матери без шансов что-то выведать и заподозрить.

— Ну ты и умник! — весело похвалила его девушка.

Акико видела только спину брата, но почувствовала, как, польщенный словами подруги, Кадзуо расплылся в широкой улыбке.

— Да-а, голова у тебя варит, Кадзу-тян[9]. С тобой надо быть начеку.

— Ну уж ты скажешь! — По голосу было понятно, что Кадзуо очень доволен. — В Токио, конечно, можно классно поразвлечься, но здесь, когда все рядом, иди куда хочешь, делай что хочешь… это просто кайф.

— Я не люблю острые ощущения. Предпочитаю большую толстую подушку. Вот это для меня счастье. Знаешь, такие шикарные подушки, на которых сидят монахи?

— Знаю! Но мне нравятся маленькие пухленькие подушки. Вроде тебя.

— Ты ужасен!

Акико кипела от злости, слушая их. Но только

---

[9] Примечания: 9

Тян — один из распространенных именных суффиксов в японском языке, наряду с *«кун»* употребляется в фамильярной речи вместо официального суффикса *«сан». — Примеч. ред.*

она собралась выскочить из засады, Кадзуо с девушкой принялись целоваться, и она замерла на месте. Она впервые видела, как брат целуется. Сжатые губы Кадзуо скривились, вид у него был глупейший.

Акико крепко зажмурилась. В темноте перед глазами взорвались и разлетелись во все стороны сотни Венер. Она запустила руку в корзинку с покупками и подошла к скамейке. Девушка из-за поцелуя забыла обо всем на свете, голова ее была запрокинута, глаза закрыты. Акико схватила пригоршню бобов и швырнула ей в лицо.

Девушка с криком вскочила со скамейки, отбежала на несколько шагов и обернулась. Акико улыбалась. Девушка внезапно разрыдалась:

— Урод! Я знала, что у тебя кто-то есть! — Она выкрикнула это несколько раз.

— О чем ты? Это моя сестра!

— Знать ничего не хочу!

Девушка отвернулась, сделала несколько неуверенных шагов и вдруг побежала прочь по дорожке.

Кадзуо был на удивление спокоен. Не вставая со скамейки, он подобрал несколько бобов и спросил:

— Почему бобы? — Он поднял на сестру глаза,

полуприкрытые длинными ресницами. — Что на тебя нашло, Акико?

Акико не ответила. Она обошла скамейку и села рядом с братом. Вытащила из корзинки красный берет и натянула на голову по самые уши.

— Так в чем дело?

— Думал, я не знаю, что ты морочишь голову сразу нескольким девушкам? Но своими глазами первый раз увидела.

— И поэтому взбесилась, да?

— Ну… она же землянка…

Кадзуо молчал. Поднялся легкий ветерок и забросил брату с сестрой на колени несколько изъеденных насекомыми листьев сакуры. Это был невыразимо сладкий момент.

— Ладно, скажу, что я об этом думаю. — Кадзуо быстро огляделся, прежде чем начать. — Во-первых, ни одной из девушек я не открыл свою тайну. Ты, наверное, боишься, что я проболтаюсь. Но, как сказал папа, если кто-то узнает, что мы инопланетяне, от этого будет больше вреда, чем пользы. Во-вторых, мы никогда не должны забывать, что миссию по защите мира на Земле нам доверила Вселенная. Сама Земля не просила нас делать эту работу. Мы ничего Земле не должны и, в конце концов, не несем за нее ответствен-

ности. В отличие от людей, мы не отвечаем за землян и их дела. Конечно, убийство землян не противоречит нашей морали, но в таком случае возникает конфликт с их юридической системой. Поэтому в таких делах мы крайне осмотрительны, и папа даже платит все налоги… Но когда дело касается земных девчонок, ничего не могу с собой поделать. Они такие экзотические, диковинные, изящные, в них чувствуется какая-то первобытность. И еще важно, под каким углом на них смотреть. Местные самцы любят смотреть на них снизу, а люди небес, то есть мы, склонны наблюдать за ними сверху. С такого ракурса открывается вид на ровную ложбинку между их округлыми белыми грудями. Ну как не посмотреть?.. По правде говоря, это не такое уж серьезное искушение. Мне можно не отвечать за свои поступки, но им не надо этого знать. Даже если одна из них забеременеет…

— Что-о?! От тебя уже кто-то забеременел? — с ужасом воскликнула Акико.

— Расслабься. Я сказал «если».

— С меня и «если» достаточно. Кошмар какой! Это что же получится? Гибрид инопланетянина и человека? Тебе не приходило в голову, на какие муки будет обречен такой ребенок? Это же

катастрофа. На него лягут обязанности землян, он будет связан законами этого мира. А в его сердце останется отпечаток вселенской свободы, свойственной его отцу. Это наделит его чувством, будто ему все позволено, будто он находится за пределами земных представлений о добре и зле. Жизнь этого ребенка будет полна лишений и страданий.

— Ты зря так беспокоишься, — спокойно возразил брат. — Даже если какая-то девчонка забеременеет, она же мать, ее материнская любовь справится со всеми трудностями. А я, как уже говорил, тут совершенно ни при чем… Ну а если мать с ребенком будут так уж сильно страдать, можно что-то придумать и тихонько их убрать. Это покажет, что страдать из-за меня — совершенно бесполезное занятие.

— Это все так, конечно, — с неожиданной легкостью согласилась Акико. — Но у меня такое чувство, что где-то на твоей родной планете есть прекрасная девушка, которую ты любишь. В твоем сердце, должно быть, хранятся воспоминания о чистой и возвышенной небесной любви, отличной от грубой животной страсти, которая существует здесь, на Земле. Если же там ничего не осталось, я могу лишь заключить, что ты на-

ходишься под действием какого-то яда, которым тебя отравили злые земляне. Жаль, что я вышла из себя и вечером *сируко* получится меньше. Но это ты виноват.

Накал пререканий немного спал, и Кадзуо бросил на красавицу-сестру ехидный взгляд:

— Ну хватит уже. Не навязывай мне свое мнение. Вы, венерианцы, много о себе воображаете.

— С чего ты взял?

— Я знаю, что говорю. Ты переписываешься с венерианцем, который живет в Канадзаве. Так? Это и есть «чистая и возвышенная небесная любовь»?

Акико вспыхнула. Но, как серьезная девушка, она не могла позволить себе обмениваться колкостями. Униженная мыслью, что над ее искренними чувствами насмехаются, Акико разозлилась и гневно взглянула на брата. Ее ясные светлые глаза налились поразительной голубизной, кровь отхлынула от щек, правильные черты лица четко обозначились в ярких лучах утреннего солнца. За этим светом проступал холод ночного неба, по которому внезапно рассыпались звезды.

Кадзуо знал это выражение, появлявшееся на лице сестры, когда она была по-настоящему зла.

Теперь он жалел, что наговорил лишнего, но было уже поздно. С презрительной усмешкой на красивых губах Акико сказала:

— Ты у нас большой болтун, да? Но возможно, на самом деле ты большой обманщик.

— Как это понимать?

Догадавшись, на что намекает Акико, Кадзуо вдруг тоже вскипел. Впервые кто-то усомнился в нем; и в этой ссоре сестра метила ему в самое больное место. Поэтому все, что оставалось Кадзуо, — применить ту же тактику.

— Да, самый настоящий обманщик. Может быть, ты всего лишь обыкновенный землянин. Говоришь, что прибыл с Меркурия, но что-то я не слышала ни об одном меркурианце, который бегал бы за юбками. Обманываешь, что видел летающую тарелку. Мама и папа видели ее, а ты воспользовался случаем и притворился, что тоже видел. На автобус боялся опоздать.

— Я видел. Я правда видел. Это тебе нельзя верить.

— Я вот этими самыми глазами видела тарелку. Вспомни, как я смеялась, сомневалась до последнего, пока тарелка не появилась в лесу над храмом Хатиман. С тех пор я верю.

— А свидетели у тебя есть?

— Нет у меня никаких свидетелей. — Акико замялась. — На что это ты намекаешь?

— Свидетелей у тебя нет, но ты утверждаешь, что видела тарелку. Вообще, твоя манера изображать из себя инопланетянку очень подозрительна. Ты должна вести себя естественнее.

— Слышать не желаю грязные слова, которыми разговаривают люди. От них смердит человеком.

— То есть ты во мне сомневаешься?

— Да, сомневаюсь, — отрезала Акико.

И ее сразу же охватила неописуемая печаль, а на глаза навернулись слезы. Она посмотрела себе под ноги и увидела растрескавшуюся высохшую землю, на которую падала тень от прямоугольной каменной чаши. Воды в чаше не было, только куча сухих листьев. Камень расчертили линии, похожие на кровеносные сосуды, нарисованные красным карандашом. Это были даже не рисунки, просто дети пробегали мимо и намалевали что-то, сложившееся в мрачный и зловещий узор. Из-за кедровых зарослей доносился скрип турника, напоминавший скрежет зубов страдающего от боли человека.

Брат и сестра замолчали, увидев неприятный, беспорядочный мир. Это был тот самый мир, который так часто раздражал их отца. Мир, по-

груженный в хаос, лишенный смысла, гармонии и единства.

«Да, сомневаюсь». После этих слов Акико прекрасный, кристально чистый мир, в котором они жили, рухнул, и на его месте возник другой, ужасающий, будто вырвавшийся из-под земли. Его жуткую спину покрывали иссиня-черные пятна.

* * *

Больше они ничего не говорили друг другу до самого вечера. За ужином невольно пришлось общаться. Сладкий бобовый суп, который старательно готовила мать, получился так себе, но брат с сестрой, постепенно остыв от ссоры, ели его с удовольствием. Ночью Акико зашла к брату. Там пахло газом от обогревателя, и Кадзуо распахнул окно, чтобы проветрить комнату.

Из выходившего на юг окна открывался вид на великолепное звездное небо. Орион еще не появился, Скорпион уже утонул на западе, за ним следовал и Стрелец. У соседнего Козерога были видны только голова и хвост. В центральной части небосвода расположился Водолей, состоящий из Садальмелика — альфы Водолея, звезды третьей величины, обозначающей голову прекрасного юноши-водоноса, — и расположенных

слева четырех звезд, образующих его кувшин, из которого на юг выливается звездная вода, а Рыбы пьют ее, стараясь не упустить ни капли.

Пока брат и сестра молча смотрели на звездное небо, их души полностью исцелились. Строгий порядок небесной канцелярии восстановил доверие, извинения и оправдания стали не нужны.

— Конечно же, мы прибыли оттуда. Просто иногда воспоминания размываются…

— Ты права. Вот почему нам иногда нужно смотреть на небо. Чтобы вернуть воспоминаниям яркость и выразительность, — серьезно сказал Кадзуо, а потом чихнул.

* * *

Со времени последней встречи одноклассников прошли годы. На этот раз собирались на втором этаже одного ресторанчика в районе Нихонбаси. Дзюитиро решил сходить: он все равно собирался в Токио, хотел зайти в «Марудзэн»[10], посмотреть иностранные издания о летающих тарелках.

На железнодорожной станции Ханно ему встретилась группа одетых по последней тури-

[10] Примечания: 10

«Марудзэн» — старейший и самый крупный в Японии магазин иностранной книги.

стической моде молодых людей, выходивших из поезда. Дзюитиро прошел через турникет и стал ждать свою электричку. Ханно — главные ворота национального парка Оку-Мусаси, поэтому в любое время года сюда приезжало множество туристов. Облачившись в разноцветные шарфы и походные ботинки, к которым непременно прилагались большие водонепроницаемые часы, они открывали для себя «тайны природы». Весь час пути до Икэбукуро Дзюитиро размышлял, как справиться с охватившим мир безумием.

Выйдя из «Марудзэна», он, чтобы убить время, направился в универмаг напротив купить какие-то мелочи, о которых попросила жена. Его так захватило богатое разнообразие товаров со всего мира, что он бродил по магазину до самого закрытия. Представленный на полках ассортимент очаровывал. Сверкающие золотые коробки с изюмом, пушистые свитера, трусики с цветочной вышивкой, игрушечная железная дорога со станциями, туннелями и мостами, красочные упаковки детских пеленок. Шедевры человеческой цивилизации, способные вновь наполнить сердца людей очарованием жизни. Каждая вещь идеально соответствовала своему предназначению, выполняла исключительно свою функцию и

демонстрировала растерянным и полубезумным потребителям, как мелочи могут сделать жизнь комфортнее. Каждая вещь имела свое место: метла оставалась метлой, ботинки — ботинками, а вместе они создавали грандиозную цепь, которая прочно приковывала людей к такой жизни.

«Пока я здесь, я в безопасности, — думал Дзюитиро. — Человеческое безумие ненадолго излечивается. Универмаги для этого и нужны. Они как больницы».

Дзюитиро хорошо знал патологические склонности землян. Массы, или то, что называется народом, в любой стране были здоровыми, в равной степени увлеченными новациями и старомодными традициями, мелочно-подлыми, но в то же время добрыми и сочувствующими, старались избегать опасностей и сильных эмоций, больше всего любили спокойную мирную жизнь… Однако, несмотря на все эти качества и особенности, были вполне способны сойти с ума.

Когда Дзюитиро поднялся на второй этаж ресторана, большинство одноклассников уже собрались. Они рады были встретиться после долгого перерыва и шумно общались со старыми школьными товарищами.

Дзюитиро представлял для них загадку. Никто

не знал, чем он занимался после войны. Кто-то упомянул его имя и на всякий случай отправил приглашение на его старый адрес в Ханно. И очень удивился, когда Дзюитиро откликнулся и обещал прийти на встречу. Пока он не пришел, все строили разные догадки на его счет.

В школе Дзюитиро ничем особо не выделялся, поэтому одноклассники помнили его смутно. Он посещал литературный кружок, писал странные, малопонятные стихи. Еще ходил в художественный клуб, рисовал милые теплые пейзажи и увлеченно занимался в музыкальном кружке. Репрессии правительства против сторонников левых идей в Японии и ликвидация марксистских литературных объединений, начавшиеся пятнадцатого марта тысяча девятьсот двадцать восьмого года, повлияли на многих людей, затронули даже школы. Однако Дзюитиро, сын богатого лесопромышленника из Ханно, избегал всех новых веяний, будто не замечая.

Единственное, чем Дзюитиро выделялся в толпе, так это опрятной внешностью — он терпеть не мог заношенную одежду. Он не интересовался окружающим миром, на проявления сентиментальных дружеских чувств только слабо улыбался. Зимой, когда выдавались теплые дни,

он, съежившись в своем черном пальто, сидел на корточках на школьном дворе, на солнышке под большой акацией, в стороне от всех. За это его прозвали Черной мухой. При этом он не выглядел озабоченным или унылым. Он робел и стеснялся, когда приходилось что-то просить у приятелей, например тетрадь, а на просьбу дать взаймы быстро совал деньги просителю, даже не взглянув на него. И ни одна девочка в школе Дзюитиро не нравилась.

В общем, ни у кого из одноклассников, собравшихся на встречу, Дзюитиро сильного впечатления не оставил. В памяти сохранился только маленький пробел, который воспоминания не могли заполнить. На фотографии класса, сделанной на память, лицо Дзюитиро нельзя было толком различить в тени от форменной фуражки. За лихорадочными попытками вспомнить о нем хоть что-то скрывалось нечто вроде зависти к завесе пустоты, окружавшей юношеские годы Дзюитиро, в которой не было ни капли раздражающей ненависти к себе, обычно свойственной подросткам.

— Странный человек. Жил себе тихо, спокойно. «Ее ненавидят, а живет она долго. Зимняя

муха», — процитировал хайку Кикаку[11] Сатоми, директор общего департамента компании «Тодзай дэнки», немного разбиравшийся в поэзии. — Или нет?

— Кто знает. Такие тихони, вопреки ожиданиям, в семье бывают настоящими тиранами. Жены и дети не знают, куда от них деться, — высказал свое мнение Маэда, директор «Дай Ниппон хитокину».

— Себя, что ли, имеешь в виду? — решил поддразнить его острый на язык Сакаки, адвокат. Он вечно ко всем цеплялся.

Тем временем раздвинулись *сёдзи*[12], и вошел Дзюитиро. В прошлом никто его знать не хотел, а тут все встретили приветственными возгласами.

— О, да ты седой! Какая жалость! А я поспорил, что ты облысеешь, — высказался Оцу, владелец известного магазина тканей и мануфактуры на Гиндзе.

---

[11] Примечания: 11

Такараи Кикаку, также Эномото Кикаку (1661–1707) — один из наиболее значительных японских поэтов своего времени и один из первых учеников Мацуо Басё. Автор стихотворной антологии, ставшей событием в истории *хайку*.

[12] Примечания: 12

Сёдзи — в традиционной японской архитектуре двери, окна и перегородки, разделяющие внутреннее пространство дома. В отличие от дверей *фусума, сёдзи* обтягивают полупрозрачной бумагой *васи*, и они пропускают свет. — *Примеч. ред.*

Дзюитиро предложили занять место во главе стола. Смутившись, он сел, скрестив ноги в самых обычных брюках. Все взгляды были прикованы к нему, все оценивающе следили за каждым его движением, словно он был женщиной. Судя по всему, он не собирался просить у них в долг, так что можно было не беспокоиться. Возможно, Дзюитиро впервые за двадцать лет решил встретиться с одноклассниками, чтобы завязать знакомства, которые могли бы помочь его сыну устроиться на работу. А раз так, решили все, можно расслабиться.

Все приглашенные уже собрались, организатор встречи произнес несколько приветственных слов, а затем бывшие одноклассники стали рассказывать о себе.

Первым встал Тамагава.

— Сейчас я занимаю пост заместителя министра финансов. В министерстве мы прилагаем все усилия, чтобы снизить налоги в следующем году. Уверен, что вы этого очень ждете. Работаем, не щадя себя, чтобы оправдать ваши надежды.

— Смотри не надуй нас!

— У меня два сына и три дочери, — продолжал Тамагава. — И все они, как и я, похожи на эту

американскую куклу, Билликена[13]. Это у нас от деда, так что они точно пошли в меня.

Тамагава действительно походил на Билликена. Если поработать с его внешностью — приладить на лысеющую голову пучки черных волос, убрать мешки под глазами, разгладить щеки, подтянуть губы, — получилось бы молодое, доброе, улыбчивое лицо. Было в нем нечто, наводившее на мысли об июньском ветерке, пробегающем по верхушкам акаций, или о запахе неубранной постели в третьеразрядном общежитии. Невозможно было определить, кто перед вами: старик, пародирующий молодежь, или карикатура на саму молодежь.

Наконец настала очередь Дзюитиро. Он встал и задумчиво начал:

— Наверное, кто-то меня не помнит в лицо. Я Осуги Дзюитиро. Я не работаю. Есть сын и дочь. Жена здорова. Как-то так… Больше сказать нечего.

Для человека, который постоянно должен помнить, что ему следует вести себя как обычные

---

[13] Примечания: 13

Билликен — кукла-талисман, придуманная в 1908 году американской художницей Флоренс Перц по мотивам японского божества счастья Хотэя, «бога вещей, какими им до́лжно быть». Похож на сидящую обезьянку с заостренными ушами, заостренной макушкой с пучком волос, короткими руками и широкой озорной улыбкой. — *Примеч. ред.*

люди, такая речь была мимо цели. Никто не засмеялся, все сидели тихо, забыв похлопать для приличия.

По мере того как выступали участники встречи, складывалось впечатление, что люди из разных слоев общества, находившиеся на пике карьеры, бодаются на глазах друг у друга, стараясь доказать, у кого самый большой стол. Чем больше все выпивали, тем громче становились разговоры.

— Этим летом мы здорово заработали на тропических рубашках. Текстиль — прекрасный пример того, что нельзя отбрасывать новые идеи и технический прогресс.

— Защита на деле Нагаи ничего не заработает. Пока они увязают в судебных разбирательствах, вся прибыль идет ко мне.

— Покупайте мои акции! Этим летом мы продали пятьсот пятьдесят тысяч вентиляторов, сейчас переключаемся на электроплитки. Особо теплой зимы не ждите.

— Если так и дальше пойдет, у Икэды будут большие проблемы. Хотя ни один кабинет министров еще не падал из-за провалов экономической политики.

— Говоришь, у него с диабетом совсем плохо? Но бывают же исключения.

— Мне нравится пищевая добавка для печени, которую делает твоя компания. Хочу порадовать своих клиентов. Уступишь по оптовой цене?

— Как это нет телефона? А почему ты ко мне не обратился? Завтра поставим. Прямо завтра сделаем.

— По сути, хайку — это поэтическое произведение о цветах и птицах.

— Депрессия? Так это нормально. Способ оздоровления японской экономики. То же самое происходит на Западе. Сначала горячая ванна, потом холодный душ, снова горячая ванна и холодный душ… Послушай, от этого экономика становится только сильнее.

— Когда эта гейша впервые появилась в Янагибаси три года назад…

Эти разговоры не касались Дзюитиро. В этой компании он был сам по себе, но спрятаться от громких голосов не мог. В ушах отдавался раскатистый, резкий голос заместителя министра Тамагавы — тот стоял неподалеку и сплетничал с небольшой группой людей, собравшихся вокруг него. Они обсуждали известного политика, который, хоть и не входил в состав правительства, нацелился на кресло премьер-министра.

— Вот уж не думал, что Куроки-сан такой доб-

росердечный. Несмотря на занятость, пришел в храм, когда поминали мою жену, зажег благовония и прослезился. Было видно, что он это от души… — сказал один из этой компании, желая показать, что у него с Куроки приятельские отношения.

— Да ладно! Он просто актер. Все это чудовищный спектакль! Выставляет себя кристально честным, чтобы привлечь молодежь. Нечасто встретишь такую незапятнанную фигуру среди консерваторов. Пока он выглядит чистеньким, кого заботит его честность? Вот так дела и делаются, так легко зарабатывается популярность.

Куроки был на несколько лет моложе Дзюитиро и, казалось, по популярности среди молодежи опережал премьера. Он открыл частную академию для юношей и вкладывал все силы в развитие «нового образования». Это был крупный проект, направленный на защиту будущего японской молодежи от «ядовитых клыков» Союза учителей[14], и его автор оставался верным приверженцем и последователем старых консервативных политиков, которые уже отошли

[14] Примечания: 14

Союз учителей Японии был создан в 1947 году при содействии японской компартии и в 1950–1960-е годы постоянно подвергался нападкам консерваторов.

в мир иной.

Куроки был худощавым и подтянутым, его тело, закаленное физическими упражнениями, выглядело юношеским. Обладал потрясающими ораторскими способностями, и стоило ему появиться на телевидении, как женщины, по слухам, таяли от его взгляда и красноречия.

— Почему ты к нам не приехал, раз все так плохо? Одного телефона недостаточно, сколько ни звони. А вот если ты приедешь в офис к Нодзу…

Дзюитиро постепенно сходил с ума и жалел, что явился на это сборище. «Зачем я сюда пришел? Черт меня дернул! А может, моя миссия невольно привела меня сюда, чтобы я открыл глаза собравшимся здесь людям с широкими связями? Иначе зачем бы меня занесло в такое далекое от мирового единства и гармонии место?»

Он вдруг представил горы радующих глаз товаров, аккуратно сложенных на полках универмага, куда он заходил перед встречей. Если задуматься, все это изобилие производится такими вот людьми!

Дзюитиро на мгновение представил себе этих людей. Их одежда сорвана взрывом; голые, они лежат ничком на земле и стонут в агонии. Кожа на них висит клочьями, в руках пучки вылезших

волос. Глаза обожжены, встать нет сил. Они лежат друг на друге, время от времени поднимают головы и еле слышно молят о помощи. Вокруг разбросаны искореженные кондиционеры и телефонные аппараты. Мертвое тело впечатано в рухнувшую стену, уцелел только красный галстук, свисающий, как высунутый изо рта язык. В воздухе, как стая птиц, кружатся листы бумаги, чудом уцелевшие в огне.

Охваченный непреодолимым желанием высказаться, Дзюитиро поднялся с места.

— Извините! — набрав воздуха в узкую грудь, громко произнес он. — Пожалуйста, послушайте, что я хочу сказать.

Все удивленно затихли и устремили взгляды на Дзюитиро, на его вытянутое, бледное лицо в очках и с выступающим хрящеватым носом.

— Наш мир сейчас в опасности. Завтра может наступить конец света. Сейчас не время вкладывать деньги в телефонные аппараты, закупать оптом лекарства, ломать голову над тем, каким будет следующее правительство или писать хайку об электроплитках. Мы должны сплотиться и общими усилиями предостеречь человечество от глупости, освободить людей от идеологической зашоренности, открыть глаза всем, кто ослеп-

лен религией, чтобы они снова стали такими, какими должны быть по своей природе. Не сделаем этого — всех ждет страшная беда. Если не установим сейчас вечный мир на Земле, перед человечеством разверзнется огромная темная могила. Забудьте о повседневных заботах, присоединяйтесь ко мне и сделайте первый шаг во имя великой миссии по спасению мира.

Речь Дзюитиро сначала приняли за шутку, и большинство встретило его слова по-доброму. Но чем дольше он говорил, тем громче становился шепот; некоторые недовольно отворачивались, кто-то тыкал в бок соседа, сдерживая смех. Сдавленные смешки, вырывавшиеся у этих зрелых мужчин, нарастали, становились все громче, и вот уже от хохота задрожали раздвижные двери ресторана. В конце концов организатор вечера подошел к Дзюитиро и взял его за локоть.

Отведя его руку, Дзюитиро как ни в чем не бывало заявил:

— Я не сумасшедший, не думайте.

Голос его звучал тихо, но его услышали все и тут же смолкли в ожидании, что будет дальше. Наконец на фоне непрекращающихся смешков кто-то в подражание полицейским на «опасных» политических митингах, которые все они посе-

щали в молодости до войны, воскликнул:

— Это что за разговорчики!

Организатор, человек здравомыслящий и разумный, вывел Дзюитиро в коридор и под доносившийся из-за дверей смех сказал ему:

— Ты уж извини. Такой народ. Ничего не поделаешь. Они тебя не слышат. А на меня твои слова произвели глубокое впечатление. Я бы с удовольствием поговорил с тобой об этом, только не здесь, где-нибудь в другом месте.

— Сколько я должен?

— Что? — удивился организатор. Мешки у него под глазами, казалось, набухли еще больше.

— За сегодняшнюю вечеринку? Мне пора идти.

На станции Ханно Дзюитиро не сел в автобус, а предпочел неспешно прогуляться до дома. По дороге он часто останавливался, чтобы полюбоваться звездной ночью, и его душу снова наполняло мужество. Отголоски смеха то и дело отдавались в сердце, и ему казалось, что они проникают сквозь межзвездное пространство. Дзюитиро простудился. Несколько дней у него был жар. Ночами его лихорадило, в забытьи сны нередко прорывались, точно бурный поток сквозь плотину, и отвлекали как от неодолимой слабости человеческого тела, так и от недостатка

чувствительности.

3

Первого декабря экспресс «Белый лебедь», сменив направление, поехал дальше. За окном, в которое смотрела Акико, голые горы, покрытые редкой, высохшей желтой травой и низкорослыми чахлыми тополями, сменились залитыми солнцем пустынными равнинами, похожими на гигантские лужи после дождя, пролившегося с неба сквозь разрывы в облаках.

Это была первая самостоятельная поездка Акико. Отцу и матери не нравилось, что она ехала одна. Потрясенные безрассудством дочери, которую все еще считали маленькой, они очень беспокоились о ней и отчаянно пытались ее остановить. Акико раздражали забота и опасения родителей, это чрезмерное проявление *человеческих* чувств. Ведь тогда, на рассвете, на горе Ракан, мать сама говорила: «Мы же с вами не люди. Нельзя об этом забывать. Ни на минуту».

— Этот парень из Канадзавы утверждает, что он с Венеры. Вдруг он какой-нибудь мошенник, землянин, который хочет тебя обмануть? И тут приезжает девушка, нераспустившийся бутон…

— Он не может быть человеком. Это исключено. Ни один землянин не смог бы так меня вдохновить.

— Какое может быть вдохновение от простого письма?

— Все, что мне нужно, это встретиться с ним. Увидев его, я мигом все пойму. Почувствую что-то подозрительное — сразу уйду.

Поездка Акико отчасти была продиктована тем, о чем нельзя сказать вслух. Она перестала верить отцу. В ноябре Дзюитиро трижды получал уведомления о визите летающих тарелок, и все три раза дело кончилось ничем. Более того, семья с большой помпой объявила о прибытии инопланетян — размножила сообщение о предстоящем событии на гектографе и разослала членам Общества вселенской дружбы.

Дзюитиро общался с инопланетным разумом телепатически, тайно, глубокой ночью, так что семья не могла определить, был ли его метод ошибочен или ему просто не хватало умения. Акико, в отличие от отца, не приходилось годами сталкиваться с разными сложными ситуациями в мире, и она никогда не искала способов исправить положение. Все, что ей было нужно, — это искренняя, не вызывающая никаких сомнений

эмпатия и неоспоримые доказательства.

Акико не могла не завидовать тому, как земляне представляют себе эмпатию. Вообразим, например, розу в вазе на столе. Каждый человек со стандартным образованием, получивший представление о розе как о названии предмета и том, что оно обозначает, поймет, что перед ним роза. Сомнений на этот счет у него не будет. Слово «роза» вдохновляет поэта на написание стихов, и сколько бы поэт ни притворялся, будто страдает от одиночества, даже малоизвестное стихотворение вызовет у читателя чувства, происходящие из ассоциаций, которые вызывает у людей это слово.

Однако у Акико не получалось выражать свои чувства стихами. Даже своей семье! Будь она художником, как, к примеру, Ван Гог, наверное, смогла бы нарисовать такое странное солнце, каким его видела, и вызвать у людей всеобщее понимание и интерес к этому изображению. Но воплотить в искусстве свою родную Венеру и летающие тарелки с посланцами оттуда она не могла.

Акико стала почти безразлична косметика — краситься, чтобы понравиться землянам, ей было даже неприятно. «Если я не собираюсь

изображать из себя красавицу перед венерианцами, какой смысл сидеть перед трюмо, пудрить нос импортной пудрой и подкрашивать губы помадой?» — думала она. Модные цвета года и меняющаяся длина юбок не имели для нее значения. Люди говорили, что она красива, но ее одолевали сомнения: вдруг по венерианским представлениям о женской красоте она уродлива? Акико была готова заплатить любую цену, чтобы получить доказательства обратного. Даже если бы весь мир заявил, что она красива, это все равно не удовлетворило бы ее. Редкая красота Акико была красотой одиночества, без малейшего намека на кокетство.

Молодого венерианца из Канадзавы звали Такэмия. В письмах к Акико он не пытался ей польстить или угодить, ведь прежде они никогда не виделись. Просто он обладал способностью предсказывать появление летающих тарелок, хотя его предсказания были ограничены пределами одного региона — Канадзавы. Он не раз писал, что, если она посетит Канадзаву в один из особых дней, они непременно станут свидетелями прибытия летающей тарелки. Он указал дату и время появления: второе декабря, пятнадцать тридцать. Акико отмахнулась от возражений

родителей и написала, что приедет. Кадзуо, узнав о ее решении, лишь молча усмехнулся.

Хотя в последнее время Акико пренебрегала косметикой, для этой поездки она заказала модный костюм из черного бархата, сделала макияж и в целом приложила все усилия, чтобы выглядеть как можно красивее в человеческих глазах. «Проверю, какая у него будет реакция, и пойму, насколько хорошо я выгляжу. Если скажет, что, на взгляд венерианца, я уродлива, это опровергнет не только мое собственное представление о красоте, но и представление всего человечества. Если он скажет, что я красива, значит у людей не такой уж плохой вкус».

Акико никогда не делала маникюр, но в этот раз даже ногти на ногах покрасила бледно-розовым лаком. Женщина средних лет, сидевшая рядом с ней в поезде, безмятежно спала. Когда Акико пошла в вагон-ресторан, мужчины не могли отвести от нее глаз. Она была звездой под прицелом толпы астрономов-любителей, наблюдавших за ней в дешевые телескопы.

С утра было пасмурно, пейзаж за окном вагона мок под дождем. Но стоило поезду приблизиться к побережью Японского моря, как солнце стало все чаще проглядывать через просветы в облаках.

Акико окинула взглядом пепельно-серую поверхность залива Тояма, появившегося справа. Тем временем слева, на западе, солнце, пылавшее, как огонь в печи, пробивалось сквозь густые тяжелые облака, окрашивая их кармином. Но на горизонте плотная завеса скрывала границу между горами и небом, и лишь белые снежные бороды облаков, словно призраки, парили над горными склонами.

Акико положила на колени взятую в дорогу книгу. Потом сравнила, как сверкает под падающими с запада солнечными лучами маникюр на правой и левой руке. Ногти у нее были ровные и красивые. Она вспомнила страстную тягу Кадзуо к экзотической красоте земных девушек. Мысли о брате вызвали у Акико чувство странной гордости, к которой примешивалось легкое унижение, дополненное чем-то приятным. В общем, не самые плохие ощущения.

«Белый лебедь» прибыл на вокзал Канадзавы в пять часов, как раз когда зажглись уличные фонари. Акико заранее сообщила Такэмии номер вагона и во что она будет одета. Не успела она сойти на платформу, как услышала запыхавшийся голос:

— Осуги-сан?

Первый вагон, в котором ехала Акико, остановился на открытой, неосвещенной части платформы.

— Да, это я, — тихо проговорила Акико, выходя из вагона.

Парень тут же подхватил ее сумку:

— Добро пожаловать! Я Такэмия.

В Канадзаве было необычайно тепло для этого времени года, так что Акико, выйдя из отапливаемого вагона и впервые вдохнув местный воздух, не испытала неприятных ощущений.

Так встретились два инопланетных существа родом с одной планеты — далекой Венеры. В людских глазах это событие выглядело как заурядное тайное свидание влюбленной парочки в темном углу железнодорожной платформы, но с точки зрения Вселенной это был момент поистине торжественной встречи созвездия Лебедя с Большим квадратом Пегаса на платформе, открытой взору небес. Поезд уже ушел, суета вокруг стихла, и воцарилась напряженная тишина, какая иногда возникает даже на оживленных вокзалах. Это позволяло ветру, нежно баюкавшему разноцветные сигнальные огни, осторожно шелестеть в вечернем небе, будто мерцавшие в небесах наблюдатели тихо перелистывали страницы

секретного документа, запечатлевшего встречу этой пары.

Обоим понадобилось какое-то время, чтобы прийти в себя от удивления при виде друг друга. Акико не представляла, что Такэмия так красив, у юноши было такое же чувство. В сравнении с земными сверстниками в его внешности не было ни одной несообразной черты, ни единого изъяна или недостатка. Раз Акико смогла по достоинству оценить красоту существа с Венеры, значит и она с точки зрения венерианца вовсе не безобразна, а, напротив, хороша собой. Это открытие невероятно обрадовало ее.

У юноши были белая кожа, которую оттеняла копна густых черных волос, взгляд с намеком на грусть и твердые, красиво очерченные губы. Держался он непринужденно, хотя алый галстук на шее под темно-синим плащом был нервно завязан маленьким узлом. Единственное, что отличало его от человека, — это едва уловимое неестественное эхо в чистом и звонком голосе, напоминавшее трение двух ржавых металлических брусков друг о друга.

— Я забронировал хороший номер в гостинице с видом на реку Сай. Давай сначала поедем туда. Я бы с радостью пригласил тебя остановиться в

нашем доме, но у нас большая семья, поэтому тесно.

— Под семьей ты имеешь в виду…

— Нет, конечно, я не женат. — Поняв, к чему клонит Акико, Такэмия покраснел. — В отличие от твоей семьи, мои родители, братья и сестры, дяди и тети, все земляне. Это очень больно.

Такэмия говорил, а Акико смотрела на него. У всех представителей семейства Осуги были ясные глаза, поэтому она не удивилась, увидев у него такие же. Однако красота его глаз была поистине неземной. Зрачки — как кристаллизованное ночное небо. Все земное, что отражалось в них, казалось очищенным, они явно несли на себе небесный отпечаток. Акико не сомневалась, что у них с обладателем таких глаз общая родина.

Такси, в котором ехали Акико и Такэмия, обогнуло квартал Коринбо с его обычной толчеей и вдоль длинного земляного вала направилось на юг, к реке Сай. Переехав большой мост, машина остановилась перед известной гостиницей на южном берегу реки. В номере Акико, оформленном в стиле чайной комнаты, уже было тепло и курились благовония.

Такэмия усадил Акико на почетное место и, опустившись на *татами*, вытянул руки впе-

ред и низко поклонился. Его блестящие волосы, спадающие на лоб, почти коснулись новой циновки. Акико никогда не видела, чтобы кто-то из молодых людей в Токио делал такой поклон. Ее брат родом с Меркурия, и манеры у него просто ужасные!

Хозяйка гостиницы зашла поприветствовать их. Она говорила с Такэмией, как с хорошим знакомым. Из нескольких фраз, которыми они обменялись, стало понятно, что оба увлекались театром но.

— Вы занимаетесь пением? — удивленно спросила Акико.

— Да. А Такэмия-сан еще исполняет танцы. Он настолько хорош, что весной даже дебютировал в «Додзёдзи»[15]. Всем остальным до него далеко, — сказала пухленькая, наполовину седая женщина.

В первый вечер Акико поужинала с Такэмией в гостинице. Служанка принесла украшенное ало-желтым осенним листом блюдо закусок —

---

[15] Примечания: 15

«Додзёдзи» — знаменитая драма театра но, названа по имени буддийского храма в городе Хидакагава префектуры Вакаяма; в 1957 году Юкио Мисима опубликовал собственную интерпретацию этой пьесы.

сушеную икру морского огурца, *сисомаки*[16] и северные креветки — и подогретое местное сакэ. Акико попыталась представить сидевшего перед ней современного молодого человека на сцене, в маске *фукаи*[17], длинном парике и красном женском кимоно с изысканными узорами, но безуспешно.

Такэмия отослал служанку: он явно хотел что-то сказать. После долгих колебаний юноша решительно улыбнулся и заговорил:

— Я понимаю твое смущение, когда ты узнала, что я участвую в представлениях но. Это связано с тайной, которую я не могу открыть людям. Именно благодаря своему дебюту в «Додзёдзи» я осознал, что прибыл с Венеры. Понимаю, что это странно, но с тех пор все мои контакты с инопланетянами связаны с театром но.

Такой странный поворот вызвал у Акико острое любопытство — ей не терпелось услышать, что скажет этот юноша, говоривший так вежливо и сдержанно. И он рассказал ей свою историю.

---

[16] Примечания: 16

Сисомаки — блюдо вроде голубцов: в соленые листья периллы заворачивают соленые сливы, пасту из соевых бобов и прочую начинку.

[17] Примечания: 17

В театре но маска *фукаи* используется для воплощения образа зрелой, элегантной и грациозной женщины средних лет.

* * *

Такэмия принадлежал к одному из знаменитых родов Канадзавы; семья по-прежнему жила в старом самурайском доме. Он не хотел, но ему все же пришлось изучать песнопения театра но. Так было принято в городе, в их кругу.

Песнопения театра но начали проникать в народ, когда Канадзава еще была феодальным владением. Местный *даймё* обратил внимание на удивительное сходство того, как дышат его ремесленники и артисты, и заставил мастеров заниматься пением. В замке Канадзава были открыты разные ремесленные школы — оружейников, живописцев, камнерезов, мастеров по оклейке ширм, перегородок и дверей, серебряному делу и многие другие. Когда *даймё* не надо было ехать в столицу[18], он приглашал в Канадзаву лучших актеров но из Киото, которые выступали перед ним несколько дней. Смотреть представления разрешалось даже простолюдинам, иногда на сцену выходил и сам *даймё.*

[18] Примечания: 18

В период сёгуната Токугава (1603–1868) существовала система, обязывавшая *даймё* (глав различных феодальных кланов) периодически некоторое время проводить на службе в ставке *сёгунов* в Эдо (современный Токио).

После революции Мэйдзи[19] этот обычай на время вышел из моды, но вскоре возродился. Попрактиковаться в песнопении под руководством наставников, приписанных к тому или иному району, собирались даже садовники и рыбаки. Закончив рабочую смену в ресторане или закусочной, люди, не снимая фартуков, собирались у конторки, чтобы обсудить, стоит ли петь «Одеяние из перьев»[20]. На церемонии поднятия конька крыши нового дома плотники исполняли песнопения из «Дворца вечной жизни»[21], во время поминок и заупокойных служб — из «Бродячего монаха»[22]. Кага-Хосё, одна из школ но, со времен сёгуната Токугава славилась прекрасными сильными голосами, но за последние двадцать лет ее позиции подточила токийская

---

[19] Примечания: 19

Революция, или реставрация, *Мэйдзи* — период восстановления реальной власти императора в Японии после правления сёгунов Токугава.

[20] Примечания: 20

«Одеяние из перьев» («Хагоромо») — одна из самых исполняемых пьес театра но; первые упоминания о ней датируются 1524 годом.

[21] Примечания: 21

«Дворец вечной жизни» («Тёсэйдэн») — самое известное произведение средневекового китайского драматурга и поэта Хун Шэна (1645–1704), было адаптировано для представлений в театре но.

[22] Примечания: 22

«Бродячий монах» («Ёробоси») — классическая пьеса театра но, написанная в XV веке и вдохновившая Юкио Мисиму на создание современной версии пьесы «Ёробоси: слепой юноша».

манера пения.

Такэмия был не из тех, кто бездумно противится устоявшимся нормам и старым обычаям. С детства его влекло к тихому спокойствию прекрасного, и он ни разу не разочаровался в красоте неизменной, не предлагавшей спасения. В отличие от других молодых людей, он изо всех сил старался не допускать опасных ситуаций, из которых кто-то будет его спасать.

Он предпочитал уединение, любил прогулки, ему нравились цвета северных морей. Он предчувствовал, что закончит свои дни в одиночестве в этом старом северном городе. Его утешала перспектива затеряться здесь в пыльной красоте, чтобы мир ничего о нем не знал.

Прозрачный воздух северной провинции, холодная, чистая, подобно белому фарфору, атмосфера увядания, мягкий глянец солнечных лучей на глазурованной черепице крыш — все это соответствовало образу старинного города перед замком, славившегося производством керамики, погруженного в глубины веков. Сблизиться с людьми Такэмия не сумел, как ни старался. Эти суетливые создания были далеки от него. В конце концов в нем укоренилось тихое одиночество, идея смерти становилась все величественнее,

а сам он превратился в подобие экстракта красоты, в нечто вроде чайной пиалы *Кутани*[23] с рельефным рисунком, выполненным золотой и пурпурной краской. Он прекрасно понимал, что сияние золота, интерес к смерти и сладкое одиночество юности выделяют его из всех, придают его уединению прелесть и шарм. От девушек он держался на расстоянии.

Он видел только вульгарность в пылких чувствах молодежи, в навязчивых «прогрессивных» идеях, свойственных северянам. Его интерес был направлен на поиски утонченного личного совершенствования, исключительных стремлений, всего, что противоречило современным веяниям. В этом мире не было ничего такого, что он считал необходимым. Но если необходимое не существует, оно должно существовать. Именно это было моральной основой красоты и искусства. Ему оставалось лишь одно — стать художником. Что еще? Нужно было наложить стремления и мечты на то, что уже существовало, создать новую, двуслойную реальность, в которой все видится в

[23] Примечания: 23

Кутани — разновидность японского фарфора. Изготавливался с середины XVII века в городе Кага, современная территория префектуры Исикава. *Кутани* называют фарфоровые изделия, декорированные надглазурной росписью.

двойственном свете.

В детстве он терпеть не мог песнопения, но в конце концов разделил любовь других северян к великолепным ледяным пассажам но. Их стиль, как чрезмерно изукрашенная богатая парча, помогал противостоять холодной и темной северной зиме. Подобно вычурной, броской керамике *Кутани* и изделиям в стиле *такамаки-э*[24], песнопения уравновешивали мрачные и тоскливые впечатления от реальности.

А еще Канадзава была городом звезд. Небо здесь было чистым в любое время года. Исключение составлял квартал Коринбо, отравленный неоновыми огнями. Звезды сверкали над крышами домов, как нежные капли дождя. В детстве Такэмия не особо привлекали звезды и астрономия. Когда кто-то из одноклассников приносил в школу карту звездного неба и начинал хвастаться, показывая, где какое созвездие, Такэмия оставался равнодушным. Позже, вспоминая то время, он решил, что интерес к звездам, должно быть, дремал в нем глубоко, как звездные отблески,

[24] Примечания: 24

Такамаки-э — техника создания лаковых деревянных изделий с выпуклым рельефом. Для объемности картины в лак добавляют металлический порошок, смешанный с древесным углем и глиняным порошком.

похороненные на дне заросшего пруда. И только весной, когда он вышел на сцену в пьесе «Додзёдзи», звезды впервые предстали у него перед глазами, дали о себе знать его душе.

Произошло это в апреле, в самый разгар наступившей в Хокурику[25] весны. В цвету стояли сливы, разом распустились ирисы, азалии, персики и абрикосы. В лучах солнца сверкали крыши старых самурайских усадеб, их коньки украшали забавные нарисованные кролики, а сами крыши покрывала узорчатая черепица.

Такэмия за кулисами надевал костюм перед холодным зеркалом, ожидая своего выхода[26]. Нервы были натянуты до предела. Возможно, в тот счастливый миг, когда он был готов погрузиться в глубины собственного бытия, он уловил пьянящие волны музыкального восторга, которые доносились из-за парчового занавеса

---

[25] Примечания: 25

Хокурику (букв. «Регион северных земель») — экономический район в северо-западной части острова Хонсю. Включает четыре префектуры: Ниигата, Тояма, Фукуи и Исикава (административный центр — город Канадзава).

[26] Примечания: 26

В театре но за цветным занавесом, загораживающим кулисы, расположена «зеркальная комната» *(кагами-но ма)*, где музыканты настраивают инструменты, а актеры входят в образ. В комнате висит большое зеркало, в которое смотрятся актеры перед выходом на сцену, чтобы «духовно настроиться».

и стремились обнять его. Они должны были вырвать его из двойственного существования, которое так долго держало его на плаву, и направить к единению с природой.

Теперь, когда он был готов воплотить человеческие грезы, его кристальная душа больше не нуждалась в других мечтах. Его ноги, будто вырезанные из дерева, были обтянуты чистыми белыми *таби*[27], и Такэмия скользящим движением ступил на отполированный до блеска пол крытой галереи, которая вела на сцену…

* * *

— Мне доставляет огромное удовольствие танцевать для вас. Я покажу вам все, на что способен.

С этими словами танцор на мгновение остановился перед главной сценой, чтобы надеть *эбоси*[28]. Затем, дойдя до сосны[29], он воскликнул:

---

[27] Примечания: 27

Таби — традиционные японские носки длиной до лодыжек с отделенным большим пальцем. Также есть уличные *таби* на резиновой подошве, которые обычно носят разнорабочие и строители.

[28] Примечания: 28

Эбоси — мужской головной убор, черный закругленный колпак из ткани или бумаги, часть костюма актера театра но.

[29] Примечания: 29

Задняя часть сцены в театре но украшена изображением сосны.

«Я так счастлив! Я буду танцевать для вас!» — и приступил к своему танцу.

Маленький барабан начал отбивать четкий ритм, рождая звуки, схожие со стонами, доносящимися из бездны. Такэмия поднял большой палец правой ноги и в таком положении, прижимая к боку веер, начал сложные движения, продолжавшиеся более двадцати минут.

В воздухе над сценой беззвучно висел большой пурпурный колокол, символизировавший тяжесть человеческих страданий.

Вновь зазвучал барабан, отбивая неистовый ритм. Эти звуки напоминали рев бури, проносящейся по пустыне. В маске *фукаи* были узкие прорези для глаз, сквозь которые смутно виднелся расплывчатый внешний мир. Для Такэмии он почти утратил смысл. Танец, уходивший корнями в Средневековье, требовал, чтобы движения совершались в одном темпе с ударами барабана. Исполнитель непрерывно поддерживал ритм танца, подстраивая его под свое дыхание…

Грубая поверхность внутренней стороны старой деревянной маски касалась вспотевших скул Такэмии, затрудняла дыхание, погружая в мучительное опьянение. Глаза вглядывались в тусклый свет зрительного зала, но внутри маски

он ощущал бездонный мрак. Удары барабана пронизывали тьму подобно порывам холодного осеннего ветра.

Как только темнота, пролегающая между внутренней поверхностью маски и его лицом, коснулась Такэмии, он почувствовал нечто странное. Как будто внешняя сторона прекрасной маски *фукаи*, невидимая для него, и есть его истинное лицо, а его настоящее лицо, отделенное от внутренней поверхности маски бездонным мраком, превратилось в нечто иное. Оно приняло форму его бессознательного «я», которое, возникая из глубокого колодца пока еще неведомых воспоминаний, было обращено к огромному полю тьмы.

Плоть, наполненная музыкой. Ноги в чистых *таби*. Девственная пустота души, рожденная постоянными усилиями по поддержанию тела в равновесии. Он находился в самом центре великолепия, как вдруг мир, видимый через узкие прорези маски, трансформировался во что-то совсем другое.

Покачивавшийся под звуки флейты колокол и тусклый свет, разлитый по сцене и зрительному залу, исчезли. В этот момент сквозь прорези маски Такэмия узрел иной мир. Казалось, он медленно, шаг за шагом пробирается через огромную

темную равнину внутри маски под аккомпанемент пронзительного завывания ветра. Путь далек, ноги устали. Но он предвидел, что центр его существования — нечто такое, что ему дорого, место, откуда произошла его суть, — лежит по другую сторону этой тьмы. Он шел. Воздух наполняла ужасающая музыка, от которой раскалывалась голова. Изредка до него доносились звуки флейты, которые окутывали его душу, как пар из утюга. Он шел. Чем ближе он был к цели, тем больше становились прорези в маске. Лившийся сквозь них свет прорезал простиравшийся перед ним мрак.

Возможно, мысль о звезде пришла на ум Такэмии, когда он услышал флейту. Ее тихая мелодия была подобна лучу звездного света, который пробивался сквозь космическую тьму. Эти прерывистые, размытые звуки в ушах Такэмии приняли форму яркого звездного сияния, сливающегося с рассветными лучами солнца. Чем еще могли быть эти звуки, как не светом утренней звезды?

Постепенно взору открылся его родной дом. В этом не могло быть сомнений. Он вдруг оказался у цели. Его глаза из-под маски увидели сияющий мир. Это была Венера.

* * *

— Ну и как? Каким же оказался мир Венеры? — спросила Акико, затаив дыхание.

— Не знаю, как описать. — Такэмия взглянул на нее, хмуря брови. — Поистине чудесное место. Я просто не могу выразить словами. Как бы это сказать… Пожалуй, совершенная красота.

— И все-таки, какой он? Что ты там видел?

— Ты же сама с Венеры. Ты должна знать, — строго промолвил Такэмия и замолчал.

Акико почувствовала, что не стоит дальше давить на него. Он продолжил свой рассказ.

* * *

С того дня Такэмия смутно осознал, что он венерианец. Но ему не хватало уверенности. Через неделю после выступления он зашел в парикмахерскую и, пока сидел там, листал последний номер какого-то бульварного журнала. Вдруг в колонке «Мир увлечений» его взгляд зацепился за объявление от имени Общества вселенской дружбы: «Если кто-то интересуется , откликнитесь. Отдадим все силы во имя мира во всем мире».

Такэмия не очень разбирался в таких вещах, но интуиция подсказывала, что символ как-то связан с космическими кораблями. Так началась его долгая переписка с Акико. Под влиянием непоколебимой уверенности Акико в своем венерианском происхождении Такэмия с трепетом в душе решил признаться, что он тоже с Венеры. Но он не рассказал, что у него было с маской но и о других странных событиях, случившихся после того представления, опасаясь, что не сможет все изложить в письме так, чтобы Акико его поняла.

Со временем Такэмия стал слышать далекий зов Вселенной всякий раз, когда надевал маску *фукаи*, фамильное сокровище его семьи.

Эта знаменитая маска, по слухам, была шедевром Эти Ёсифунэ, главного настоятеля храма Оти в провинции Этидзэн[30], прославившегося изготовлением женских масок для театра но в начале периода Муромати[31].

Такэмия часто закрывался в своей комнате и надевал маску. И вот однажды он услышал голос,

---

[30] Примечания: 30

Этидзэн — историческая область в регионе Хокурику, расположена в северной части современной префектуры Фукуи.

[31] Примечания: 31

Муромати (1336–1573) — период в истории Японии, на протяжении которого ставка *сёгуна* находилась в Муромати, неподалеку от Киото.

объявивший время и место прибытия летающих тарелок. Шестнадцатого июня в восемь вечера должны были прилететь сразу три корабля с Венеры. Место встречи — песчаные дюны Утинада. Он отправился туда, и тарелки появились как нечто само собой разумеющееся, точно в назначенное время. Так он в первый раз в жизни увидел летающие тарелки.

Такэмия не делился своим секретом ни с кем из семьи, поскольку с презрением относился к мыслительным способностям людей и был уверен, что родственники его не поймут. Примерно раз в месяц он втайне от всех один шел в указанное место и в назначенный час встречал летающие тарелки. Сейчас уже был декабрь, и на следующий день ему впервые предстояло отправиться на эту встречу вместе с другим человеком — с Акико.

* * *

Длинная история Такэмии подошла к концу.

Акико глубоко вздохнула. Обычные люди отнеслись бы к его рассказу с улыбкой, но у Акико он встретил понимание и сочувствие. Искренность юноши не вызывала у нее сомнений. Он действительно видел летающие тарелки. «Если

необходимое не существует, оно должно существовать» — так он сказал. Летающие тарелки и все связанные с ними чудеса явились ему в ответ на его эстетические желания.

Мысли и переживания Такэмии решительно отличались от того, что думал и переживал отец Акико. Юноша безоговорочно считал себя венерианцем и мыслил как венерианец, тогда как Дзюитиро все раздумывал над тем, соответствует ли его образ мыслей тому, как должен мыслить марсианин. Могло ли его марсианское мировоззрение (только потому, что отец был членом их семьи) преобладать над венерианским?

Отец горячо желал мира для человечества, тогда как Такэмия не проявлял ни малейшего интереса к заботе о людях. Он считал этот мир ложным, фальшивым; единственное, во что он верил, — это летающие тарелки и ослепительная красота Венеры. Необыкновенная красота Такэмии и Акико говорила об исключительно благодатной природе Венеры. Там их красота, вероятно, не была чем-то исключительным.

Закончив рассказ, Такэмия забеспокоился, что Акико, должно быть, устала после поездки, и вежливо откланялся, предупредив, что зайдет за ней в гостиницу завтра в десять часов утра. Про-

водив его, Акико забралась в *офуро* и принялась внимательно разглядывать свое красивое белое тело, испытывая благодарность за то, что Венера выбрала для его создания наилучшие материалы, доступные на Земле. Этой ночью сон ее был приятным и глубоким.

* * *

С утра у Акико и Такэмии было достаточно времени, чтобы добраться до Утинады к назначенному часу. Погода стояла хорошая, и Такэмия решил показать Акико город. Они неспешно прогулялись по Коринбо, пока квартал не заполнили субботние толпы, и затем отправились взглянуть на знаменитые ворота синтоистского храма Оя-ма, находящегося немного в стороне от главной улицы, по которой ходили трамваи.

Они шли рука об руку и со стороны выглядели влюбленной парой. Прохожие с удивлением оглядывались на них — настолько они были красивы. Почему они не могли быть влюбленными? Они были с одной планеты, редкими гостями на Земле, и гордились этим.

Акико радовалась, что светлое впечатление, которое произвел на нее Такэмия прошлым вечером, не изменилось утром. День выдался на

редкость ясный, и даже в центре города воздух был так прозрачен, что, казалось, проникает сквозь кожу. Она ничего не ощущала. Чувствительность, свойственная человеку, покинула ее. Безоблачное зимнее небо походило на ровную пластину, выкрашенную в голубой цвет.

— Увидев тебя вчера, я подумал, что наконец-то нашел человека, какого уже не надеялся встретить. Наверное, это влияние Венеры.

Такэмия говорил о столь важном вопросе с такой простотой и таким невозмутимым лицом, что Акико тут же с ним согласилась:

— Я тоже.

Когда она произнесла эти слова, ей показалось, что они вдвоем, сообща, с гордостью поднимают свой безмятежный разговор высоко в небо, словно красочную гирлянду. Акико, которую неустроенность и уродства, виденные на Земле, приводили в отчаяние, в этой беседе хотела выплеснуть свое презрение к людям. Иными словами, сейчас они говорили на земном языке, за которым часто скрываются неискренность и нечистые помыслы, но руководствовались при этом законами Вселенной. Слова были одни и те же, но несли в себе разный смысл.

Как это удивительно — вести разговор челове-

ческими словами! Эти красивые слова на самом деле пронизаны пренебрежением, а к избитым признаниям в любви пришита серебряная подкладка презрения. Акико нисколько не удивилась бы, скажи вдруг Такэмия: «Я люблю тебя». Такое признание стало бы юмористическим приемом, сочетающим небесную братскую любовь и презрительную насмешку над человечеством.

Они подошли к главным, очень необычным воротам храма. Построенные в тысяча восемьсот семьдесят пятом году под руководством голландца Холтмана, они были одним из немногих сохранившихся примеров архитектурного стиля южных варваров[32]. Огромные трехэтажные ворота даже отдаленно нельзя было назвать благородными. Строение, которое с двух сторон охраняли каменные китайские львы, походило на пестрый дворец морского царя и оставляло впечатление незрелой незавершенности. Три яруса черепичных фронтонов, украшенных китайскими эмблемами с изображением сливы, разделяли ажурные перемычки с резьбой в ви-

[32] Примечания: 32

Южными варварами японцы называли португальцев, которые первыми из европейцев проникли на Японские острова. Позже это название закрепилось за всеми европейцами и широко употреблялось на протяжении нескольких веков.

де сосен и журавлей. На третьем ярусе в окнах голландского стиля переливались витражи из красных, зеленых и голубых стекол. Когда-то ворота служили маяком для судов, следовавших в Японском море вдали от берега, — благодаря витражам медные лампы, когда-то установленные на четырехскатной крыше, испускали яркие разноцветные лучи.

— Знаешь, о чем я думаю, когда бываю здесь? — спросил Такэмия, постукивая кончиками тонких пальцев по столбику, выкрашенному в коричневые и белые полоски. — Голландец, построивший эти ворота, возможно, хотел возвести маяк, сияющий разноцветными огнями. Должно быть, он был недоволен, получив такой бестолковый заказ от японцев, у которых тогда в головах смешалось китайское и западное, но в сердце его все равно жила любовь к мрачным северным морям и царящим там бесконечным ночам. Не удивлюсь, если этот голландец видел летающие тарелки. Он мог запираться в комнате на третьем ярусе и манипулировать разноцветными огнями, чтобы общаться с тарелками, которые летали ночью над морем.

— А ты в те времена еще был на Венере.

— Ты тоже.

Каждый из них с холодным напряжением в сердце пытался определить, откуда берутся эмоции, которые они испытывали сейчас. Любое решение, поступок и предмет, объединявшие их и сколь угодно незначительные, были связаны с Венерой. То, как они заказали одинаковые напитки в кафе, куда зашли во время прогулки, почувствовав жажду. Ваза *Кутани*, которая привлекла внимание обоих, когда они заглянули в магазин. Невольные улыбки, которыми они обменялись при виде рекламного щита супермаркета с надписью: «Магазин, где продается счастье». То, как оба неосознанно шагали в ногу, когда поднимались по каменным ступеням к храму. Чем дольше Акико и Такэмия были вместе, тем больше крепло убеждение, что ими движут невидимые нити, тянущиеся напрямую с далекой Венеры.

Такэмия остановил такси и попросил водителя отвезти их в Кэнроку-эн[33]. Этот знаменитый парк должен был непременно посетить каждый, кто приезжал в Канадзаву.

Вход в парк находился напротив белой башни Исикава замка Канадзавы; гравийная дорожка

---

[33] Примечания: 33

Кэнроку-эн — один из трех знаменитых парков Японии, устроенный при замке Канадзава в XVII веке и с 1875 года открытый для публики.

была засыпана принесенной ветром желтой опавшей листвой. Широкая тропа вела вверх по пологому склону, и пара проследовала по ней к поросшей деревьями возвышенности.

Чем выше они поднимались, тем сильнее волновалась Акико. Ей казалось, что каждый шаг приближает ее не столько к новому, незнакомому месту, сколько к месту, которое она полюбила давным-давно. Даже отдельные деревья, росшие по обе стороны их пути, несли на себе едва различимые следы некогда похороненных воспоминаний, как бледные карандашные линии, не стертые до конца ластиком. Ветви сосен, тянувшиеся к голубому небу, как столбики дыма, вызывали знакомые образы из далекого прошлого.

Подойдя к пруду Касумигаикэ на вершине холма, они увидели нескольких лебедей, круживших по водной глади. Акико наконец нашла слова, чтобы выразить окрепшую в душе уверенность:

— Я уже была здесь однажды. Точно была.

— Но ты же в первый раз в Канадзаве, — невозмутимо возразил Такэмия. — А-а, понятно. Ты точно улавливаешь, что происходит у меня в голове.

Если все так, как говорит Такэмия, значит на

Венере не бывает одиночества, думала Акико. Ее отцу, так страдавшему от человеческого одиночества, было бы куда легче, будь он венерианцем, но, к несчастью, его родина — Марс. А у Акико и Такэмии даже воспоминания общие.

Впрочем, их общие воспоминания не охватывали мир Венеры, и это выводило Акико из себя. Даже воспоминания, связанные с Землей, не касались мелких подробностей ее жизни. Они строго ограничивались пейзажами, которые в прошлом поражали Такэмию своим великолепием, и поэтическими образами. Разумеется, у него были все основания отметить красоту Кэнроку-эн во время прошлых посещений. Пейзажи парка и пруд Касумигаикэ открывали Акико бесподобную, умиротворяющую красоту, в которой воспоминания о сокровенном смешивались со свежими впечатлениями.

Перед ними безмятежно плавали три лебедя — их головы с алыми клювами были повернуты в разные стороны. На другой стороне пруда сияли белизной плотно закрытые *сёдзи* чайного павильона Утихаси-тэй[34]. Рядом с каменным

[34] Примечания: 34

Чайный павильон *Утихаси-тэй* — одна из достопримечательностей парка Кэнроку-эн. Построен в 1776 году, а после перепланировки парка в 1874 году был перенесен на берег пруда Касумигаикэ.

фонарем в пруд впадал ручеек — неиссякаемый источник чистой воды. На островке в центре пруда отливали зеленью ветвистые сосны, стволы которых для защиты от снега обмотали свежей ярко-желтой соломой…

Все следы человеческого присутствия здесь были убраны, и рукотворный уголок природы выглядел весьма неплохо. Скрыты были присущие человеку черты — ненависть, ревность, скупость, — и в прозрачном чистом воздухе витало изумительное подобие небесного покоя.

Пожалуй, Такэмия говорил с Акико чересчур фамильярно, но ей нравились его манеры. Он не обнимал ее за талию, не брал за руку. Это не объяснялось излишней скромностью и точно не было вопросом приличия. Неужели слияние сердец, как у них, обязательно приводит к слиянию тел? Должно ли тело следовать за порывами сердца? Что, если изначально плотская связь была имитацией эротического союза душ и служила лишь вынужденной компенсацией, рожденной отчаянием?

Пейзаж перед глазами был общим достоянием их сердец. Поток образов, лебеди на воде, отраженное в пруду небо, красные и белые камелии… Все эти прекрасные фрагменты слились для них

в единое целое. Даже в словах они больше не нуждались. Когда они сели на скамейку у кромки воды, у обоих это получилось само собой. А когда Акико отдохнула от ходьбы, ее охватила свойственная путешественникам тяга к новым впечатлениям, и они оба встали одновременно, но независимо друг от друга.

Оставив позади пруд, они перешли через мост Ганкобаси[35], сложенный из специальных камней *томуро*, напоминавших формой и цветом черепаховый панцирь, и оказались на восточном берегу ручья. Здесь росла знаменитая сакура, золотые листья которой тревожно колыхались на ветру. Они поднялись на холм к смотровой площадке, откуда открывался вид на северо-восток. Акико любовалась живописной панорамой, Такэмия указывал ей то на одно место, то на другое и давал пояснения.

Акико получала истинное удовольствие от своего путешествия, радовалась, что оставила не только мирские заботы, но и свою семью в Ханно, где все были с разных планет, каждый со своим особым характером и образом мышления. Помимо всего, это был побег от студенческой жизни в

[35] Примечания: 35

Ганкобаси («Мост летящих гусей») — выложенный из одиннадцати камней мост, напоминающий конфигурацией гусиную стаю.

большом городе, где каждую минуту ее чистота оказывалась под угрозой.

— Здесь чудесно. Какая ясная погода, и ветерок такой легкий, прохладный.

Акико убрала шарф в сумочку и распустила уложенные с помощью ароматного масла волосы, чтобы с ними играл ветерок. Ее маленькие изящные уши заалели. Люди всегда говорили, что в тонких чертах ее лица есть что-то холодное, но сейчас этот холод оттаял под нежными лучами солнца.

— В детстве весной я часто собирал там папоротник, — сказал Такэмия, указывая на северо-восток, на пологие склоны горы Утацу, которая возвышалась по ту сторону реки Асано. Местные жители дали горе другое название — Мукояма[36], а поэты использовали китайские иероглифы, означавшие «Гора ароматных грез». Почти на самой вершине бросалось в глаза белизной стен здание медицинского центра.

Внизу под ними блестела на солнце глазурованная черепица, покрывавшая бесчисленные крыши старых домов на улочках Канадзавы. Рядом с храмом, тоже крытым черепицей, стояло

---

[36] Примечания: 36

Букв. «Гора по ту сторону» *(яп.).*

новое здание средней школы. Электрические столбы, раскинувшие над городом сеть проводов, казались здесь совсем не к месту. Здание банка из белого кирпича, построенное в стиле Мэйдзи[37], тоже покрывала паутина электрокабелей, напоминавшая мелкие трещинки на зеркале. Городские трамваи, выкрашенные в красный и желтый, целеустремленно катили по рельсам под лучами зимнего солнца.

— Какой прекрасный город! Мне кажется, будто в прошлом мы жили здесь вместе.

— Хочешь сказать, ты не против, чтобы мы и в будущем жили здесь?

Акико с легким недоумением взглянула на Такэмию, но его красивое лицо оставалось невозмутимым. Акико попробовала истолковать смысл его слов с точки зрения космической грамматики. Он всего лишь интересовался, готова ли она вместе с ним долго оставаться на Земле.

— В будущем? Ну, может быть, какое-то время, пока Земля не разлетится на куски, — игриво пошутила Акико.

---

[37] Примечания: 37

Мэйдзи — по японскому летосчислению период 1868–1912 годов после буржуазной революции 1867–1868 годов, когда было прекращено правление *сёгуна* и формально восстановлена власть императора; известен также как период вестернизации Японии. — *Примеч. ред.*

— Смотри! Вон там озеро Кахокугата. — Такэмия указал на туманную полоску воды далеко на севере.

Над освещенной солнцем желтой равниной то тут, то там из заводских труб поднимались тонкие столбики дыма. Несмотря на ясный солнечный день, линия горизонта была размыта, и создавалось впечатление, что залитое светом высохшее поле бесконечно.

* * *

Они вернулись в Коринбо и пообедали небольшими стейками в кафе под названием «Тануки». Настало время отправляться в Утинаду. Акико раскрыла на столе путеводитель и спросила Такэмию:

— Как поедем? На электричке до Авагасаки или на автобусе «Хокутэцу»?[38]

В этот миг тонкая эмпатия, возникшая между ними с утра, казалось, внезапно оборвалась. Выражение лица Такэмии осталось прежним, никакой неопределенности или двусмысленно-

[38] Примечания: 38

«Хокутэцу» («Хокурику тэцудо») — транспортная компания в Канадзаве, образованная в 1943 году слиянием всех железнодорожных и автобусных компаний префектуры Исикава.

сти, но взгляд его прекрасных глаз устремился на горький кофейный осадок в чашке.

— А может, лучше возьмем такси? Попросим подождать нас часок.

Этими словами Акико вернула их взаимную симпатию. На самом деле вина лежала на ней. Венерианец никогда, даже на мгновение, не должен опускаться до таких пустяковых земных забот. Вот почему в их отношениях случился эмпатический сбой. Акико получила от отца приличную сумму на расходы. Надо сесть в такси и так же, не говоря ни слова, расплатиться с водителем за несколько часов. И никаких вопросов. Хотя, если подумать, Такэмия с самого утра не потратил ни иены. Все получилось как-то само собой. Акико взяла на себя все расходы. На кофе, на такси и вроде бы даже на пиво за обедом…

* * *

Дорога до Утинады на такси из центра города заняла не больше получаса. Река Асано разделяется на два рукава, один впадает в Японское море, другой в озеро Кахокугата. Машина ехала вдоль первого рукава, по автобусному маршруту.

Акико и Такэмия сели в такси в два часа. До этого небо было безоблачным, но погода в Хоку-

рику переменчивая — через несколько минут с одного конца города внезапно надвинулись густые черные тучи, быстро закрывшие половину неба. Когда машина доехала до нижнего течения Асано, где желтели убранные рисовые поля, потемнели даже камни, разбросанные по отлогому берегу реки. Однако дождя пока не было.

Они смотрели на укутанный облаками пологий склон горы Ходацу, возвышавшейся справа, и молчали. Их мысли были обращены к близкому морю и предстоящему священному моменту. Акико вспоминала печальный день, неудачу, которую потерпел отец. Рассветный холод на горе Ракан в ноябре. И торжественный восход Венеры, которая бледнела на глазах, символизируя утраченные надежды.

Семейство Осуги, возможно, избежала одиночества человеческого мира, но вместо этого познало одиночество межпланетное. Потому что ни один из членов семьи не видел летающую тарелку вместе с другим. Акико молчала. Ее одновременно охватили два чувства: восторг оттого, что родилась на Венере, и беспокойство, что ее счастье в одно мгновение может рухнуть. Молчание Такэмии указывало на то, что он тоже встревожен и напряжен.

— Смотри, дюны! — Такэмия через лобовое стекло указывал на гладкие песчаные холмы впереди. В его голосе звучали холодные, металлические нотки.

Еще совсем немного, и они у цели. Водитель побоялся, что колеса увязнут в песке, и высадил их довольно далеко от дюн. Пара зашагала по широкой дороге, мимо полей, где на бедной песчаной почве выращивали лук-порей и мелкие ярко-красные хризантемы, прямиком через дюны, к морю. Дорога оказалась обычная, хорошо накатанная, идти было легко.

Пришлось пройти приличное расстояние, прежде чем показались волнистые холмы. По обе стороны дороги монотонными рядами тянулись к невидимому пока морю молодые сосны. И только когда дорога пошла на подъем, Акико и Такэмия наконец увидели черневшую вдалеке полосу моря. Слева на холме росли акации — их тонкие сухие ветви норовили пронзить насыщенные светом облака. Сквозь переплетение крон и стволов небо выглядело другим, не таким, как обычно. Наполнявший его свет казался задумчивым. Божественно красивые облака, по краю которых лился яркий свет, теснились в полосе голубого неба, открывшейся между мрачными

тучами и линией горизонта.

Акико была очарована удивительной энергией, которую излучали холмы и леса. Пепельные ветви акаций, покрытые сухими острыми шипами, уже стряхнули с себя всю листву, но сам холм покрывал теплый зеленый подлесок — трава и кустарники, — заметный даже издалека.

— Ну что, поднимемся на холм? — предложила Акико.

Такэмия поколебался. Взглянул на часы и сказал:

— Хм. У нас еще есть время… Они не минута в минуту прилетают, иногда запаздывают. В любом случае, лучше быть на месте пораньше.

Те же самые слова Акико слышала от отца той ночью, поэтому больше не могла скрывать беспокойство в предчувствии возможной печали и разочарования. Она без помощи Такэмии вскарабкалась по крутому склону, поднимавшемуся от дороги. Тому ничего не оставалось, как последовать за ней.

В холме, на который они поднялись, не было ничего особенного. Здесь немало потрудились лесозаготовители: повсюду лежали срубленные и еще не убранные деревья, походившие на скелеты гигантских животных, которые тянули свои

лапы-ветви над зеленью. Такэмия стоял со скучающим видом, сунув руки в карманы пальто.

Акико почувствовала, что поэтическое умиротворение, в которое она погружалась при виде леса, это обман, иллюзия. В таких случаях нужны романтические стихи, космическая поэзия бессильна. Воробьи в верхушках деревьев, оглашавшие окрестности громким чириканьем, внезапно замолчали, и пустынная роща засохших деревьев превратилась в картину, лишенную всякого смысла. Акико чего-то ждала. Летающих тарелок? Чего-то иного? Она не заметила связи между тем, что ее окружало, и своим состоянием, не поняла, что гнетущая обстановка отражает неудовлетворенность ее души. Но про себя она громко воскликнула: «Это счастье! Какое счастье — купаться в чистоте, где никто тебе не мешает! Глупые человеческие обычаи так далеки отсюда!»

* * *

Они спустились с холма и в начале четвертого наконец вышли к дюнам, обрывавшимся у самого берега. Возле дороги стояла табличка, извещавшая о проводимых здесь работах, но рабочих не было. Надпись на табличке гласила:

УЕЗД КАХОКУ, ДЕРЕВНЯ УТИНАДА
ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ПОЛИГОН УТИНАДА
РЕМОНТНЫЕ РАБОТЫ
СООРУЖЕНИЕ ЛЕСОЗАЩИТНОЙ ПОЛОСЫ
НАЧАЛО РАБОТ: АВГУСТ 1961 ГОДА
ОКОНЧАНИЕ РАБОТ (ПЛАНИРУЕМОЕ): МАРТ 1962 ГОДА

Глаза Акико заблестели, когда она это прочитала. Так вот почему на дороге, которая вела к морю, такие глубокие колеи. Их оставили грузовики.

— Я поняла. Это связано с появлением здесь летающих тарелок. Во время печально известной кровопролитной войны американцы устроили здесь артиллерийский полигон[39], а теперь сажают лес для защиты от ветра, чтобы загладить вину. Одним своим появлением летающие тарелки подчеркивают символическое значение этого места. Их прилет — само по себе послание мира.

— Я так не думаю, — холодно покачал головой Такэмия. — Что-то мне не верится. Какая может

[39] Примечания: 39

В 1952 году в районе деревни Утинада началось строительство артиллерийского полигона для обучения подразделений армии США во время Корейской войны (1950–1953). Это решение вызвало протесты местного населения, опасавшегося, что строительство повредит естественную экосистему песчаных дюн.

быть связь между бессмысленной человеческой историей и моими летающими тарелками? Просто моим летающим тарелкам нравится северное море.

Акико промолчала. От появления летающих тарелок зависело все.

Знаменитые дюны были разбиты на небольшие участки для саженцев. Насколько хватало глаз простирались невысокие бамбуковые изгороди. Заграждения поднимались и опускались, повторяя неровности рельефа. С песком были перемешаны обломки черепицы и мелкие камни, колеи от грузовиков тянулись дальше, к морю. Акико различала лишь верхушки разбивавшихся о берег волн — сама береговая линия скрывалась за дюнами, приглушавшими шум прибоя.

Акико и Такэмия сели на песок и прислонились спиной к бамбуковой изгороди. Клубящиеся облака. Пепельно-серое, будто застывшее море. Солнечные лучи пробивались сквозь тучи лишь на западе, и море там было цвета баклажана. Далеко справа возвышался мыс полуострова Ното. Облака постоянно меняли форму. Вдали каркали вороны.

Ветер был не настолько сильный, чтобы срывать песок с верхушек дюн и поднимать его в

воздух, но это не мешало ему лезть в уши, атакуя их своим назойливым шепотом.

Девушка и юноша сидели, прижавшись друг к другу и обхватив руками колени. Сквозь одежду они впервые ощущали тепло тел и биение сердец друг друга. Венерианцы или земляне — не важно, они были живыми и пахли, как живые существа. Не важно, насколько совершенна была их плоть, — сейчас именно она играла роль посредника между ними. Впрочем, какое это имело значение? Их сердца бились, как одно, и взаимное притяжение, нараставшее с самого утра, гудело в воздухе, словно заведенный детский волчок.

Чего еще желать?

Мир в спокойствии. Люди далеко. Северное море волнуется и рокочет, но на самом деле недвижимо, как сама смерть. Часть неба — будто расшитая золотом ряса монаха. И двое прекрасных молодых людей…

В этот миг Акико заметила в глубине темных облаков мигающую световую точку и потрясла Такэмию за плечо, чтобы привлечь его внимание.

Точка превратилась в две, потом в три. Быстро увеличившись в размерах, они опустились к морю. Три необычных объекта приблизились,

изменили угол наклона, и тогда стало ясно, что это летающие тарелки. Их бока, обращенные к западу, переливались в солнечных лучах; можно было четко, в деталях разглядеть, как медленно вращаются зеленые верхние секции, похожие на крышки от чайников. Покружив над морем четыре-пять секунд, они вдруг резко остановились и застыли в мрачных облаках, словно три таинственных зрачка… Затем по корпусам тарелок прошла мощная вибрация, их фюзеляжи прямо на глазах, будто накалившись, окрасились в цвет спелого абрикоса… А потом они на невероятной скорости взмыли под прямым углом над морем и пропали из виду.

4

К облегчению родителей, Акико благополучно вернулась домой. Но она не сказала, что они с Такэмией видели летающие тарелки. Отчасти потому, что берегла самолюбие отца, а отчасти — считала увиденное в Канадзаве секретом, который принадлежал только венерианцам. Родители же ни о чем не спрашивали. Отчасти потому, что считали молчание Акико доказательством ее неоправдавшихся ожиданий насчет Такэмии, отчасти из опасения, что любая шутка по поводу этой неудачи может возыметь обратное действие и усилить привязанность дочери к молодому человеку. Их маневры напоминали движение созвездий, которые виртуозно скользят мимо друг друга, не соприкасаясь.

Наступил новый год. Дзюитиро рассказал об удивительном явлении, которое скоро должно было произойти в небесной сфере. Научные расчеты поставили астрологов всего мира перед серьезным вопросом. На пять дней, начиная с третьего февраля, восемь астрономических объектов — Солнце, Луна, Марс, Венера, Юпитер, Сатурн,

Меркурий и невидимая планета Кету[40] — сойдутся в Козероге, десятом знаке Зодиака. Эти небесные тела, за исключением Меркурия, окажутся в таком положении впервые за четыре тысячи девятьсот семьдесят четыре года.

— Я слышал, в Индии большой шум по этому поводу. Все думают, что этот день знаменует конец света, — с прямодушным спокойствием сообщил Дзюитиро. — У нас в семье все очень заняты, но будет повод после долгого перерыва собраться вместе в гостиной. С нетерпением жду встречи у семейного очага.

Кадзуо рассказал об удивительном случае, который произошел с ним в тот день. По дороге из университета он столкнулся с парнем, с которым учился в начальной школе, — они не виделись семь лет. Расставшись с этим приятелем, Кадзуо вошел в электричку и тут кто-то хлопнул его по плечу. Перед ним стоял другой одноклассник, которого он тоже последний раз видел семь лет

---

[40] Примечания: 40

Кету, называемая также Черной Луной, — это не реальное небесное тело, а «теневая» планета в ведической астрологии (Джьотиш). Является математической точкой, южным (нисходящим) узлом, в котором Луна, пересекая эклиптику, начинает движение вниз, в сторону Южного полюса Земли. Согласно Джьотиш, Кету символизирует просветление, духовное освобождение, аскетизм, интуицию, подсознание. Вместе со второй «теневой» планетой Раху отвечает за прошлую и будущую карму. — *Примеч. ред.*

назад.

— Ты веришь в случайности? — спросил проницательный отец. — Случай — это слово, придуманное, чтобы скрыть человеческое невежество и придать ему правдоподобный вид… Высшая неизбежность, выходящая за пределы человеческого понимания, обычно скрыта плотной завесой, случайность — феномен, позволяющий на секунду заглянуть за эту завесу. Высшая форма неизбежности, которую сумел постичь человеческий разум, — это, видимо, движение небесных тел. Но неизбежность еще более высокого, исключительного порядка остается скрытой от человеческих глаз, и познать ее люди могут лишь каким-нибудь окольным путем, например с помощью религии. То, что религиозные лидеры называют это тайной, а ученые — случайностью, подтверждает скрытую природу истинной неизбежности. Небеса выставляют перед людьми неизбежность как нечто несущественное, незначительное, используя для этого озорные и легкомысленные методы. Люди по своей природе — существа простые и поверхностные, поэтому, чтобы потешить свое тщеславие, с радостью хватаются за серьезную философию, актуальные проблемы, за все, что кажется им достойным

внимания. Но когда дело доходит до вещей, которые люди считают нелепыми или глупыми, они относятся к этим вещам с пренебрежением, по их мнению заслуженным. Получается, что небесная неизбежность вечно застает их врасплох. Они обречены на такую участь. Вот почему прекрасные следы, оставленные босыми ногами небесной неизбежности, люди воспринимают как чистую случайность… Влюбленных судьба часто сводит случайно. То же самое с людьми, ненавидящими и избегающими друг друга, — они могут встретиться случайно. Следуя человеческой логике, эти два примера — одного порядка, в том смысле, что, будь то любовь или ненависть, люди, связанные между собой, неизбежно встречаются по стечению обстоятельств. Человеческая логика дальше этого не простирается. Но мы, инопланетяне, смотрим на мир с высоты птичьего полета, наше поле зрения шире. С нашей точки зрения, люди постоянно случайно сталкиваются с таким огромным количеством незнакомцев, никак с ними не связанных, — в электричке, на улице, — что количество встреч с людьми, с которыми у них есть какая-то связь, меркнет перед этим. Каким-то чудесным образом каждый день случаются встречи между людьми, которые до этого видели

друг друга, возможно, всего раз в жизни. Все эти накопившиеся случайности можно описать как огромную невидимую сеть неизбежностей. Лишь буддисты постигли суть этого явления и выразили его в причудливых метафорах, смысл которых сводится к одному: все в жизни предопределено. Эта проницательность указывает на то, что в людях остались слабые следы «звездных черт». В ней находит отражение едва уловимое движение небесных тел. На самом деле все это подразумевает, что люди пойманы в сеть еще большей неумолимой неизбежности… Поскольку между земным беспорядком и вселенской гармонией нет существенной разницы, мы никогда не впадаем в уныние. В каком-то доме красивая девушка, которая любит старые обычаи, играет на *кото*. В этот момент за два-три квартала от нее молодой электромонтер срывается с телеграфного столба, падает на землю и разбивается насмерть. В это же время дети, копающиеся в песочнице во дворе другого дома, находят в песке красивый цветной шарик, потерянный в прошлом году. Тем временем еще в одном доме в окно влетает бабочка и запутывается в только что вымытых волосах, которые сушит женщина. Женщина с удивлением обнаруживает, что волосы, за которыми она так

тщательно ухаживает, испачканы желтой пыльцой… Цепочка этих чудесных событий возникает незаметно, неслышно, повсюду, — скажем, всего за несколько минут прекрасного весеннего дня. Пьянящий восторг от музыки, смерть, находка потерянного сокровища, непостоянство необузданной страсти… И важные исторические события прошлого, которые, по мнению людей, неразрывно связаны между собой, являются продуктом, созданным из тех же элементов. И каждый из этих элементов носит имя далекой звезды… Я лишь недавно окончательно убедился в том, что все мои прошлые переживания из-за людей и событий на Земле были благословением свыше. По мере приближения всеобщей гармонии и единства неизбежность небес набирает обороты, как раскалившийся добела механизм. Это создало на Земле ситуацию, похожую на опрокинутый ящик с игрушками, так что, согласно человеческой логике неизбежных связей, ничто больше не имеет смысла. Поэтому мы должны постоянно следить за тем, что происходит вокруг нас, и подмечать даже самые пустяковые на первый взгляд случайности. Я полагаю, что на Земле будет появляться все больше признаков мелких, незначительных случайностей и совпадений.

Вот недавний пример из Америки. В одном городе произошла небольшая автомобильная авария. Ее устроил мужчина средних лет по фамилии Джеймс. Оказалось, что человека, управлявшего другим автомобилем, тоже звали Джеймс. Не прошло и пары часов, как первый Джеймс врезался в еще один автомобиль, в котором ехал еще один Джеймс.

* * *

Пришла пора экзаменов в конце семестра. В начале февраля родители попросили Кадзуо и Акико остаться дома, и оба провели выходные в четырех стенах. Пятое февраля выпало на понедельник. Брат и сестра решили сходить в кино, встретились в Икэбукуро, посмотрели в кинотеатре «Дзинсэй-дза» какой-то старый фильм и к ужину вернулись домой. Электрички в Ханно отправлялись каждые полчаса. Пока они стояли в очереди, дожидались поезда на платформе, на западе тонуло в легкой облачности догоравшее солнце. Поглядывая на закат, Кадзуо заметил:

— Слушай, сегодня точно наступит конец света. Поезда-то нет. Не дождемся мы его.

— Ну не знаю. Папа не верит в мистику… Хотя было бы здорово: обычный тихий день, и бац! —

конец света. И мы больше никогда не увидели бы солнца.

На лицах людей, толпившихся на платформе, было написано горячее желание поскорее добраться домой. Казалось, вот-вот раздастся тихое звяканье тарелок, расставляемых на столе перед ужином, который ожидал этих многочисленных страждущих. Их дома были отмечены пятнами света, в беспорядке разбросанными по равнине токийских пригородов, темной в вечерних сумерках. Как всегда, Акико с трудом понимала эту повседневную жизнь с ее ритуалами. Кадзуо же оставался самим собой и мечтал, как и следовало ожидать, получить власть, которая дала бы ему возможность привести эти тарелки к общему знаменателю — чтобы на всех был одинаковый рисунок.

На других платформах электрички прибывали и отправлялись одна за другой. Поезд до Тосимаэн, до Киёсэ со всеми остановками, экспресс в Токородзаву… Лишь электричка в Ханно все не появлялась. Все как зачарованные смотрели на пробивавшийся сквозь вечернюю дымку красный сигнал семафора в дальнем конце платформы.

Напевая популярную мелодию, Кадзуо выбил

дробь каблуками и, прищелкнув языком, заявил:

— Знаешь, Акико, все земные девчонки — лгуньи.

Акико рассмеялась в ответ. Ее забавляли философские размышления брата. Все его идеи основывались на своеобразном агностицизме — типичном для людей образе мышления.

Но потом Акико вдруг рассердилась:

— Дурак! В людях нет ничего загадочного для нас!

— Я не говорю, что они загадочные. Просто они лгут. — Кадзуо недовольно помахал сумкой с учебниками.

— Лгут, потому что много доверчивых людей.

Подошла электричка. Двери с противоположной стороны раздвинулись, и пассажиры вышли из вагонов на другую платформу. Люди, ждавшие посадки, толпились у дверей.

Акико и Кадзуо удалось занять сидячие места. Когда поезд тронулся, они какое-то время молчали, глядя на сгущавшиеся над полями сумерки. Как только проехали Оидзуми-гакуэн, на фоне вечернего неба потянулись тени от росших здесь многочисленных вязов; по краям пустынной равнины за окном зажглись яркие огни. Когда миновали Токородзаву, сумрак покрыл все во-

круг, и только рисовые поля, перемежавшиеся рощами, выделялись на темном фоне, похожие на носовые платки, которые кто-то разбросал ночью на дороге.

— А этот парень из Канадзавы для тебя не загадка? — не отставал от сестры Кадзуо.

— Загадка. Но ведь он не человек.

Кадзуо пытался осторожно разговорить сестру в надежде обнаружить в ней какие-то перемены. Ему не хотелось повторения давней ссоры. Но после поездки в Канадзаву Акико, казалось, научилась держать себя в руках. Она умело парировала его попытки подшутить над ней или подольститься, и он в итоге устал от пикировок.

— Куроки-сан пригласил меня к себе домой, — внезапно сменил тему Кадзуо.

— Что за Куроки?

— Известный политик. Он сегодня выступал у нас в университете и произвел настоящий фурор, хотя некоторые левые[41] буквально взбесились. Я член дискуссионного комитета, поэтому поднялся на трибуну и всех успокоил. Куроки-сан обратил на меня внимание. Видимо, я ему по-

[41] Примечания: 41

В описываемые автором времена в японских учебных заведениях — школах высшей ступени и университетах — были очень распространены левые взгляды.

нравился. В вестибюле он дал мне визитку и попросил, чтобы я обязательно к нему зашел.

Кадзуо вытянул из чехла с проездным билетом большую визитную карточку и показал Акико. На карточке было написано:

Депутат палаты представителей
Куроки Кацуми

— Пойдешь к нему?

— Конечно, — небрежно бросил Кадзуо. — Не к Хрущеву же мне сразу идти. Это пока не моя весовая категория.

— Собираешься рассказать ему о нас?

— Ну ты скажешь! Ни за что! Даже под страхом смертной казни. Свои политические амбиции предпочитаю скрывать до конца.

Проезжая какую-то станцию, они увидели из окна вагона ярко освещенное здание, прорезавшее своими огнями деревенскую мглу на станционной площади. Это был магазин электротоваров. С карниза над входом свисали разноцветные флажки, в торговом зале были выставлены телевизоры, отопительные и осветительные приборы, сиявшие в потоке ослепительно-яркого света. Даже когда магазин остался позади, его сияние еще какое-то время преследовало Акико

и Кадзуо, пробиваясь сквозь деревья, остающиеся позади. Акико представила яркий мир Венеры, который Такэмия не сумел описать словами. Лучезарный сверкающий шар в безграничной темноте Вселенной. Магазин электротоваров в темной сельской глубинке…

* * *

Ханно не мог похвастаться достопримечательностями и вообще чем-то особенным. Зато город был хорошо спланирован и организован. Брат и сестра вышли на станции. Сели в автобус. Сошли на ближайшей к дому остановке и зашагали по широкой и темной пустой дороге. В частном доме у дороги находилась парикмахерская, на бумажном фонарике снаружи было написано: «Химическая завивка». Перед лавкой торговца пиломатериалами были выставлены образцы его товара, подсвеченные оранжевой лампой. За решетчатым окном прачечной тускло клубился пар от утюгов.

Акико и Кадзуо миновали лавку «Мурата». Раздвижные входные двери были закрыты, на дорогу падал лишь один луч света.

Когда брат с сестрой проходили мимо, хозяйка сказала тем, кто находился внутри:

— Это сын и дочь Осуги. Не иначе, что-то задумали, если так рано возвращаются.

В лавке сидели двое — местный участковый, с которым хозяйка была в хороших отношениях, и инспектор полицейского управления, отвечавший за общественную безопасность и порядок. Хозяйка специально попросила их прийти.

Гости нехотя привстали и посмотрели вслед брату и сестре, чьи силуэты исчезали из виду на темной дороге. Молодой месяц светил им в спины, будто ставил на них печать замышляемого мыслепреступления. Инспектору по общественной безопасности, сидевшему в лавке «Мурата», в тихом провинциальном городке остро не хватало злоумышлений такого рода. Они были его поэзией, драгоценными жемчужинами, которые попадались крайне редко. После жесткой разборки с полицией в районе Икэбукуро, где власти навели порядок, хулиганы стали шнырять на линии Сэйбу, однако эта проблема не входила в сферу деятельности инспектора. Ему поручали сложные дела, которые не были на виду у общественности.

— У почтового служащего мне удалось выяснить, что в прошлом году, в ноябре, Осуги отправил письмо Хрущеву. Возможно, он ведет

подпольную работу. Не знаю, на что он тратит прибыль от продажи акций, но он постоянно снимает деньги. В любом случае, подозрительная семейка, — сказал офицер.

— Тут или наркотики, или коммунисты, — убежденно заявила хозяйка лавки. — Ничего другого быть не может. И вот еще что. Все они смотрят на других людей свысока. Это просто безобразие! Вежливые, всегда здороваются в ответ, но эти их улыбочки — просто прикрытие. Ширма. Нас не проведешь, видали мы таких. Все хозяйки в округе говорят то же самое. Вам не кажется странным, что в таком большом доме нет домработницы?

— Отсутствие прислуги — не преступление.

— Знаете, если бы муж действительно был в своем уме, уж до такой простой вещи наверняка должен бы додуматься. У этой семейки не хватает самых обычных чувств. Как пить дать, они что-то важное скрывают. Вдруг у них под полом скелет закопан?

— Не говорите глупостей.

— Нет, вы меня послушайте. Интеллигенты при деньгах — нет ничего хуже. А вот простые люди, такие, как мы, хорошие, добросердечные, всегда в проигрыше. Мы за порядок стоим, и мыс-

ли у нас только самые честные, хоть во сне, хоть наяву. Мы всегда со всем сочувствием, прямо до слез, на всякую пакость смотреть не можем. Так и живем. Я против их семьи ничего не имею. Ненависти у меня никакой нет. Просто от всего сердца хочу вытащить их из болота, вернуть на путь истинный.

* * *

Даже за столом Дзюитиро несколько раз погружался в раздумья. Наконец, собравшись с мыслями, он предложил:

— А давайте после ужина вместе позанимаемся в гостиной? Представим, что наша гостиная — это созвездие Козерога, мы сможем здесь насладиться последней ночью нашей встречи, первой за пять тысяч лет. Ведь Марс, Юпитер, Меркурий и Венера снова окажутся в одном доме с Солнцем и Луной еще через пять тысяч лет. Вы можете готовиться к экзаменам. Мама домоет посуду и принесет сюда свое вязание. А я займусь составлением карты лекционного тура, в который мы поедем с Кадзуо на весенних каникулах. Кадзуо поведет машину. Будем сидеть тихо, молча, чтобы не мешать друг другу заниматься. Так мы сегодня вечером исполним священную миссию,

возложенную на нашу семью.

У них дома никогда не включали телевизор — Дзюитиро говорил, что он мешает связи с космосом. Все четверо принялись за работу, и тишина в ярко освещенной гостиной нарушалась только шелестом книжных и тетрадных страниц.

Отец с его марсианскими корнями был поражен сложностью дорожных карт на Земле. Он не нашел ни одного маршрута, который соединял бы города кратчайшим путем. Дороги сужались, расширялись, извилисто петляли по всей местности.

Мать, быстро работая спицами, вязала сыну к весне легкий шерстяной свитер, прежде всего для Земли, хотя для других планет тоже сгодился бы. Ее пальцы проворно мелькали, и лежавший на коленях клубок шерсти постепенно уменьшался. Маленькие пухлые материнские руки вязали не только земную весну — с красками распускающихся на деревьях почек и прорастающих трав, непрозрачным мартовским небом, пташками с пятнами первой грязи на грудках, мощными ливнями, — но и весну на всех других планетах с их пламенем, газообразными телами, льдами и диковинной растительностью. Она словно рас-

путывала эти необъятные земли, уменьшала до подходящих ей размеров и придавала им форму свитера для сына.

Кадзуо листал конспекты по международному праву. Ему совершенно не хотелось разбираться в примитивном абстрактном законодательстве, робких запутанных регламентах и дряхлых принципах международной политики. Даже космические законы сводились здесь к заурядным правилам дорожного движения, принятым в пространстве, ограниченном поверхностью Земли. Кадзуо был за введение жесткой, безжалостной космической конституции во всем мире. Его законы должны были сокрушить убогий рационализм, в котором земляне ищут путь к спасению. Будущее мировое правительство потребует, чтобы люди по всей планете каждое утро выходили на площади своих городов и приносили клятву, что весь день будут сохранять мир. Все двадцать четыре часа в сутки. И тогда мир на планете будет продолжаться вечно. А те, кто нарушит клятву, лишатся языка.

Акико изучала стихотворение Эдгара Аллана По «Эльдорадо».

Интерпретация учителя показалась ей невыразительной. Он утверждал, что эта баллада

символизирует судьбу людей, отдающих все силы поискам далекого идеала. Даже отчаявшись, они продолжают искать. Такое объяснение и ребенку понятно. Хотя больше похоже, что Эдгар По воспел родину инопланетянина. Ведь он еще был автором «Эврики»[42].

И ответила Тень:
«Где рождается день,
Лунных Гор где чуть зрима громада,
Через ад, через рай,
Все вперед поезжай,
Если хочешь найти Эльдорадо»[43].

Может, Эльдорадо здесь означает Венеру? Такэмия точно видел ее своими глазами… Конечно, Лунные Горы в стихотворении — это отсылка к пустынному ландшафту на обратной стороне Луны и косвенный намек на Венеру, которую

[42] Примечания: 42

Имеется в виду философская поэма в прозе «Эврика. Опыт о вещественной и духовной Вселенной» («Eureka: A Prose Poem», 1848), последнее произведение Эдгара Аллана По, опубликованное при его жизни. Сам По называл «Эврику» своим лучшим произведением и главным трудом, раскрывающим его интуитивное понимание мира и природы Вселенной. — *Примеч. ред.*

[43] Примечания: 43

«Эльдорадо» («Eldorado», 1849) — посмертно опубликованное стихотворение Эдгара Аллана По, перев. К. Бальмонта. — *Примеч. ред.*

можно увидеть на небе, преодолев эти горы.

Все четверо тихо сидели в столовой, погруженные каждый в свои мысли, пока Вселенная отсчитывала время. Красно-коричневая столешница низкого чайного столика поблескивала полировкой. Они сидели на новых, волнистого плетения *татами*; в миске сверкали кожурой мандарины. Дзюитиро кожей чувствовал совершенную гармонию, которой был наполнен мир. Его окружала идеальная семья, превосходящая любые мечты. Семья без забот и тревог, согреваемая зимней ночью теплым пламенем газового обогревателя. Семья, каждый член которой, осознавая взаимную любовь и доверие, сохранял свое уединение, окутанное космической тьмой. Это была модель человеческой семьи и в то же время образец мира на Земле. Свет электрической лампы мягко падал на роскошные блестящие волосы Акико, склонившейся над тетрадью, на стучащие спицами гибкие и проворные пальцы Иёко. Казалось, что сама жизнь превратилась в священную церемонию.

Дзюитиро вдруг закрыл глаза и вспомнил мрачные дни своей юности. Тогда он боялся счастья, как чумы. Он страдал от собственной лени, безразличия и серьезного комплекса неполно-

ценности, думал, что леность будет терзать его, пока не убьет. Но этого не случилось. Вот почему насущным вопросом стало самоубийство, попытка лишить себя жизни. Мир тогда представлялся ему гигантским, скользким, неприступным шаром, с которым приходилось бороться один на один. Ничего другого не оставалось. Но в этом даже что-то было. Во всяком случае, убогим или неприглядным это не назовешь.

Потом он женился и обзавелся детьми, стал спокойным, хорошим мужем. Но насколько он мог любить жену и детей? Он научился их любить совсем недавно, когда узнал, что все они — существа с разных планет. С этого момента наступило всепрощение, все наполнилось милосердием.

В дверь позвонили.

— Кто это может быть в такой час? — Иёко отложила вязание и встала.

— Мы никого не ждем. Неужели кто-то из Общества вселенской дружбы решил заглянуть по-простому? Ведь мы четко написали в правилах, что никого здесь не принимаем.

Иёко вернулась из прихожей мрачная, с визиткой в руке. На карточке было написано: «Такахаси Рокуро, департамент общественной безопасности, городское полицейское управление Ханно».

* * *

Дзюитиро встретил посетителя в неотапливаемой комнате. Инспектор Такахаси, обычный, заурядный человек, был в штатском, разговаривал вежливо. Даже не вежливо, а заискивающе. Только глаза, быстро обшарившие лицо Дзюитиро и комнату, выдавали, что его уважение к собеседнику показное.

— Буду с вами откровенен, — начал инспектор, будто процеживая слова через сито; было трудно понять, пришел он с добрыми или злыми намерениями. — Дело в том, что нам поступило много заявлений о том, что вы всей семьей выезжали куда-то из дома на автомобиле посреди ночи…

Инспектор не стал поднимать тему письма Хрущеву, опасаясь, что Дзюитиро может сослаться на конфиденциальность частной переписки.

— Ах, это… Мы ездили смотреть на звезды, — быстро ответил Дзюитиро.

— Звезды?

— Мы все изучаем звезды. Разве это противоречит закону?

— Нет. Я и не думал это утверждать.

— Мы занимаемся этим, потому что я страшно беспокоюсь за мир на нашей планете.

— Вот оно что. Вы говорите о пацифизме?

— Если все будет продолжаться в том же духе, с Землей произойдет ужасное. А вы этого не замечаете. В чем состоит основная миссия полицейского в демократическом обществе?

— В защите жизни граждан, — ответил инспектор Такахаси, выпятив грудь.

— Вот как? Тогда у нас с вами одинаковые задачи. Мы должны действовать сообща.

Инспектор бросил на Дзюитиро подозрительный взгляд. Допил почти остывший чай и спросил:

— Каким образом вы защищаете жизнь граждан?

— Мы пытаемся спасти человечество от гибели.

— Человечество и граждане — это одно и то же?

— В более широком смысле, человечество — это просто жители маленьких городков.

— Не уверен, что согласен с вами. Наша работа касается граждан, но вряд ли простирается на все человечество.

— Вам нужно лишь посмотреть на все шире, и вы поймете, что я имею в виду. Например, представьте себе человека, запертого в клетке в

зоопарке. Как бы он к этому отнесся?

— Наверное, ему бы это не понравилось.

— Вот видите. Это человеческая реакция. Она совершенно не похожа на гнев отдельных граждан. Ситуация, когда человека запирают в клетке, оскорбительна с точки зрения общечеловеческого здравого смысла и самоуважения. А ведь сейчас все человечество заперто в очень опасной клетке. Она закрыта снаружи, и из нее не убежишь.

— Ну, по крайней мере, жители Ханно в клетке не сидят.

— Просто расстояние между прутьями клетки такое большое, что их не видно. Я пытаюсь сломать замок и выпустить всех на свободу.

— Куда?

Дзюитиро растерялся. Как ответить на такой простой вопрос? В этот момент он представлял бескрайнюю пустоту космоса, но направление, в котором двигалось ночное небо, усыпанное сияющими звездами, оставалось для него загадкой. Это место было неподконтрольно полиции.

Инспектор, со своей стороны, почувствовал, что обращенный кверху взгляд хозяина дома устремлен на что-то большее, чем полиция. Что бы этот человек ни задумал, мысли у него опасные.

— То есть вы хотите сказать, что ваши идеи

сводятся к двум словам — «мир» и «освобождение»? Оба слова из лексикона коммунистов, и вы это знаете. Свобода слова, конечно, важна, но если такие мысли ведут к разрушительным действиям…

Не в силах справиться с эмоциями, Дзюитиро произнес:

— Это не шутки. Разве разрушение — не ваших рук дело?

Говоря «ваших рук дело», он имел в виду человечество. Инспектор, конечно, этого не понял и тут же заявил:

— Хотите сказать, что полиция занимается подрывной деятельностью? Это откровенное неуважение к нашей службе. Только коммунисты могут так думать.

Но в следующую секунду с лица инспектора будто содрали кожу, и на нем вновь появилась холодная улыбка. У него был принцип — не загонять противника сразу в угол, и он посчитал, что цель визита достигнута.

Инспектор попрощался, и Дзюитиро проводил его в неосвещенную прихожую. Пока инспектор, повернувшись спиной, обувался, Дзюитиро спросил его:

— Разве вам не полагается ходить в форме и

фуражке?

— Нет, в нашем департаменте принята штатская одежда.

— Если не ошибаюсь, на фуражке полагается носить звезду?

— Верно.

Инспектор Такахаси выпрямился, протянул руку к решетчатой раздвижной двери и обернулся. Он заметил печальную тень, нависшую над высокой тонкой переносицей Дзюитиро.

— Вы носите фуражку со звездой, но не знаете, что означает этот символ. Забыли, в чем сущность звезд.

Проводив инспектора Такахаси, Дзюитиро без сил опустился на корточки. Где-то внутри возникла ноющая боль. Так этой ночью закончилось мирное собрание в созвездии Козерога.

* * *

Экзамены завершились, наступили весенние каникулы. Февраль подходил к концу, по небу гулял теплый ветер, наполненный желтой пыльцой.

Дзюитиро был занят подготовкой к лекции, которую собирался прочитать в Токио. Кадзуо отказался вести машину и совсем не выказывал

желания как-то помогать отцу. Боялся, что, если об их деятельности узнает Куроки Кацуми, он, Кадзуо, может лишиться его особого расположения, завоеванного с таким трудом. Ведь отец говорил о частых случайностях и совпадениях, и нельзя исключать вероятность того, что они с Куроки могут где-нибудь столкнуться.

Обязанности водителя и администратора легли на Акико. Вместо того чтобы провести одну лекцию в большом зале, Дзюитиро задумал организовать передвижной лекторий — сразу несколько выступлений в Токио и пригородах, в залах при муниципалитетах и общественных центрах. Он хотел провести как можно больше встреч, налаживая тесный контакт с небольшими аудиториями. Акико занималась бронированием помещений и рекламой предстоящих мероприятий, а Иёко размножала копии бюллетеня, из которого члены Общества вселенской дружбы могли узнать о программе и содержании выступлений Дзюитиро. Акико предлагала брать плату с тех, кто придет на лекцию, но отец настоял, что вход будет бесплатным и все расходы он возьмет на себя. Объявление о лекции гласило:

ЛЕТАЮЩИЕ ТАРЕЛКИ УКАЗЫВАЮТ:

НАША ЦЕЛЬ – ДОСТИЖЕНИЕ МИРА ВО ВСЕМ МИРЕ
ЛЕКТОР: ОСУГИ ДЗЮИТИРО
ОРГАНИЗАТОР:
ОБЩЕСТВО ВСЕЛЕНСКОЙ ДРУЖБЫ

Утром Акико отправилась в Токио на машине. Оставалось забронировать последние три зала. Она внесла залог за два, а когда добралась до третьего, в общественном центре района М., было уже четыре часа.

Центр она увидела издалека. Это было новое здание в стиле модерн, совсем не то, на что рассчитывал отец, предпочитавший небольшие уютные помещения, где легко общаться с людьми. Но район М. был важен, там можно было привлечь понимающую, образованную публику.

Погода выдалась довольно пасмурная, дул сильный южный ветер, а во второй половине дня начал греметь весенний гром. Заехав на парковку перед общественным центром, Акико с удивлением увидела около входа многочисленные венки, на которых трепетали черные ленты. Тонкие столбики были обернуты тканью в черно-белую полоску. Похоронный полосатый занавес, хлопая на ветру, тянулся до главных дверей.

Акико прошла в канцелярию общественного центра, но приемные окошки были закрыты, все стулья пустовали. Лишь один сотрудник — лет сорока, с траурной повязкой на рукаве, — собирался домой. Акико постучала в стеклянное окошко.

— Сегодня не работаем, — не приближаясь, махнул рукой сотрудник, но, увидев в окошке красивое бледное лицо девушки, все-таки подошел, щелкнул ключом и поднял стекло. Из-за пыли, набившейся в пазы, стекло неприятно скрипнуло. — Хотите арендовать зал? Извините, но сегодня не получится. Приходите завтра. Понимаете, только что закончилась церемония прощания с главой нашего муниципалитета.

— Могу я попросить об одолжении?

— Завтра, пожалуйста. У нас редко бывают желающие бронировать зал, так что не беспокойтесь.

— Конечно-конечно… Но не позволите ли взглянуть на зал сейчас?

Чиновник на мгновение задумался. Потом дохнул на Акико несвежим ртом с отвисшими губами:

— Ладно. Дверь в конце коридора. Мне пора домой, так что не смогу вас проводить.

Поблагодарив его, Акико прошла по коридору

и толкнула дверь. Зал еще не до конца прибрали после траурного мероприятия. В помещении было сумрачно. Акико посмотрела в высоко расположенное окно и увидела, что небо за считаные минуты заволокло мрачными тучами.

Похоронный занавес уже сняли, но половина венков еще оставалась на месте. Стулья стояли вдоль стен, и было трудно понять, сколько человек здесь поместится. Кроме Акико, в зале больше никого не было. Она сделала несколько шагов, и пол под ее туфлями заскрипел. Акико прочитала надпись на ленте одного из венков: «От городской торгово-промышленной палаты Канадзавы». Возможно, покойный глава муниципалитета был родом из тех краев. При этой мысли ее вдруг охватила тревога. Это место и эти похороны как-то связаны с Такэмией.

Послышался странный грохот. «Гром?» — подумала Акико. Оказалось, за сценой кто-то двигал рояль. Обращались с инструментом небрежно. Большой черный ящик с блестящей открытой крышкой подтащили туда, где, должно быть, недавно стоял гроб. К роялю подошел парень и забавы ради заиграл что-то невразумительное в верхнем регистре.

При этих звуках у Акико возникло ощущение,

будто где-то рядом скрывается Такэмия. Извлеченные из рояля звуки безучастно отражались от высокого потолка и проникали в самую глубину ее души.

Три месяца после встречи Акико и Такэмия часто писали друг другу. Общее венерианское происхождение и свидание с летающими тарелками навсегда соединили их сердца. Акико впитала его представления о красоте и хотела отказаться от общественной деятельности отца, но Такэмия посоветовал еще какое-то время помогать Дзюитиро. Все эти три месяца, когда у Акико возникало желание вновь увидеть Такэмию, она разговаривала с его маленькой фотокарточкой, которую он подарил ей в Канадзаве. Она хранила фото в чехле для проездного билета, чтобы он мог вместе с ней путешествовать в университет и обратно.

Такэмия рассказал о том, что, к ее удивлению, она уже обнаружила сама: находясь физически в разных местах, на большом расстоянии друг от друга, можно сохранять духовную связь. Если мир на самом деле не более чем мираж, писал он, тогда и многочисленные иллюзии, заполнявшие расстояние между ними двоими, невидимы и не существуют. Точно так же единственное, что

они могли видеть в глазах друг друга, — это их венерианские корни, столь же реальные, как разноцветный маяк в воротах святилища, видимый морякам издалека. Венерианец и венерианка были далеко друг от друга, он в Канадзаве, она в Токио, но поднимались выше дремлющих над человеческим миром ночных облаков, словно два маяка.

Повсюду стояли искусственные цветы из серебряной бумаги с белыми бутонами и холодными навощенными лепестками. В воздухе витал бодрящий запах смерти после траурной церемонии, похожий на прогоревший костер. Высокие ноты рояля причудливым потоком вливались в уши. Все это время Акико казалось, что Такэмия, этот странный молодой человек, обязательно появится. Вот-вот его сияющее лицо заглянет в высокое окно, затянутое темными тучами. Акико подняла голову.

Она не могла избавиться от зародившегося у нее зловещего сомнения. В Канадзаве они с Такэмией делились воспоминаниями, вместе наслаждались восхитительными пейзажами, разделяли эмоции. Они вдвоем стали свидетелями появления летающих тарелок, испытали общий невероятный восторг. Но было нечто, чего

Акико не могла разделить с Такэмией. Невообразимо прекрасный мир, который Такэмия видел сквозь прорези маски *фукаи*. Венерианский пейзаж, который он так и не сумел описать словами. Сомнения до сих пор не покидали Акико. Вдруг Такэмия видел мир смерти?

Внезапно грянул гром, и все здание заполнил шум дождя.

— Черт! Вот это ливень! А мы еще венки не убрали! — воскликнул парень в голубых джинсах.

— Да он быстро кончится. Пойдем пока покурим, — предложил средних лет рабочий в *таби* на резиновой подошве.

Дождь яростно барабанил по огромному окну в стиле модерн. Свет включить было некому, и в здании стало еще темнее. Лишь серебристые, желтые, зеленые и белые краски искусственных цветов, сложенных у стены, яркими пятнами выделялись в сумерках, словно живые. Каждая ослепительная вспышка молнии на миг выхватывала из полутьмы серебристые лепестки, обнажая их искусственность, одушевленную злым умыслом.

Акико направилась к выходу; дождь хлестал по стоянке, где она оставила машину. Как до нее добежать? Она достала из сумочки чехол с про-

ездным билетом, взглянула на красивое бледное лицо Такэмии с застывшей улыбкой. Фотография напомнила его слова, сказанные в парке Кэнроку-эн: «А-а, понятно. Ты точно улавливаешь, что происходит в моей голове».

Акико мечтала о блаженстве, которое испытала в декабре среди песчаных дюн Утинады. Сейчас она была далека от этого чувства. Она одинока, и это несправедливо. Они оба могли жить, преодолевая пространство, но им не под силу преодолеть время.

— Ты нужен мне прямо сейчас. Если ты не можешь быть здесь со мной, хотя бы подай знак, что ты существуешь, — молила Акико, обратившись лицом к дождю.

Сзади кто-то подошел. Акико удивленно обернулась. Перед ней стоял парень с грубоватым лицом и взъерошенными волосами, в засаленной рубашке в красную клетку и потертых джинсах. В руке он держал серебристый искусственный цветок, который, должно быть, сорвал с траурного венка. Он картинно опустился на одно колено и, подняв руку, протянул ей цветок со словами:

— Девушка, примите от чистого сердца.

Акико, не раздумывая, взяла цветок. Из темноты за спиной парня раздался хохот его приятелей,

наблюдавших за этой сценой.

Акико с цветком в руке выбежала под дождь.

* * *

Поздно ночью, за два дня до первой лекции, Дзюитиро сидел в кабинете, обложившись фотографиями летающих тарелок для слайдов и справочниками, и писал черновик доклада. Он много цитировал обязательные для исследователей летающих тарелок издания — в частности, «Летающие тарелки» Кеннета Арнольда, «Летающие тарелки реальны» Дональда Кейхо и «Послание из космоса» Уильяма Фергюсона, — чтобы сделать доклад интереснее. Дзюитиро очень устал и чувствовал тяжесть в желудке.

Раздался стук в дверь, и вошла Иёко с чаем и фруктами.

— Еще не спишь? Скоро половина третьего, — сказал Дзюитиро.

— У меня руки были черные от гектографа, только сейчас отмыла. На сегодня я закончила. Спокойной ночи.

Иёко обычно не задерживалась надолго в кабинете мужа. Так сложилось и продолжалось уже много лет. Но в этот раз Дзюитиро остановил ее и предложил сесть:

— Побудь немного. Я как раз собирался сделать перерыв.

Когда муж и жена оставались наедине, между ними возникало церемонное товарищество, в двадцатые годы характерное для многих супружеских пар с либеральными взглядами. Сейчас Иёко смотрела на мужа с особым восхищением, возможно, потому, что редко оставалась в этом кабинете.

Электрическая *хибати*[44], муж в шерстяном кардигане и вельветовых брюках, на столе нефритовое пресс-папье в виде тигра, подставка с неровно заточенными карандашами. Во всем этом не ощущалось и намека на маслянистый животный запах, который обычно переходит к женщинам в возрасте Иёко от их мужей.

— Дети уже спят?

— Давно.

В этом доме за такими бытовыми разговорами всегда таилось что-то еще. Иёко прикрыла лицо

---

[44] Примечания: 44

Хибати — традиционная японская передвижная печь для обогрева помещения и готовки. Первоначально это был большой горшок с песком на дне, наполненный тлеющими углями, на который клали металлическую решетку. В традиционных японских домах может вообще не быть отопления, тогда *хибати* ставят в каждой комнате. Сейчас угольные печи практически исчезли из обращения, их заменили электрические модели. — *Примеч. ред.*

рукавом *хаори*[45] и прошептала:

— Знаешь, когда Акико не было дома, я прочитала все письма от этого парня из Канадзавы. Они такие эмоциональные, страстные, но в то же время в них есть какой-то странный холод. Он не пишет об этом прямо, но они вместе видели в Канадзаве летающие тарелки.

Заметив, что ее слова глубоко задели Дзюитиро, Иёко замолчала. Прохладные белые щеки мужа вспыхнули и тут же вновь побледнели.

— Глупости какие… Как они могли?..

Поступок дочери Дзюитиро воспринял как ужасное предательство. Если они вдвоем правда видели летающие тарелки, это доказывает, что парень из Канадзавы действительно венерианец. И если их могут видеть *вместе* только инопланетяне с одной планеты, значит дочь — единственный член их семьи, кто может быть уверен в своем происхождении. Это также значило, что относительный порядок с планетами в их семье и гармония, которая проистекала из этого порядка, нарушены, и Акико, стремясь

---

[45] Примечания: 45

Хаори — традиционная японская одежда, похожая на жакет или куртку длиной до бедер или чуть ниже, без воротника и застежек, надевается поверх кимоно и завязывается лентами; символизирует скрытую роскошь, поэтому верх часто делают скромным, а подкладку — из дорогого яркого шелка.

подтвердить свое венерианское происхождение, совершила непоправимую *человеческую* ошибку. Как ни прискорбно это сознавать, отсутствие летающих тарелок на рассвете того дня, когда они всей семьей ждали на горе Ракан, указывало, что им по-прежнему не хватало веских доказательств, которые бы их объединяли. В то же время Дзюитиро радовался, осознавая, что теперь на него легла почти сверхчеловеческая миссия — поддерживать сплоченность семьи только за счет взаимного доверия. Акико сознательно свела все к почти плотскому, чувственному уровню доказательств, который предпочитают земляне. И вдобавок скрыла это от родителей из какого-то чувства вины.

Как ни странно, негодование и возмущение, охватившие возвышенную душу Дзюитиро, мало чем отличались от чувств любого обычного отца, который верил в чистоту дочери и вдруг обнаружил, что она поступила недостойно.

— Не кори себя так, — сказала Иёко, желая его утешить. — Узнав, что дети с разных планет, я смирилась с тем, что нечто подобное рано или поздно произойдет. Кадзуо отдаляется от нас, Акико тоже ищет свой путь. Но у каждой планеты своя орбита. И даже если возникают какие-то от-

клонения, в конце концов они все равно движутся так, как предписано планетарными законами. Если подумать, мое чрево как бы взяли напрокат, чтобы произвести на свет двух детей с других планет. Стоило мне пожелать, и я родила бы земных детей. Но я не смогла, потому что любила тебя… Однако сейчас я жалею, что не родила хотя бы одного землянина. Не то чтобы я сильно любила людей, но на Земле такая прекрасная природа. Особенно весной, когда зеленеют поля, тает снег и прозрачные ручьи впадают в реку Нагуригава, когда гора Ракан звенит соловьиными трелями, а земля в полях становится черной и блестящей от напоившей ее влаги. Конечно, я вырастила детей с Венеры и Меркурия, но я все равно думаю, что это благословенная земля. Я не права?

— Почистишь мне фрукты? — попросил ее муж, не ответив на вопрос.

В свете лампы сверкнуло лезвие ножа, которым Иёко принялась ловко чистить большое яблоко, чья нежная блестящая кожица отливала разноцветьем. Оттенки перетекали один в другой — красный в золотистый, золотистый в бледно-желтый, бледно-желтый в белый. Твердая мякоть плода источала аромат, приправленный сладкой печалью, и Дзюитиро знал, что в его усилиях по

спасению Земли кроется опасное очарование, подобное этому запаху.

5

Был полдень субботы, десятое марта. Хагуро Масуми дожидался двоих приятелей на горе Дайнэндзи, расположенной в юго-западной части Сэндая[46]. Они должны были встретиться в три часа в розарии на вершине.

Хагуро было сорок пять, он читал в местном университете лекции по истории права и до сих пор оставался доцентом. Хилый и бледный, он тем не менее сохранил густую шевелюру. Хагуро носил круглые очки, в нем не было ничего привлекательного, и популярностью у студентов он не пользовался.

Он в нетерпении прогуливался по безлюдному розарию, оставляя следы на песчаных дорожках. День был ясный, и вершина Идзумигатакэ величественно сияла снежными покровами на северном горизонте.

В розарии только что закончили весеннюю обрезку. Сезону пышного цветения роз Хагуро

---

[46] Примечания: 46

Сэндай — город на северо-востоке острова Хонсю, административный центр префектуры Мияги. В Сэндае находится стометровая статуя богини милосердия Каннон, самая высокая в мире.

предпочитал именно этот период, когда цветы на кустах еще не появились. На это у него была причина. В прошлом году примерно в это же время именно здесь он увидел над заснеженными склонами Идзумигатакэ летающие тарелки.

Он считал, что люди уродливы и что цветы не распускаются у них на лбу, поскольку их не подрезают. Хорошо бы еще в младенчестве раздробить им пальцы на руках и ногах. Студенты в университете были именно такими — тупыми уродами…

Устав от ожидания, Хагуро присел на корточки перед розовым кустом с табличкой «Ацтек». Песок скрипнул под ребристыми подошвами ботинок. Он чувствовал, как туго затянутый ремень, смешивая в кучу, выдавливает наверх все — его жалкие нездоровые внутренности, футляр для очков, который он сунул в карман пиджака, тонкий бумажник, перьевую ручку без чернил. И подобно тому, как прилив усиливает неприятные запахи плавающего в реке мусора, в ноздри Хагуро вдруг ударило зловоние его никчемной человеческой жизни.

Подрезанные ветви розовых кустов причудливо изгибались, но были зелеными и крепкими. Их покрывали многочисленные шипы, напоми-

навшие каких-то белых насекомых. Несколько маленьких веточек чудом избежали обрезки, и на них сохранились прошлогодние цветы, которые никто не позаботился удалить. Розы превратились в твердую коричнево-пурпурную массу, похожую на засохшую кровь.

Прошлогодние розы были маленькими и круглыми и напоминали сморщенную мошонку. Они свисали с веток, нежно покачиваясь на ветру, часть высохших лепестков раскрошилась, словно пепел, но оставшиеся сохранили зигзагообразные края.

Хагуро протянул руку и коснулся лепестков. Стоило чуть надавить, и они рассыпались, оставив на кончиках пальцев крошечные осколки.

Живые розы, приговоренные к сожжению на костре, сохраняли свою форму даже после того, как обратились в пепел… Прекрасная двойная форма зла. Хагуро был убежден, что каждая форма в этом мире — ложь, обман. Даже разрушение имело свою форму, но и она была иллюзией.

Нужно ли ему будет применить силу, чтобы уничтожить человечество? А может, мир людей рухнет, подобно розе, которая только что превратилась в прах от одного легкого прикосновения? Или мир уже умер и сохраняется лишь его форма?

Всякий раз, когда в голове Хагуро возникали такие мысли, он быстро их отгонял. Они отвлекали от выполнения его миссии.

* * *

— Профессор, извините за опоздание! — крикнул Сонэ от арки на входе в розарий.

Хагуро не ответил; его всегда раздражал слишком громкий голос этого человека. За Сонэ на дорожке показался протиснувшийся в арку здоровяк Курита.

Сонэ, толстяк с пухлыми крупными пальцами, владел парикмахерской около северного входа в университетский кампус. В зале у него висели разноцветные картонные квадратики со стихами знаменитостей. Хагуро там стригся. Сонэ обожал сплетничать, знал все грязные секреты подающих надежды актеров на телевидении. Питавшим его душу источником была зависть к другим людям и всему, чем они обладали. Только Хагуро он почему-то не завидовал.

Курита жил в городке Самбякунин, неподалеку от храма Хосюин, и работал в банке S. Год назад он окончил университет, где преподавал Хагуро, и был его студентом. Познакомились они не на занятиях, а в парикмахерской Сонэ.

— Все возвращается на круги своя. То же место, тот же сезон, те же лица, что и в прошлом году. Единственное отличие в том, что на этот раз мы не будем сочинять хайку, — сказал Сонэ, по обыкновению напуская на себя важный вид.

В прошлом году, ранней весной, университет пригласил выступить известного сочинителя хайку из Токио. После лекции, по дороге в гостиницу, поэт решил заглянуть в парикмахерскую Сонэ. Туда же зашли Курита, который хотел сделать прическу перед церемонией вручения дипломов, и Хагуро. Сонэ прервал работу и попросил гостя написать что-нибудь на память, потом все завели незатейливый разговор о хайку. Поэт прекрасно знал, как расположить к себе людей, и выразил желание вместе с новыми друзьями, мало знакомыми с миром хайку, для поэтического вдохновения посетить какую-нибудь местную достопримечательность. Все трое посоветовали вместо уже банального замка Аоба[47] подняться

[47] Примечания: 47

Замок Аоба, также известный как Сэндайский замок, — национальный исторический памятник Японии, расположен на горе Аоба в городе Сэндай. Строился в 1601–1637 годах по приказу первого даймё и основателя Сэндая Датэ Масамунэ (1567–1636). Серьезно пострадал во время воздушного налета американской авиации в июле 1945 года, а в период оккупации Японии попал под контроль армии США и был окончательно разрушен; восстановление началось в 1957-м после передачи замка японским властям.

на гору Дайнэндзи. Поэта заинтересовала эта идея, и он предложил встретиться на вершине завтра в два часа дня, чтобы объяснить им суть таких поэтических прогулок и дать несколько советов по стихосложению. Сонэ так воодушевился, что тут же принялся обдумывать, какую еду лучше взять собой в поход.

На следующий день в два часа доцент, парикмахер и студент оказались на горе Дайнэндзи, но поэт не пришел.

Они долго ждали, однако он так и не появился. Они съели все закуски, приготовленные парикмахером; пить настроения не было. Гордость доцента была уязвлена. Когда стало окончательно ясно, что дальше ждать бесполезно, Хагуро встал и направился в безлюдный розарий. Двое спутников поплелись за ним.

В тот день год назад Идзумигатакэ так же четко вырисовывалась на фоне ясного неба. Все трое стояли неподвижно, глядя на далекую заснеженную вершину. Хагуро, которого поэт унизил, не явившись на встречу. Сонэ, ненавидевший поэта всей душой. И растерянный здоровяк Курита.

Но сердца всех троих замкнулись на хайку. Они были заперты в крошечной клетке, сложенной из никчемных и бестолковых строк. Злоба, со-

крытая в маленьком бессмысленном, бессвязном стихотворении, которое поэт оставил под лучами раннего весеннего солнца, висела над носом каждого из троицы, словно рой крошечных черных насекомых. Искусно созданная злоба, как подарок в виде изысканных пирожных, поданных им на лаковом подносе.

И тут раздался дикий крик парикмахера:

— Тарелка!.. Летающая тарелка!.. Как-нибудь так, да?

Тарелки в небе —
Крупинки снега
Над горой Идзумигатакэ.

— Что ты несешь? — с раздражением спросил Хагуро.

Не дожидаясь ответа, Хагуро и Курита перевели взгляд туда, куда смотрел Сонэ, и увидели то, что неожиданно появилось в поле его зрения и вызвало приступ поэтического вдохновения, родившего столь заурядный плод. Картина оказалась настолько четкой, что усомниться в ее реальности было невозможно.

Справа от заснеженной, сверкающей вершины Идзумигатакэ парил странный круглый серебристый объект. На первый взгляд он выглядел

неподвижным. Картина получалась точно как в неуклюжем хайку Сонэ: на фоне голубого неба появилась крупинка снега и застыла. Но, присмотревшись, можно было различить, что это серебристый диск, который быстро вращается на одном месте.

— Что это?

Хагуро пальцем плотно прижал очки к переносице.

Однако чудеса еще не кончились. Слева от вершины возникла такая же летающая тарелка. Она скользила по небу, как жук-плавунец по гладкой поверхности воды. Конструкция обоих дисков была видна во всех деталях, Хагуро даже подумал, не обманывает ли его зрение. Казалось, летающие тарелки парят перед вершиной Идзумигатакэ.

Но продолжалось это недолго. Тарелка, висевшая справа от горы, внезапно накренилась, повернулась ребром к наблюдателям и превратилась в тонкую, с небольшими утолщениями вверху и внизу линию (это походило на круглый симпатичный глаз, который открылся, и тут же, словно взмахнув ресницами, закрылся). Тарелка слева вдруг пропала, а следом исчезла ее спутница.

Прошло совсем немного времени, и оба объекта

снова появились из-за горного пика. Теперь они были красивого абрикосового цвета. В мгновение ока объекты на огромной скорости взмыли вверх по диагонали и растворились в облаках, сгрудившихся вокруг вершины Идзумигатакэ.

С этого момента мир для всех троих изменился.

* * *

— Здесь самое подходящее место для встречи, — сказал Хагуро, вставая. При этом он не сводил глаз со сверкающей снежной шапки Идзумигатакэ. — Можно было встретиться в каком-нибудь кафе в городе и поговорить, но я подумал, что мы должны прийти сюда, в розарий, и перед лицом далекой снежной горы подтвердить нашу решимость и обязательства. Общество вселенской дружбы, между прочим, уже организовало выездной лекторий. И знаете, везде собираются полные залы. Они завоевали большую популярность в Токио! Я считал этого Осуги тупым полусумасшедшим, а оказалось, он не так прост.

— Вы имеете в виду «Лекции о мире во всем мире»? На которых твердят о спасении Земли и человечества? — беспечно поинтересовался Курита.

— Противный тип. Он что, теперь тоже знаменитость? — спросил Сонэ.

По его тону было понятно, что он не прочь получить от Осуги хайку для парикмахерской.

— Проблема не в том, стал он знаменитостью или нет. Я знаю только, что у него есть какой-то секрет. Если людей привлечет этот секрет и они всерьез пожелают мира, нам придется нелегко. Сейчас у Осуги нет большой власти, но он все равно нам мешает. В скором времени нам придется устранить эту помеху. В интересах людей уничтожить себя приятно, комфортно. Все должно произойти так быстро, чтобы они даже не заметили собственной гибели. Я уже об этом говорил.

Хагуро тщательно подбирал слова, чтобы собеседники его поняли.

Все трое невольно посмотрели на гору Идзумигатакэ. Ничто не предвещало появления летающих тарелок, но в памяти вставали яркие образы увиденного год назад, а вместе с ними оживали испытанные тогда злые эмоции.

Все трое помнили, что после того, как появились летающие тарелки, их одолела ностальгия по родным краям. Они наслаждались чувством единения с людьми, происходившими из одних и тех же, пусть даже незнакомых мест. Но как

получилось, что все трое сразу ощутили себя сообщниками, эмоционально связанными через злые помыслы, которые таились в каждом из них?

Для Хагуро наступил редкий, идеальный момент, когда он мог, не прилагая усилий, получить контроль над умами других людей, навязать свою волю. Для этого требовалась лишь одна бредовая идея. Вряд ли Хагуро давно вынашивал желание властвовать над неотесанным парикмахером и заурядным студентом, но он оказался в ситуации, когда перед ним, кроме этих двоих, больше никого не было. Выбирать было не из чего.

Увидеть летающие тарелки — настолько невероятное событие, что объяснить его можно только пробуждением каких-то прежних воспоминаний. Само по себе оно не оставило никаких эмоциональных следов, а тут же превратилось в чистое воспоминание, которое скрылось где-то глубоко в душе. Поэтому вполне естественно, что все трое сочли появление летающих тарелок отражением далеких воспоминаний с другой стороны пространства и времени. Также было естественно, что увиденное вызвало состояние души, при котором их общий опыт с ужасающей скоростью вызвал желание немедленно найти

общие воспоминания, которые хранил каждый из них. Эти воспоминания представляли собой мрачные, унылые фантомы (у каждого свои), до сих пор скрытые от посторонних глаз. Почти одновременно все трое открыли в себе и друг в друге, насколько они всю жизнь ненавидели людей. Было от чего впасть в экстаз.

Теперь перед Хагуро встала необходимость придумать теорию, которая, подобно вспышке молнии, высветит их общее прошлое и ужаснет их до глубины души. Окрасит все в пурпурный цвет, рожденный этой вспышкой.

Он смотрел на четкие очертания Идзумигатакэ, высившейся на горизонте за долинами, лесами и перелесками, городками и пригородами. Вершину венчала сверкающая снежная корона, от которой во все стороны глубокими, тяжелыми и пышными складками расходились горные склоны. Они раскинулись, словно крылья огромного белого лебедя, спрятавшего клюв в перья.

Белый лебедь… Образ чистого, сияющего зла. Множество воспоминаний и видений сталкивались в мозгу доцента. Порыв ветра из окна аудитории листает белые страницы тетради. Названия звезд, которые со школьных времен звучат в ушах диковинным рефреном… Мысли

приходили и уходили, пока наконец не вылились в слова:

— Разве вы не понимаете? Мы прибыли с неизвестной планеты из системы Шестьдесят первой звезды в созвездии Лебедя. Это доказывают летающие тарелки, которые мы видели. Нравится нам или нет, но мы никогда не были людьми.

Эта теория сразу же прочно засела в головах двух спутников Хагуро. Он произнес все спокойным лекторским тоном, но в душе испытывал восторг от своего открытия, которое, будто свет, озарило его собеседников. «Вот оно что!» Теперь все вопросы и сомнения растаяли. Стало понятно, почему они так ненавидят людей.

— Получается, мы прибыли на Землю… А для чего? — спросил Курита.

Ответ Хагуро был предельно ясен:

— Чтобы уничтожить человечество.

* * *

Вскоре после того памятного дня произошло событие, укрепившее уверенность троицы в себе. Через два дня после их встречи с летающими тарелками тот самый поэт выехал из Сэндая домой, в Токио, в поезде с ним случился инсульт, и он умер.

Чтобы отпраздновать эту первую победу, все трое собрались в кафе в квартале Хигаси Итибан-тё. Доцент кафедры истории права любил придумывать разные правила, поэтому в их узком кругу ввел определенные порядки, чтобы тем самым хоть как-то заглушить обиду, которую ему нанесли в университете, не допустив к работе над уставом. Одно из таких правил касалось оплаты и гласило, что при общих встречах каждый платит за себя. Трое чокнулись чашками кофе, оплаченными по отдельности.

— Ну вот, одним меньше стало, — сказал парикмахер, облизывая губы.

— Один человек — не повод для радости. Он всего лишь один из трех миллиардов, и население Земли каждый год увеличивается на тридцать пять с лишним миллионов.

— Но я имел в виду нашего прямого врага.

— Говори за себя, Сонэ-кун. Должно быть уничтожено все человечество. Мы должны чувствовать нечто вроде того, что люди называют «гуманизмом».

— Но сегодня мы поднимаем тост только за одного человека. Верно, профессор?

— Так-то оно так, но…

И все трое весело засмеялись.

Теперь уже было ясно, что между этими тремя, столь разными и по характеру, и по роду занятий, и по возрасту, с первого же взгляда возникла какая-то связь, и они сразу поладили. У них было много общего. Например, никто из них не был красив, их всех раздражали люди, и все трое по какой-то неведомой причине ненавидели человечество.

Курита поглядывал на сидящие в кафе парочки.

— С каким удовольствием я бы всаживал в них пули, как в мишени в тире, — сказал он.

— Такой избирательный подход доказывает, что в тебе еще сохранились остатки человеческого. Вполне естественно, что мы испытываем ностальгию по человеческой оболочке, которую носили на себе столько лет. Но мы не должны тратить время на мелочи, наша задача — использовать универсальные методы. Небольшие события, вроде Освенцима и водородной бомбы, или крупные — например, сдвиги в земной коре, которые вызовут землетрясения и наводнения.

— Интересно, были инопланетяне в высших эшелонах власти нацистов?

— Похоже, что были. Но у них не получилось взять за образец природные методы, поэтому

они увлекались человеческой жестокостью, скатывались в дикость. Ненависть завела их в безвыходный тупик, они зациклились на примитивной расовой теории. Вы оба можете сколько угодно предаваться фантазиям о геноциде. Для нас такие идеи — способ отвлечься от повседневной рутины, что-то вроде игры в гольф. Умерить личную злость и подняться до уровня ненависти ко всему человечеству — вот в чем цель нашей подготовки, к которой вы должны относиться с полной отдачей. Чтобы добиться этого, хочу предложить одну идею. Мы могли бы взять за правило встречаться в каком-нибудь оживленном месте хотя бы раз в неделю и, молча глядя на толпу, медитировать минут тридцать. Что скажете? Может, сейчас и начнем?

Они сидели на втором этаже у окна, откуда хорошо была видна вечерняя уличная толчея. На северном конце улицы освещение сменялось темнотой, из которой неясно проступала башня городского муниципалитета. Горевшие оранжевым неоном стрелки башенных часов покачивались в зыбком мраке. За дверями кафе, похоже, поднялся сильный ветер, как нередко бывает ранней весной. Цвета флуоресцентных ламп, освещавших здания в Хигаси Итибан-тё,

были слишком холодными для этого времени года; напротив, в большом, ярко освещенном книжном магазине, как в открытом холодильнике, был выставлен на обозрение весь товар.

Поставив перед собой пустые кофейные чашки, все трое замолчали и приступили к медитации — каждый сосредоточил взгляд на выбранном объекте.

Волос Хагуро касались поникшие в отапливаемом кафе листья гринделии. Прикосновение земного растения к коже было неприятным и в то же время притягательным… Его мечты обратились к расправе над интеллектуалами.

Воображение нарисовало картину: всю мировую интеллектуальную элиту — ученых, интеллигентов, священников, художников, артистов — собирают в одном помещении, раздевают догола, заталкивают в загон с высокими стенами и морят голодом. Эти люди не способны на героическую гибель, так что смерть от голода — лучшее, что они заслуживают. Кабинетные черви, самые уродливые экземпляры человеческой плоти, явленные в своей наготе. С каким наслаждением Хагуро каждый день прижимается ухом к высокой стене загона. Время от времени до него доносятся пронзительные крики. Затем

наступает долгая тишина. Проходят часы, дни, и раздаются звуки. Слышите, как перед лицом голода осыпается все, что считалось кристаллами человеческого духа, — наука, религия, философия, эстетика? Человеческая культура высыхает и с шелестом рушится, как песчаный замок. Взмахивает крылом прекрасный обычай поедания человеческой плоти… Душераздирающие крики. Долгое молчание… Высший бог человеческой культуры, последний бог, бог, пожирающий человеческую плоть, поднимается, облаченный в одежды из золотой парчи. Все, кто умудрился дожить до этого момента, слушают, что́ бог провозглашает им. Идеалы человеческой культуры заканчиваются каннибализмом, такова историческая неизбежность. Это последнее стихотворение, которое услышат уцелевшие. Великолепный мрачный ветер дует без остановки. Не в порывах ли ветра, подобных звучанию *кото*, и не в склонности ли к поеданию себе подобных кроется спасение? Над ними голубое небо. Они видят его в последний раз. Самый совершенный закат в их жизни. Лирические облака отражаются в их отполированных бедренных костях. Утрата способности рационально мыслить, как потеря зубов… Он прижимается ухом к стене и

ждет. Наконец-то наступает день абсолютной тишины. Человечество — самый уродливый и отвратительный вид — уничтожено!

Глаза Сонэ беспокойно перебегали с места на место. С тех пор как он осознал себя пришельцем из космоса, его прежние чувства зависти и ревности уступили место взгляду совершенно беспристрастного прокурора. У него появилась привычка кивать самому себе и издавать губами звуки, что-то вроде «пф-пф», которые становились все громче по мере погружения в медитацию.

— Пф! Знаменитости, богачи, молодые красавцы, на которых западают бабы… Пф! Все должны быть уничтожены.

Все парикмахеры на Земле должны быть мобилизованы и назначены палачами. Нужно поставить в ряд кресла из всех парикмахерских, какие только есть на Земле, усадить в них всех знаменитостей, богачей и красавцев, накинуть на них белые простыни, положить на лица распаренные белые полотенца, а потом аккуратно перерезать всем по очереди горло. Стерильные бритвы — предмет гордости любого парикмахера, и даже в такой ситуации вряд ли кто будет пренебрегать дезинфекцией. Сотни тысяч барбер-

полов[48] в красно-бело-синюю полоску выстроились рядами и весело вращаются, олицетворяя то, что изначально символизировали. Синий — цвет лица покойника, красный — цвет крови, белый — чистое полотенце… Насколько хватает глаз, тянутся ряды блестящих отполированных парикмахерских кресел. И вот все приговоры приведены в исполнение, и в знак благодарности за проделанную работу парикмахеры всего мира — конкуренты Сонэ по бизнесу — отправляются в огромную общую ванну. А когда они хорошенько отмокли, происходит выброс горячего пара — и все умирают от удушья.

Взгляд Куриты был прикован к молодой женщине, сидевшей к нему спиной в другом конце зала и поедавшей большой кусок торта. Светло-зеленая полосатая юбка туго обтягивала ягодицы, и во всем облике женщины сквозило что-то нелепо зловещее.

Каждая женщина выставляет напоказ какую-то часть своего тела, чтобы заманить кого-нибудь в

---

[48] Примечания: 48

«Парикмахерский столбик» *(искаж. англ.)*. Такие столбики появились в Средние века после того, как цирюльникам запретили выставлять на окнах тазы и чаши с человеческой кровью в качестве рекламы. Лекари использовали красно-белые столбики, парикмахеры и брадобреи — сине-белые, мастера, которые оказывали все виды услуг, ставили трехцветные. — *Примеч. ред.*

ловушку. И это словно цепями сковывает человеческий мир. Курите достаточно будет разбить эти цепи, стерилизовав всех женщин на Земле. Спешить некуда. Максимум через сто лет человечество вымрет…

Перед глазами Куриты как наяву предстало видение человечества, лишенного репродуктивного цикла. Иллюзия будущего, надежды на возрождение и второй шанс полностью разбиты. Люди осознали, что могут рассчитывать лишь на одну попытку. Они одноразовые, как произведение искусства, которое невозможно повторить. Поняв это, люди избавляются от желаний и стремлений и движутся к прекрасному финалу. То есть выносить свое существование им становится легче, чем сейчас.

* * *

— Все! Время вышло. Давайте обсудим, о чем мы размышляли, — предложил Хагуро.

И они весело принялись делиться впечатлениями.

— Надо тренировать нашу ненависть, повышать градус, — менторским тоном заговорил доцент. — Главное — мы должны практиковаться снова и снова, пока наша ненависть не

станет неотличима от любви к человечеству. В конечном счете мы стремимся к тому, чтобы все люди умерли безболезненно и легко. Из-за нашей доброты мы не можем больше смотреть на их страдания.

Сонэ нерешительно прервал его:

— Не могли бы вы сделать одно маленькое исключение?

— Какое же?

— Речь о моей семье. Только о жене и детях… Как вы знаете, они, в отличие от меня, земляне… Не могли бы вы закрыть глаза на это, когда придет время полного уничтожения человечества? Я хотел бы взять их с собой в созвездие Лебедя, когда на Земле все схлопнется.

— Нет проблем, — тут же откликнулся Хагуро. — Если только ты не передумаешь до того, как наступит этот день.

— О! Большое спасибо! — поблагодарил его парикмахер.

* * *

С тех событий прошел год, и на «совещании в розарии» (так позже назвал их встречу Хагуро) все трое обсуждали, как перекрыть кислород инопланетному семейству из Ханно. После этого

они вернулись в город и поужинали (каждый опять платил за себя). Хагуро еще нужно было проверить вступительные работы абитуриентов, поэтому он торопился домой. Он жил возле замка Аоба, в районе, где прежде базировались американские войска. Если перейти реку Хиросэгаву по мосту Охаси и идти по широкой мощеной дороге, которая вела к развалинам замка, дом стоял с правой стороны. После ухода армии США остался комплекс небольших простых зданий в европейском стиле, которые отдали под жилье для государственных служащих — судей, прокуроров, преподавателей университета.

Здания представляли собой домики на две симметричные квартиры с общей стеной и двухэтажные коттеджи на четыре комнаты. Они стояли среди газонов, цветочных клумб и обычных для Америки площадок для сушки белья, но земля была укатана катком, и выглядело это безлико. Однако летом детям достаточно было перейти через мост, чтобы добраться до нового муниципального бассейна в парке Ниси.

Хагуро проживал в четырехкомнатном доме. Он был холостяком, по хозяйству ему помогала пожилая женщина. Комнату на десять *тата-*

ми[49] он превратил в рабочий кабинет, другая комната — на четыре с половиной *татами* — служила спальней. Его помощница жила на первом этаже в комнате на шесть *татами*. Как бы поздно Хагуро ни возвращался домой, стоило ему нажать кнопку звонка, как его тут же встречала опрятная женщина. Хагуро по обыкновению бросил ей несколько слов благодарности и скрылся на втором этаже.

Оставшись один, он воззрился в зеркало на стене. Оттуда на него смотрел тощий сорокапятилетний интеллигентик. Как ни поворачивайся, под каким углом ни смотри, все одно и то же. Хагуро подышал на зеркало. Оно затуманилось, и лицо исчезло. И тут же неприятный запах изо рта, преследовавший его долгие годы, напомнил о себе, уколов ноздри. Хотя он уже привык, и эта легкая вонь ему даже немного нравилась. Тошнотворный запах никак не был связан с жизненной силой, — скорее, его можно было назвать гнилостным зловонием научного сообщества.

В отличие от многих одиноких людей его воз-

---

[49] Примечания: 49

Десять татами — примерно 16,2 кв. м. В Японии площадь жилых помещений обычно измеряется в *татами*. Размер *татами* в разных регионах может отличаться: например, в Токио он составляет 180 на 90 см.

раста, Хагуро не заводил ни собаку, ни кошку, ни даже маленькую птичку. Он был сам себе запущенный, неухоженный пес, сам себе хитрый кот. Единственной заботой в жизни было повеселиться и обеспечить себя хорошей едой.

Из дома напротив, где жила семья профессора технологического факультета, доносились звуки пианино — дочка профессора занималась музыкой, в том числе по вечерам. Хагуро слегка отодвинул занавеску и увидел, что из окон дома льется яркий свет. Он озарял сухой газон, а чьи-то неумелые руки будто специально извлекали из пианино бесхитростную мелодию, чтобы рассыпать вокруг счастье.

«Вот так люди разбрасывают свое грязное счастье повсюду. До чего же это раздражает! Так же машина в дождливый день обливает водой из лужи ни в чем не повинного прохожего».

Но Хагуро верил, что люди обречены на вечные страдания, и поэтому относился к счастью без особого предубеждения и злости.

Есть множество наивных радостей, но его занимала лишь одна мысль. Он раздумывал над этим каждый вечер.

«Догадывается ли кто-нибудь, что я инопланетянин? Подозревает ли кто-то в университете,

что я не человек?»

Хагуро взял маникюрные ножницы, уселся в старое удобное кресло в углу кабинета, и, словно какой-то жиголо, принялся тщательно обрезать и подпиливать ногти. Прежде чем приступить к работе, он нередко предавался тривиальным физиологическим занятиям, чтобы не забывать о физической стороне человеческого существования.

Ногти поддавались ножницам легко, как бумага, но под пилкой ломались. Все глубже погружаясь в уход за кончиками своих бледных пальцев, Хагуро вспоминал человеческий период своей жизни. В юности его никто не любил. В детстве его никто не любил. Во всем его прошлом не было ни одного проявления любви.

Хагуро бросил взгляд на стопку экзаменационных работ на столе. Он еще не читал их, но от одного вида становилось тошно. Многословная писанина, выдавленная из никчемных, банальных умов нового поколения «молодежи». Испачканные жирными пальцами страницы, написанные плохим почерком и полные присущего молодежи самомнения и ошибочных представлений о себе…

Сам Хагуро изучал общинное право[50], рассчитывая когда-нибудь получить докторскую степень. Его книжные полки были забиты старыми документами. Занимаясь этой темой уже двадцать лет, он пока не выпустил ни одной монографии. Хотя и написал пару-тройку статей для ежеквартального журнала «Сборник истории права».

Следовало сосредоточиться на японской проблематике, но Хагуро заинтересовался сравнительной юриспруденцией, и стоило ему увлечься идеями Йозефа Колера[51], как он сбился с пути. Начав с изучения «общинности», благодаря которой общинное право лучше всего сохранилось в Японии, он погрузился в темные глубины старых местных обычаев, лежащих в основе традиционного права разных стран. В университете он каждый год читал вводную лекцию по истории права, в то время как его собственные исследования увязли в трясине, не давая ему ни

---

[50] Примечания: 50

Общинное право (традиционное право) действовало в Японии с древности и до раннего Средневековья включительно. Эта правовая система регулировала отношения в общинах и в складывающихся сословных группах.

[51] Примечания: 51

Йозеф Колер (1849–1919) — немецкий юрист, внесший большой вклад в философию права и изучение сравнительного правоведения.

продвинуться вперед, ни отступить.

В детстве Хагуро был бледным, заносчивым и ужасным спорщиком. В школе его прозвали «брюссельская капуста». Однажды его матери приснился сон, в котором из головы сына одна за другой вылетали звезды. Он упорно полагал себя ни на что не способным слабаком, тогда как в школе его считали талантливым и злобным. Глядя в ночное небо, он мысленно взлетал, фантазировал о том дне, когда превратится в звезду. Каждая звезда казалась ему застывшим сияющим мозгом. Хагуро серебряной краской выкрасил *гэта*[52] изнутри. В этом не было никакого смысла, но мать сочла это несчастливым знаком. Их семья жила в районе Кита Рокубан-тё, в старом темном многоквартирном доме. Двоюродные братья, приходя в гости, привязывали Хагуро к дереву в саду за домом. И он не мог ничего сделать, он был слабее. Братья плевали ему в лицо, хохотали от удовольствия, танцевали вокруг своей жертвы. Его мать уже умерла…

Хагуро снова приоткрыл занавеску и посмотрел

---

[52] Примечания: 52

Гэта — традиционная деревянная японская обувь с ремешками и зубцами на подошве; деревянная дощечка, на которую ставится ступня, имеет внизу выступы, и в ней просверлены три отверстия, через которые продевается ремешок таким же образом, как у пляжных вьетнамок.

во двор. Свет в квартире профессора уже погас, пианино смолкло. Хрупкий свет луны падал на пожухший газон.

Он вернулся к столу, отодвинул в сторону экзаменационные работы и перечитал письмо, которое пришло утром. Это было личное послание одного из членов Общества вселенской дружбы. Его автор — молодой, полный энтузиазма — всегда сообщал ему самую последнюю информацию, не подозревая, что Хагуро и его команда вступили в Общество только затем, чтобы шпионить. Бюллетень Общества выходил нерегулярно, а частная переписка позволяла получать новости на месяц раньше.

Уважаемый профессор!

Преодолевая разделяющее нас расстояние, спешу сообщить Вам о знаменательных событиях, которые происходят здесь, в Токио, и связаны с нашим Обществом.

Лекции нашего председателя Осуги Дзюитиро проходят с потрясающим успехом. Я слушал его, он произвел на меня глубокое впечатление. О выступлении председателя написали в нескольких журналах, и можно сказать, что Общество

ступило на новый этап развития.

Краткое изложение лекций Осуги-сэнсэя со временем появится в нашем бюллетене, а пока отмечу, что выступления его были яркими и содержали призыв к миру для человечества и спасению планеты, поставленной на грань уничтожения. Он говорил спокойно и взвешенно, но у слушателей захватывало дух от силы, с которой он описывал катастрофу, ожидающую человечество, если оно будет ввергнуто в Третью мировую войну. Когда сэнсэй рассказывал о высшем блаженстве, которое наступит, когда человечество установит истинный мир и вольется в гармонию Вселенной, его бледное лицо вспыхнуло румянцем, а слушатели погрузились в задумчивость, как будто перед ними уже открылось это блаженство.

Сэнсэй не имеет себе равных в умении убедительно доказать, что «летающие тарелки» – это посланники мира, друзья, которые пришли, чтобы предупредить нас. В первую очередь мы должны набраться смелости, чтобы открыть в себе мир, который не дрогнет перед че-

ловечеством, перед всем светом, перед Вселенной. Подозрительность и страх перед Вселенной, миром, людьми – вот в чем причина всех войн.

Слайды летающих тарелок, которые показывал сэнсэй, сделаны с фотографий, полученных из очень надежных источников. Есть снимки, достоверность которых подтверждена Министерством военно-морского флота, они имеют историческое значение. На них четкие изображения белых летающих тарелок, парящих над лазурной поверхностью океана, на фоне крутого обрыва, где-то у берегов Южной Америки. Эта картина подняла наши души и сердца над повседневными заботами, ссорами и мировыми конфликтами и унесла к далеким небесам…

«Этот идиот даже не знает, что его ждет!» — подумал Хагуро, презрительно скривил губы и цокнул языком.

* * *

Весь следующий день, воскресенье, Курита безвылазно просидел дома, погруженный в мрач-

ные мысли. Все началось два года назад, когда убили Такарабэ Фумико. Когда Курита впадал в такое состояние, близкие могли только с тревогой наблюдать за ним издали. Стояла ранняя весна, которую Курита терпеть не мог. Фумико погибла два года назад именно в это время.

Двадцативосьмилетняя Фумико была красива. Она развелась с мужем и вернулась в родительский дом в Годзюнин-мати. Семья Куриты проживала неподалеку. Фумико жила с пожилой матерью и зарабатывала на жизнь, обучая изготовлению кукол. Курита наизусть запомнил слова на табличке, висевшей сбоку от раздвижной двери:

ШКОЛА КУКОЛ ТАКАРАБЭ
УРОКИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ
НАСТОЯЩИХ ЯПОНСКИХ КУКОЛ
Это по силам каждому!
ЗАНЯТИЯ ПРОХОДЯТ:
ВТОРНИК, ЧЕТВЕРГ, СУББОТА ДО 16:00

Фумико была известной в округе красавицей, поэтому даже мужчины интересовались изготовлением кукол, но она принимала только учениц. Тем не менее у нее была репутация легкомысленной женщины. Фумико действительно водила

дружбу с несколькими мужчинами, но было ли между ними что-то большее, или просто люди из зависти распускали слухи, так и осталось неизвестным.

Курита пролистал свой дневник за позапрошлый год.

Тогда, во второе воскресенье марта, он записал, как по просьбе Фумико ездил с ней покупать цветы.

Фумико ждала его на треугольной площади перед храмом Хосюин, где останавливался городской автобус. Почему-то для встреч с мужчинами она всегда выбирала самые людные места. На Фумико было свободное черное бархатное пальто, оттенявшее воротник ее белого кимоно с темно-синими и оливковыми узорами. Со страниц дневника на Куриту смотрело маленькое бледное женское лицо с большими миндалевидными глазами. Стоя под пыльным вечнозеленым платаном, Фумико беспокойно озиралась.

Курита закрыл глаза, не в силах справиться со стыдом за пережитое унижение. Как только они встретились, она сразу же заговорила о ребенке. Всякий раз, когда Фумико куда-то тащила с собой неуклюжего, некрасивого студента, она заводила разговор о том, как хочет увидеть ребенка,

оставшегося после развода с мужем. А когда они оказывались наедине и Курита пытался сблизиться с ней, она говорила одно и то же:

— Не надо. У меня же ребенок. Вот из-за этого мы с ним и страдаем. Я же не могу его бросить. Вообще-то, мне не следовало заводить ребенка, но раз уж так получилось…

Объясняя свой отказ, Фумико всегда выдавала вот такие пустые оправдания и произносила их нараспев слабым, томным голосом.

А потом Курита обнаружил, что он не человек. Это означало, что его тоска — пережиток прошлого, игра, которой развлекается инопланетянин, подражая страдающим людям. Но два года назад Курита еще был человеком.

И все же тогда он постоянно мечтал взглянуть на человеческие страдания с высоты птичьего полета. У его фантазий было как бы два слоя. Зло сверкало в небесах, подобно солнцу, и в то же время другое его воплощение, измазанное грязью, было заключено в человеческую оболочку. В какой-то момент жажда уничтожения избавит его от зловония, которым пропиталась плоть. Однако между его разумом, отрицающим все подряд, и реальным желанием убивать, видимо, существовала определенная дистанция.

Сколь бы негативными ни были его мысли, они не приносили никаких плодов. Их можно было ждать только от убийства.

В тот день Курита и Фумико, смешавшись с воскресной толпой, вошли в ворота питомника, расположенного на другой стороне железнодорожного моста, немного наискосок от храма Хосюин. «Питомник семьи Датэ» (так он прежде назывался) основал Датэ Кунимунэ в тридцать третьем году Мэйдзи[53] с целью улучшения и развития сельскохозяйственного производства в регионе Тохоку. Позже он перешел в собственность города Сэндай. Городские власти превратили питомник в опытно-учебное хозяйство для местных фермеров. Весной люди в основном приезжали туда за выгодными покупками. Цветы, выращенные в теплицах, продавались в горшках по оптовым ценам, без посредников.

Питомник тянулся вдоль всей железнодорожной насыпи, которая постепенно спускалась до уровня земли. По территории повсюду были разбросаны унылые фруктовые сады, безжизненные овощные грядки, лужайки с высохшей газонной травой. С равнины на все это хозяйство дул хо-

[53] Примечания: 53

Тридцать третий год Мэйдзи соответствует 1900 году по западному календарю.

лодный ветер ранней весны.

— Прогуляемся немного, а потом пойдем выбирать цветы, — предложил Курита. Он не знал, что еще сказать.

Фумико завела старую песню о ребенке. Мол, бывший муж ругается, когда ребенок говорит о матери. Ребенок называет телевизор «тевелизором». Ребенка убеждают, что мать превратилась в ужасное чудовище и так далее…

Курита был ей совершенно неинтересен, но она ни на минуту не забывала вываливать на него свои проблемы. Было холодно, и Курита пожалел, что не надел пальто поверх студенческой формы. Только возможность идти рядом с Фумико помогала ему секунда за секундой преодолевать застывающее на холоде время.

Небо затянули тучи, но дождя не было. Китайские пальмы в маленьком скверике были укутаны плетеными соломенными циновками, а по крошечному пруду в центре скверика пробегала рябь, как мурашки по коже. Ветви фруктовых деревьев, еще не распустившихся, склонялись над бороздами пересохшей почвы. Фумико и Курита шли под порывами задувавшего с равнины ветра. Наконец они добрались до дамбы, засаженной рядами сакуры, и деревянного моста,

переброшенного через реку. В коричневато-зеленой воде отражалась шелестевшая на ветру бамбуковая рощица.

На мосту Фумико остановилась и, скривив губы, обратилась к Курите. Без всякого смысла, только чтобы навязать ему свою волю:

— Все! Нагулялась. С меня довольно.

Курита отчетливо помнил побелевшее от холода лицо Фумико. Сквозь облака проглядывало бледное солнце, и на лоб ей падала размытая тень от развевавшихся на ветру волос. Глаза покраснели от ветра, в уголках блестели слезы. Возможно, таким же взглядом она смотрела на убийцу в последний миг своей жизни.

Слова, вырвавшиеся у Куриты, были, как обычно, слабыми и угодливыми:

— Я понял. Тогда пойдемте. В оранжерею.

В эту минуту он по-настоящему ненавидел Фумико, но не он убил ее. На его лбу, как на блестящем золотом гербе, были выгравированы неудачи и тяготы человеческой жизни. Если бы он уже не был человеком, то смотрел бы на Фумико откуда-то с ледяных облаков, расположенных гораздо выше сухих ветвей сакуры на дамбе. Оттуда лицо Фумико, говорившее, что она не желает продолжать прогулку, возможно, вы-

глядело бы очень мило, как мордочка голодной лани. И Курита мог бы без колебаний выпустить стрелу ей в грудь.

Оранжерея находилась недалеко от ворот питомника, там все время толпились люди, и каждый уходил, унося горшки со своими любимыми цветами.

ЦЕНЫ НА ЦВЕТЫ:
Цикламены – 150 иен
Тюльпаны – 120 иен
Гиацинты – 100 иен
Крокусы – 60 иен
Сладкий горошек – 150 иен
Бегонии – 80 иен
Примулы – 100 иен
Оплата производится в конторе

Щит с наклеенным объявлением, окруженный увядающими анютиными глазками, стоял у входа в питомник на освещенной солнцем дорожке. По сравнению с дорожкой, по которой прогуливались Курита и Фумико, солнечного света здесь было куда больше.

К счастью, оранжерея отапливалась горячей водой, и внутри было тепло. Фумико выбирала цветы. На пурпурный гиацинт присела отдохнуть

пчела. В отличие от бесцветной неухоженности, которую они видели снаружи, в оранжерее царило буйство красок. Здесь были желтые и красные венерины мухоловки, львиный зев, синие лейки, только что распустившиеся алые тюльпаны…

Наконец Фумико высоко подняла горшок цикламенов с пунцовыми бархатистыми цветками и тугими плотными листьями:

— Вот что я возьму! Решено!

В этот момент она выбрала цветы под цвет ее крови, цветы, стоявшие у изголовья ее смертного одра. Курита смотрел, как Фумико с радостным возгласом взяла горшок за сто пятьдесят иен. Трясина любви, засасывающая человека и его жизнь, борьба за существование, чистота помыслов, звериный материнский инстинкт — все эти эмоциональные порывы сошлись воедино в тот миг, когда она подняла к небу дешевый горшок с цикламеном. Этот цветок казался средством, с помощью которого Фумико изо всех сил пыталась защитить себя, и одновременно — прекрасным кристаллом, вобравшим в себя всю фальшь мира. Хотя для этого больше подошли бы искусственные цветы.

«Я ее ненавижу. Ненавижу. Какое было бы счастье вернуться в прошлое и сделать так, чтобы у

нее не было детей. Если бы ребенок, оставшийся с бывшим мужем, оказался выдумкой, если бы все ее слова были ложью, ее отказ мне стал бы актом абсолютной чистоты. Если бы я знал, что человеческие оковы, которые она носит, как доспехи, основаны на лжи, я мог бы убить ее без малейших сомнений. Меня заставляет сдерживаться человеческий запах Фумико», — думал Курита.

Радостный и злорадный возглас Фумико. Чрезмерный восторг, с которым она прижалась щекой к горшку с цикламеном. Его оскорбляли эти мелочные проявления человеческой жизни, за которые она держалась с таким упорством. Неглазурованный, ярко-каштановый цветочный горшок пел песню жизни, звенел на высокой ноте, подобно отполированной медной трубе. В этой песне Курите не было места. Маленькое, почти бесстрастное лицо Фумико говорило одно: «Я жива. Что ты о себе вообразил? Ты, толстяк, неуклюжий студентик. На что ты годишься? Ни с женщиной справиться, ни ребенка заделать».

* * *

Через три дня Фумико убили в ее доме. Кровью были забрызганы шея, руки и ноги куклы, над которой она работала, несколько капель попали

на цветки и листья цикламена в *токономе*[54]. Увидев эту жуткую картину, мать Фумико упала замертво. Убийцу поймали сразу. Им оказался дорожный рабочий, без постоянного трудоустройства. Газеты писали об убийстве на почве страсти.

После этого у Куриты случился нервный срыв, от которого он долго не мог оправиться. Постепенно он пришел в себя и примерно через год после убийства Фумико, в розарии на вершине горы, вместе с Хагуро и парикмахером увидел летающие тарелки.

* * *

Каждое воскресенье Сонэ проводил с детьми. Они брали с собой обед и отправлялись на прогулку. Они уже посетили большинство интересных мест и теперь часто гуляли по университетскому городку, расположенному поблизости, и окрестностям. И что важно — там не на что было тратить деньги.

У Сонэ и его миниатюрной скромной жены Хид-

---

[54] Примечания: 54

Токонома — ниша в стене в углу гостевой комнаты японского дома высокого класса, где обычно вешают свиток (картину, образец каллиграфии) или ставят цветочную композицию.

эко было четверо детей: двое мальчиков учились в первом и третьем классе начальной школы[55], одна дочь — в пятом, а старшая ходила во второй класс средней школы. В таком составе в выходной день семья парикмахера уверенно прошла через северные ворота храма науки и зашагала по широкой дорожке между старых сосен. Обычно они обедали на скамейке спортивной площадки, наблюдая за тем, как студенты играют в бейсбол.

Старшая дочь стеснялась этих прогулок, терпеть не могла носить неудобные сумки и всегда нехотя шла позади, на некотором расстоянии. На этот раз, когда все принялись за еду, она не взяла палочки, а принялась листать журналы, которые захватила с собой. Это были яркие, цветные развлекательные издания большого формата, и она неторопливо, с важным видом перелистывала страницы.

Сонэ сел рядом с дочерью и, хотя знал, что ей это не нравится, обнял ее сзади, положил подбородок на плечо и стал внимательно разглядывать каждую страницу, не переставая при этом жевать

---

[55] Примечания: 55

Система школьного обучения в Японии строится по трехступенчатому принципу 6–3–3: начальная шестилетка, трехлетняя средняя школа (первые две ступени — обязательное образование) и три года школы высшей ступени для желающих, окончание которой дает право сдавать вступительные экзамены в университет.

у нее над ухом.

Яркие цветные фотографии. Молодежь в кричащих рубашках прыгает и скачет, обнимается под искусственными вишневыми деревьями, танцует твист. Прически парней — образец «самого вульгарного и разрушительного стиля», от которого предостерегал Сонэ его босс и учитель.

«Эти парни бросают деньги на ветер без счету. Общество их избаловало, едят что хотят, носят что хотят, всю ночь развлекаются, гоняют на спортивных машинах, которые им не по карману, знают столько баб, сколько звезд на небе. И это в восемнадцать-то лет!»

Мечтательный взгляд дочери и полный негодования взгляд отца были устремлены на лица поп-звезд в желтых и красных рубашках. Сонэ знал их имена наизусть: Ниимура Генри, Асано Дзё, Ямада Дикки, Тори Сусуму. Кучка наглых юнцов с дурацкими именами. То, что Сонэ помнил их имена, делало их знаменитее, чем на самом деле. Они бросали ослепительный свет на сияющий мир грез Сонэ.

Ему следовало усадить этих типов в парикмахерские кресла и перерезать всем горло одному за другим. Шум, который они издают, прекратился бы, и наступила бы тишина, как на мертвых

планетах, воцарились бы изящество и элегантность. Земля превратилась бы в прекрасную звезду и обрела благородную сдержанную прическу, олицетворяющую джентльменский стиль и соответствующую эстетическим канонам парикмахерского искусства…

— Этот твой Генри, который Ниимура, начинал в центре временного содержания несовершеннолетних в Нэриме. Был мелким воришкой, его не раз ловили.

Сонэ ткнул пальцем в фотографию бледного юнца, с которого дочь не сводила восхищенного взгляда. Обнаженные в улыбке белые зубы парня напоминали гипсовый слепок.

— Неправда! Зачем ты врешь?! — воскликнула девочка, отодвигая отца плечом.

— Это правда. Об этом черным по белому написано в еженедельных журналах, которые читают взрослые. Все, что в них пишут, — правда. Хмм… После того как он покинул приют в Нэриме, его взяла под свое крыло одна пятидесятилетняя дама. Он жил у нее на содержании.

— Отец! — жалобно прервала Сонэ супруга. — Ты что? Разве можно рассказывать ребенку о таких вещах?

Сонэ повернулся и пристально посмотрел на

свою маленькую жену. И тут почувствовал, что его приземистое тело вдруг взмыло в вышину. Там его окутали шелковистые весенние облака, и он смотрел на свою семью с неба. Из всего человечества только она заслуживала спасения.

Его жена Хидэко уже разменяла четвертый десяток. В молодости она была очень мила, несмотря на курносый нос, но из-за того, что слишком часто хмурилась, с годами превратилась в печальную некрасивую женщину. Она любила мужа всем сердцем. Ее любовь была сродни безоглядной привязанности ребенка к старым гнутым гвоздям и билетикам, хранящимся в маленькой коробочке.

Хидэко, похоже, чувствовала, что мужа переполняют непомерная ревность и ненависть, но знала, что все это направлено на кого-то другого и не имеет к ней никакого отношения. Как и любая обыкновенная домохозяйка, она терпела безобидные увлечения мужа, вроде выращивания *бонсай* или помешательства на бейсболе, и не злилась. Она была так загружена делами, что Сонэ нечасто мог с ней поговорить. Горы домашних дел, да еще и обязанности в парикмахерской — Хидэко должна была подавать хорошо отжатые влажные горячие полотенца Сонэ и его ученику, когда те работали.

Вдобавок на ней были дети, носившие разноцветные — красные, желтые — свитера, которые вязала опять же Хидэко. Бесконечные сопли, бесконечные домашние задания…

«Во всяком случае, я их кормлю, — довольно размышлял инопланетянин Сонэ. — А раз так, значит мой долг — спасти их, когда человечество окажется на грани гибели».

С небесных высот его семья казалась крошечными клубочками разноцветной пряжи. И мир еще не понимал важности этого семейства, ведь оно не было знаменитым.

— Долго еще тут сидеть? — не выдержали двое младших сыновей.

Им уже надоело смотреть, как студенты не слишком увлеченно играют в бейсбол на площадке. Дети вскочили и побежали к полукруглой террасе центральной аудитории.

Старое здание в испанском стиле имело два крыла, расходившиеся вправо и влево. Тщательно уложенная сланцевая черепица на крыше отливала голубым, как рыбья чешуя, а над террасой возвышался сложный и красивый деревянный фасад. С северной стороны, в тени поперечного нефа, поблескивали грязноватые остатки еще не растаявшего снега.

По пути к аудитории мальчишки вдруг остановились. Споткнулись? Но, как оказалось, они просто не поделили валявшиеся на дорожке сосновые ветки и, забежав на террасу, залитую бледным светом, затеяли сражение на импровизированных мечах.

Сонэ был полностью поглощен этой сценой. В такое же чудесное воскресенье все эти богачи, знаменитости, киноактеры и поп-звезды будут в одно мгновение уничтожены. Счастливые и самодовольные мелкобуржуазные семейства, их уютные домашние очаги будут поражены зловещими лучами света, направленными на этот мир, и они, все до единого, в конвульсиях рухнут на землю.

Мальчишки бились на мечах, которые на деле были сухими ветками, корявыми и хрупкими. Но фантазия в детских сердцах превращала их в настоящее оружие. Ветки, которыми они размахивали над своими головенками, превратились во вскинутые серебряные клинки, в которых отражалось хмурое небо первых дней весны.

«Любой предмет может стать смертоносным оружием!» — подумал Сонэ, у которого даже голова закружилась от радости. Как парикмахер, он знал, как тонка человеческая кожа.

* * *

Если подумать, за минувший год они втроем ничего не добились. Во время Берлинского кризиса[56] их воодушевляло осознание того, что миру вот-вот придет конец. Воодушевление было таким сильным, что Сонэ заставил сомневающуюся жену приготовить красный праздничный рис с бобами и отправить Хагуро. Однако кризис быстро разрешился. Созвездие Лебедя, гордо красовавшееся в зените с лета до конца осени, вслед за преодолением мирового кризиса отступило на край северного горизонта. Вместе с Шестьдесят первой Лебедя и их невидимой планетой.

В прошлом году одним летним вечером они поднялись в Сэндайский замок. Сонэ и Курита с трудом смогли отыскать свою родную звезду по соседству с Млечным Путем. Хагуро показал им ее в телескоп, который позаимствовал в университете.

Эта неприметная звезда шестой величины

---

[56] Примечания: 56

Имеется в виду Берлинский кризис 1958–1962 годов — конфликт вокруг статуса Западного Берлина между Советским Союзом, с одной стороны, и США (а также Великобританией и Францией) — с другой; во второй половине 1961 года кризис обострился, и результатом стало возведение Берлинской стены. — *Примеч. ред.*

была известна тем, что стала первой звездой, до которой удалось измерить расстояние от Земли. Сделал это немецкий астроном Фридрих Бессель в тысяча восемьсот тридцать восьмом году. Расстояние в одиннадцать световых лет делало ее четвертой по близости звездой, видимой невооруженным глазом. Хагуро объяснил, что Шестьдесят первая Лебедя — двойная звезда, и вокруг одной из звезд вращается невидимая планета. Он был в этом убежден. С этой планеты они и прибыли на Землю. Только в тысяча девятьсот сорок втором году появились доказательства того, что во Вселенной существуют астрономические объекты, подобные Солнечной системе.

Увидев планету в телескоп, они чуть не сошли с ума. Они почувствовали, что внезапно отделились от тел, в которых жили день за днем, и превратились в диковинных чудовищ с восемью желудками и пятью па́рами легких. Все их внутренние шестеренки разладились и соскочили с оси, в пищеварительном тракте раздался механический грохот, все куда-то отдалилось, и, казалось, их выбросило в ледяную пустоту космоса. Инстинктивно они потянулись друг к другу, но в ту летнюю ночь их руки были холодны как лед.

Именно тогда Хагуро сказал:

— Война начнется очень скоро.

Однако через полгода ему пришлось повторить эти слова, но уже с разочарованием:

— Война начнется очень скоро. Чтобы ни случилось, ее не избежать.

Как-то вечером, через несколько дней после совещания в розарии, они встретились в пивной в Хигаси Итибан-тё и решили сходить на распродажу в ближайший универмаг «Фудзисаки». Эта ребяческая идея родилась у них после выпитого пива, за которое, как всегда, каждый платил сам, и они возбужденно принялись воплощать в жизнь свой новый план.

Хагуро предложил подобрать в пределах ста иен что-то такое, с помощью чего можно уничтожить Землю.

Никто из них не любил ходить по магазинам. Им была чужда сама идея потребления, они испытывали отвращение ко всему материальному, к вечной жизни, воплощенной в материальных предметах. Дома разбилась миска для риса? Невелика беда. Всегда можно заменить. В посудных лавках такими дешевыми мисками заставлены все полки. Так в мисках сохраняется видимость вечной жизни. Износился веник? Ему на смену

уже готов новый. Эти вещи воплощали собой открытое презрение ко всему, что отстаивали Хагуро и его соратники.

Первым в отдел хозяйственных товаров направился Хагуро и купил маленькую отвертку за девяносто иен.

— Фу ты, черт! — воскликнул Сонэ, прижимая руку ко лбу. Он тоже хотел купить отвертку.

Следующим был Курита. Он подошел к аптечному киоску и спросил, нет ли у них серной кислоты. Такой антисоциальный запрос не на шутку напугал доцента Хагуро, и он поспешно ускользнул за спины товарищей, в отдел женской косметики, где принялся внимательно разглядывать флаконы с косметическим молочком. Когда аптекарша спросила Куриту, зачем ему кислота, тот с невинным видом сослался на технические нужды и за восемьдесят иен получил пол-литровую бутылку. Подойдя к стоящему в стороне Хагуро, Курита шепнул ему на ухо:

— Я это выплесну в лицо всему миру.

Настала очередь Сонэ. Он прошелся с товарищами по отделам универмага, ломая голову, что бы купить, и остановил свой выбор на щипцах для колки орехов ровно за сто иен.

Наконец покупательская лихорадка сошла на

нет, и все трое со счастливыми лицами покинули универмаг. Проходившие мимо люди при свете уличных фонарей вдруг показались им эфемерными силуэтами, похожими на тени во вращающемся волшебном фонаре.

— Этим тварям недолго осталось. — Выпитое пиво развязало Курите язык. — Вот бы посмотреть на их рожи, когда до них дойдет, да, профессор?

— Кто на гвоздь сел, тому не до шуток, — ответил Сонэ вместо Хагуро, который только хмурился. У парикмахера на все случаи жизни было наготове какое-нибудь выражение. — С гвоздя не соскочишь.

Деловая дама с сумкой, на которой красовалась модная надпись «NO PARKING»[57]. Конторский служащий, для солидности надевший элегантное весеннее пальто. Студенты в криво сидящих пиджаках. Дети, которых матери тянули за руку. Все они несли на себе печать верной смерти. Выглядели так, будто все до единого, сами того не ведая, присоединились к культу смерти и теперь щеголяли приколотым на грудь значком с изображением сияющей звезды разрушения.

— Давайте возьмем такси и поедем в замок.

---

[57] Примечания: 57
«Парковка запрещена» *(англ.)*.

Я плачу́. А, профессор? Испробуем наши покупки, — набравшись смелости, предложил молодой Курита.

Старшие товарищи, которые, что бы ни случилось, предпочитали не вмешиваться в ход событий, молча переглянулись и согласились.

— В замок! В замок! В разрушенный замок! — промычал здоровяк Курита, ворочаясь на сиденье тесного автомобиля.

Водитель такси, привыкший к таким пьяным причудам, погнал машину вверх по темному, как сама ночь, склону, поросшему криптомериями; свет фар рассеивался между деревьями и в ночном небе. Из-под колес летели камешки, ударялись о выступающие на поверхность корни.

Сонэ крепко сжимал в потной руке покупку из универмага, упакованную в оберточную бумагу. Прошло уже немало времени с тех пор, как он купил эту штуковину, но он все еще был опьянен своей изобретательностью.

«Колоть Землю щипцами для орехов! Вот это идея! Из всей нашей компании только я смог такое придумать».

Тем не менее хмель от выпитого пива начал выветриваться, и когда впереди показалась

верхняя балка больших *торий* храма Гококу[58], высившегося под звездным небом, тело Сонэ наполнилось бодрящим самодовольством — ведь ему предстояло участвовать в событиях космического масштаба.

* * *

Ночи все еще были холодными. На развалинах замка никого не было. Двери чайного павильона закрыты. В темноте отчетливо различались таблички, расставленные вдоль дорожек, по которым днем прогуливались люди, руины большого зала и сцены театра но. Вершина величественной сторожевой башни, с которой открывался вид на замок, отражала свет заходящего полумесяца. Огромный медный орел с распростертыми крыльями, установленный на вершине, излучал зловещее величие, возвещавшее о наступлении ночи.

Трое сидели рядом на смотровой площадке, спиной к большой белой статуе Датэ Масамунэ (его всегда изображали в полный рост, стоя), и слушали, как ночной ветер шумит в кронах

[58] Примечания: 58

Храм Гогоку — синтоистское святилище в Сэндайском замке, где поклоняются душам погибших за Японию воинов.

криптомерий. Внизу раскинулся ночной Сэндай. Изгиб реки Хиросэ темнел перед городом, среди бесчисленных огней мерцали неоновые вывески на зданиях в центре города, протянувшегося от вокзала между улицами Хиросэ-дори и Аоба-дори. Линия горизонта к востоку от города, где простирался Тихий океан, скрывалась за размытыми в тумане огнями.

Окончательно протрезвев, они рассеянно смотрели на город, в котором выросли. Гнилое скопление прошлого и традиций. Сияющие огни напоминали колонии светящихся фотобактерий, прилипшие к телу гигантской рыбы.

Перед ними была полная картина мира людей, в котором они жили прежде. Закопченные фонари на башне крытого красной черепицей здания суда у моста Хёдзёгавара, редкие огни среди темных зданий университета Т, параллельные линии люминесцентных фонарей в районе Хигаси Итибан-тё, отблески множества неоновых огней в небе… Чем больше света, тем больше грусти и одиночества. Изредка раздавались хриплые гудки автомобилей. Все остальное, как в пресс-форму, плотно укладывалось в привычную картину темной ночи. А над головой, в восточной части звездного небосвода, затянутого тонким

облачным покровом, легкими штрихами были начертаны контуры созвездий Волопаса и Девы.

— Война начнется очень скоро, — повторил Хагуро слова, которые уже говорил не раз. — Не останется ни одного из этих надоедливых огней. И когда это произойдет, все звезды с небес упадут на Землю.

Одиночество Хагуро было связано с каждым из этих человеческих огней. В нем почему-то жила врожденная вера в человеческие страдания, но теперь, когда он был исключен из числа людей, местонахождение этих страданий с каждым днем становилось для него все очевиднее. Перестав быть человеком, он все время жил бок о бок со страданиями. Такое положение требовалось исправить, и рано или поздно именно это и должно было произойти. Иными словами, людям и их миру предстояло погибнуть. Чтобы его милосердное сердце обрело спасение!

— Войны можно ожидать в любую секунду. Она может начаться внезапно, с одного нажатия кнопки на пульте дистанционного управления. Противоракеты «Найк-Зевс» и твердотопливные межконтинентальные баллистические ракеты «Минитмен» полетят со скоростью двадцать три тысячи километров в час. Ни у кого не будет вре-

мени спастись. Не будет времени страдать. Они и так слишком много страдали; пожалуй, хватит.

Хагуро, казалось, разговаривал сам с собой.

— А что мы можем сделать, чтобы это произошло поскорее?

У Куриты в манере говорить все еще было что-то студенческое.

— Я пришел к выводу, что мы должны противостоять движению за мир. Посмотрите на их деятельность. Она основана на численности и организованности их групп. Постоянные демонстрации, сборы подписей. Таких людей нельзя включить в движение за войну. Потому что грядущая ядерная война вряд ли возникнет по злому умыслу какой-то организации. Скорее ее причиной станет другое — например, личная прихоть, случайная путаница или «несчастливое» стечение обстоятельств… Понимаете, о чем я? Эпоха организованных масс кончилась. Это и есть самая ужасная тайна современной истории, в основе которой лежит идея, что все в мире подчинено стандартам… Наш путь не в том, чтобы зависеть от масс и взывать к ним. Мы должны думать, как добраться до основ человеческого зла, расшатать их и заставить человечество уничтожить себя. Зло превращается

в поэму одиночества, а стихи — в одинокое зло. Такова наша реальность. Все думают, что война начнется, когда массовость и стандартизация достигнут апогея, но в наш век война возникнет из маленького стихотворения одного человека… Все, что для этого нужно, — стихотворение. Однажды оно проникнет в сердца всех этих людей — ведущих мировых политиков, командующих базами межконтинентальных ракет, сержантов, отвечающих за нажатие кнопки, — и, как крошечная цветочная пыльца, заставит их чихнуть. Так и начнется война… Как довести до их сердец наши размышления, не полагаясь на силу масс? Вот в чем вопрос. Единственная возможность — обрезать нынешние каналы коммуникации, что с точки зрения человеческой логики практически невозможно, и найти собственный способ общения. Но мы никогда не должны забывать, что пришли из космоса. Кроме общения через образование, на что требуется время, через радио, телевидение и печатные издания, которые занимают пространство, мы владеем четвертым коммуникативным измерением. Можете быть уверены, по мере того, как будет нарастать сила наших медитаций, она начнет порождать в сердцах заурядных сержантов, нажимающих

кнопки, некие пустоты в ячейках грубой сети человеческого разума… Приведу пример. Что мы чувствовали, когда увидели летающие тарелки и нашу родную звезду? Отчуждение от всего земного. Такие ощущения земляне по ошибке называют поэзией. В сердце какого-нибудь сержанта они могут проявляться в колыхании белой простыни, развешенной для просушки, в цветении примулы. Вот что они понимают под поэзией. Но, несмотря на эту сентиментальную шелуху, на самом деле в этот момент он испытает ощущение, будто его физическое тело, оторвавшись от всего вокруг, запущено в космическое пространство, а простыня и цветы — просто намек на необходимость срочно вернуться в мир вещей. Впопыхах он бросится к ближайшему «предмету». И ближе всего оказывается… та самая кнопка!.. Теперь ты понимаешь, Курита-кун? То, что я называю человеческим злом, — элементарно. Это всего лишь отношение человека к вещам.

После этих слов Курита вспомнил питомник и горшок с цикламенами. Сонэ тем временем откровенно скучал, с трудом подавляя зевоту. Он развернул бумагу, и щипцы для орехов сверкнули в свете фонаря. Сонэ оглянулся по сторонам и поднял шарик для пинг-понга, который лежал на

земле под фонарем. Должно быть, ребенок играл с ним днем и забыл.

— Эй, гляньте! Вот Земля. А теперь вот!

Хагуро и Курита все еще были погружены в свои мысли и оставили громкий возглас Сонэ без внимания, но их вернул к реальности резкий треск раздавленного целлулоидного шарика.

— Все! Земле конец! Какое счастье! Работа сделана. Вам ничего не осталось.

Сонэ засмеялся, он был готов танцевать от радости.

Курита, не желая остаться в стороне, подошел к перилам смотровой площадки и выплеснул кислоту из бутылки на ветви деревьев с еще нераспустившимися почками и на молодые ростки бамбука.

— Смотрите, во что превратилось лицо их драгоценной прекрасной звезды! Как вам, профессор? Теперь Земля больше не сможет показаться на публике.

Сонэ и Курита разразились бессмысленным смехом, словно им в голову снова ударил хмель. Схватившись за руки, они пустились в пляс, отбрасывая на землю тени, которые то вытягивались, то съеживались.

Хагуро достал из внутреннего кармана отвертку

и, повернувшись спиной к шумным спутникам, прислонился к перилам, с которых Курита только что вылил кислоту.

Потом направил кончик отвертки в сторону сияющих вдалеке городских улиц. Один поворот отвертки — и одна из шестеренок в конструкции человеческого общества ослабевает. Еще несколько поворотов — шестеренка выпадает и катится по земле. Подсвеченная неоном башня здания электрической компании мерцает беспорядочными голубыми и белыми вспышками. Многочисленные окна здания отражают жесткий невыразительный блеск… Выпадает одна шестеренка. За ней другая, третья… Пока наконец не разваливается и не рушится вся конструкция.

На бледном лбу Хагуро вздулась вена, в носу засвербело. Ладони были влажными и скользкими от холодного, как рыба, пота. Его считали никчемным, но никто не догадывался, что у него внутри свернулась клубком темная сила.

6

В середине марта, ясным прохладным днем, Акико поехала с матерью в Токио, в новую больницу в районе Сиба. Им пришлось долго ждать приема. В Ханно такого не случалось. Но мать постеснялась обратиться в местную клинику.

Акико оглядела лица сидевших в приемном покое пациенток. Современное помещение без окон, залитое светом флуоресцентных ламп, чем-то напоминало морское дно.

Все эти женщины, одетые в свои лучшие наряды, ждали своей очереди. Человеческие особи женского пола с виноватым видом и в то же время с коварным блеском наслаждения и гордости в глазах сидели, опустив голову, лелея человеческий стыд и вину. Каждая из них глубоко погрузилась в свое теплое внутреннее естество, которое бережно лелеяла. Все узы женской солидарности были отброшены в сторону.

Акико разочаровалась в матери, которая выглядела подавленной, боялась, что о них могут подумать. В том, что касалось банальных животных инстинктов, женщина с Юпитера нисколько

не уступала женщинам Земли.

Грудь Акико поднималась и опускалась под весенним костюмом; Акико смотрела свысока на этих женщин, павших еще ниже, чем другие люди. С обручальными кольцами на безымянных пальцах они пришли в эту больницу за отпущением грехов. Безвкусное золото сияло при свете ламп. А что могла предложить Акико в искупление собственного греха? Ничто не могло сравниться с серебристым искусственным цветком лотоса. Именно с него все началось…

* * *

Большая лекционная программа отца завершилась. Однажды утром, когда все еще были дома, мать подошла к Акико, сидевшей перед трельяжем. При виде серебристого искусственного цветка в вазе она нахмурилась:

— Что за цветок? Таким только на похоронах место.

Акико не ответила. Серебристый лотос блестел в утреннем свете. У него были вызывающе роскошные лепестки, крепкие и упругие, каких не найти у настоящих цветов, и отражение лотоса смотрело из глубины каждого хорошо отполированного зеркала трельяжа. Акико не забывала по

утрам опрыскивать цветок туалетной водой. Она считала, что искусственные цветы, как и настоящие, могут засохнуть, если их не поливать.

Акико не ответила матери, потому что чувствовала себя не в своей тарелке. От Такэмии не было писем, два последних остались без ответа, хотя раньше он отвечал сразу. Из-за этого она похудела и, неожиданно получив цветок от грубого парня, привыкшего носить гробы на своих крепких плечах, восприняла это как некий тревожный знак. Что, если Такэмия отправился взглянуть на мир мертвых, приняв его за Венеру, и не может оттуда выбраться?

— Похороны здесь ни при чем. Это просто неземной цветок, — с вызовом проговорила Акико. — Когда я взяла его в руки, он напомнил мне цветы на Венере. И я поняла, что это единственный цветок, созданный на Земле по венерианскому образцу. Знаешь, мама, на Венере у всех цветов металлический оттенок. При лунном свете они отливают серебром, при солнечном — золотом. Когда ветер пробегает по цветочному полю, они касаются друг друга и звенят, как колокольчики.

— Ты плохо выглядишь, — сказала мать, заглядывая в зеркало.

— Это все папины лекции. Очень устала.

— Да, ты хорошо поработала. Успех лекций — отчасти твоя заслуга.

Акико помогала отцу лишь по просьбе Такэмии, но именно ее усилия и их прекрасный результат помогли избежать расспросов о ее знакомом из Канадзавы. А мать с самого начала не видела в этом проблемы.

— Но вид у тебя очень нездоровый, — повторила мать.

Акико торопливо прикрыла рот рукой, быстро встала и ушла.

Иёко не понимала, что́ в ее словах так расстроило дочь. Перед глазами возникли растопыренные пальцы, которыми Акико прикрывала рот, и ей стало не по себе. Иёко вскочила с места и последовала за ней.

— Что случилось, Акико? Что с тобой? В чем дело?

Мать и дочь вернулись в приемный покой, сели друг против друга и тихо заговорили. С самого раннего возраста, заметив у детей малейшее недомогание, Иёко начинала расспрашивать, как они себя чувствуют. Кадзуо и Акико ничего не могли от нее утаить.

— Я уже не ребенок.

В ответ Иёко пустила в ход простую логику:

— Если бы у нас была обыкновенная человеческая семья, я бы с тобой согласилась. Но все мы прибыли сюда с разных планет, и моя обязанность — собрать как можно больше знаний о физических и физиологических отличиях между представителями Венеры, Меркурия и Марса.

В итоге мать подвергла Акико подробному допросу, и та призналась, что с прошлого декабря не видела того, что бывает каждый месяц. Она никогда не была особо восприимчива к влиянию Луны, светившей над ними каждую ночь. У Акико постоянно сбивался цикл, а узнав о своем венерианском происхождении, она стала гордиться тем, что далекая Венера постоянно искажает воздействие Луны на нее, вызывая физиологические сбои. Океанские приливы и отливы, связанные с Луной, немного влияли на тело Акико, нарушая цикл, и тем самым истинный источник, под контролем которого она находилась, оставался незаметным. Но при свете дня видя, как отраженный от Земли солнечный свет бросает отблески на теневую часть Луны, Акико чувствовала, что, скорее, она сама может влиять на Луну, чем наоборот.

После декабрьской встречи с Такэмией Акико

удалось избавиться от оков Луны, от той ежемесячной связи, которой не могла избежать ни одна земная женщина. Кровавые цепи, связывавшие женщин с прекрасным, но вульгарным небесным светилом, каковым являлась Луна, были разорваны благодаря возвышенной силе далекой Венеры, и теперь Акико подчинялась только чистым венерианским принципам. И в январе, и в феврале не появилось никаких признаков, что Луна вновь утверждает свою власть. Это было настолько естественно, что Акико особо не удивилась.

Кровавые узы Луны, осквернявшие Акико, больше никогда не будут ей угрожать! Венерианская чистота наконец-то уничтожила унизительную реальность, когда сверкающее злобой небесное тело управляло приливами и отливами крови у всех женщин Земли. Влажный ярко-красный водосток в теле Акико — источник мрачного уныния, каждый месяц отвечавший на подмигивание Луны, закрылся… Что значили легкий дискомфорт и тошнота по сравнению с удовольствием и облегчением? Мелкая месть покинутой Луны.

Мать бесстрастно продолжала допрос:

— Декабрь?.. Значит, после того, как ты верну-

лась из Канадзавы? Получается, в Канадзаве… Я не буду сердиться, просто скажи мне. Ведь ты что-то скрываешь. В Канадзаве…

Акико поначалу не могла понять, к чему клонит мать, и рассеянно смотрела на нее. Многочисленные слова Иёко кружились около сути дела, как бездумно порхающие вокруг огня мотыльки… Сообразив, что это за огонь, Акико пришла в ярость:

— Мама! Что ты хочешь сказать? Что за грязные мысли! Мы с ним даже за руки не держались, не говоря уж о поцелуях.

* * *

Вечером мать подключила отца и принялась ласково уговаривать дочь. Акико с холодной улыбкой слушала их глупые увещевания. Она впервые столкнулась с пугающе примитивным мышлением выходцев с Марса и Юпитера. В конце концов она уступила. И на следующее утро отправилась с матерью в эту больницу.

«Я не такая, как все».

С этой мыслью Акико обвела взглядом других пациенток. В то же время мучительное испытание и невыразимое унижение, которое ей предстояло вынести, вызывали у нее дрожь. В

этом приемном покое, кроме Акико, не было ни одной чистой женщины. Почему милость Венеры не может прямо сейчас избавить ее от страданий? Акико молилась об этом от всего сердца. О том, чтобы врач оказался венерианцем. Чтобы он появился в дверях кабинета с бледным и сияющим лицом, оглядел приемный покой пугающе ясными глазами, улыбнулся одной лишь Акико и обратился к ней:

— Девушка! А вы что здесь делаете? Идите немедленно домой. Мне одного взгляда достаточно. Богом клянусь — вы чисты.

В этот миг озаренное светом лицо доктора превратится в прекрасный лик Такэмии, мрачные стены больницы станут прозрачными, осквернённые женщины затрепещут перед этим чудом и падут ниц, а серебристые медицинские инструменты и белая марля разлетятся по холодному звездному небу.

— Осуги-сан! — раздался голос медсестры в белой шапочке, выглянувшей из окошка регистратуры.

Иёко мягко погладила дочь по спине. Акико с холодным презрением во взгляде поднялась со стула.

* * *

Молодой доктор, разговаривая с Акико, избегал смотреть ей в лицо. Последовал короткий опрос, и мать отвечала на все вопросы, на которые Акико не могла ответить.

— Сюда, пожалуйста.

Медсестра провела Акико в угол, отгороженный от остального помещения занавесками. Пока она готовилась к осмотру, врач оставался за занавеской. Акико усадили в смотровое кресло странной формы. Электровентилятор овевал ее бедра легким потоком теплого воздуха. Ноги поместили на подколенники, которые закрепили в нужном положении, после чего медсестра одним движением задернула занавеску, закрепленную перед грудью Акико. Тут же послышался голос доктора и шум воды — он мыл руки.

Акико закрыла глаза и представила чистое мерцание звезд, которое часто видела из окна электрички линии Сэйбу по дороге в университет. Она была вынуждена принять облик затравленного дикого зверя, но достигла высшей формы духовности. Люди стыдились своего тела, это был жгучий и мучительный стыд, в котором для Акико таилось нечто завораживающее. Ее плоть

пережила столько унижений, что невозможно было определить, она все еще принадлежит ей или уже нет. Надругательство над человеческой плотью, которое Акико теперь испытывала на себе, дало ей возможность постичь ощущение униженности всего человечества. Иными словами, она отделилась от своей плоти.

Акико перевела взгляд на тонкое шелестящее кружево блузки, под которым скрывалась ее волнующаяся грудь. Созданная на Земле тонкая обманка великолепной ручной работы. Акико легонько пощупала блузку. Два твердых холмика под тканью напоминали загнанных в угол зверьков.

Доктор сунул ногу под кресло и нажал на педаль. Кресло медленно меняло угол наклона. Была бы сейчас ночь, звездный свет падал бы прямо на распростертое тело Акико, будто проникая в него.

— Спокойно, спокойно... — приговаривал доктор, с темной тяжелой силой заталкивая что-то внутрь Акико.

Что это за металлическое позвякивание? Что издает этот звук? Один из странных серебристых инструментов на столике, который видела Акико? Летающие тарелки были сделаны из

тугоплавкого металла. Они прокладывали путь сквозь мутную и густую, похожую на суп атмосферу Земли. И свет. Они излучали мощный свет. Доктор включил лампу. Нижняя часть занавески перед ней словно занялась огнем. Человечество обратилось в бегство. Акико превратилась в серебряный лотос.

* * *

Осмотр был закончен. Когда Акико привела себя в порядок и вышла из-за занавески, доктор сидел за столом и как раз заканчивал заполнять ее медицинскую карту. Проходя мимо, она украдкой заглянула в записи. *P. M. m. Ut. G. c. Add. Er. L. F. Sek*. Рядом с этими сокращениями врач небрежным почерком написал черными чернилами несколько немецких слов и какие-то цифры. Поставил штамп в графе: «Не замужем». И напоследок приложил красную печать: «Беременна».

Мать вздрогнула, приподнялась со стула и тут же опустилась обратно.

— Ваша дочь беременна. Уже четвертый месяц. Ошибки быть не может.

— Как же так?!

В отличие от матери, Акико сохраняла абсолютное спокойствие. Непонятная уверенность,

которая светилась в ее глазах, чуть не заставила врача отшатнуться. Чтобы пациентка со штампом «Не замужем» в карте демонстрировала безмятежное удовлетворение от известия, что она беременна! Такого в его практике еще не было. В сияющем взгляде Акико воображение явило доктору облик мужчины, показавшегося ему чудовищем.

* * *

Они вышли из больницы на яркий солнечный свет. Иёко пошатнулась, и Акико поддержала ее. Увидев улыбку на лице дочери, мать воскликнула:

— Как ты можешь улыбаться?! В такой момент, в такой ситуации! Не пугай меня еще больше!

Они зашли в старое унылое кафе неподалеку от больницы, заказали холодную крем-соду. Иёко залпом выпила ядовито-красный напиток, который ей принесли, и принялась грызть соломинку.

— Как же так получилось? — торопливо и громко говорила Иёко. В кафе на полную громкость работал телевизор, и она не боялась, что ее услышат. — И ты совсем не удивлена?

— Я не удивлялась бы, если бы знала.

— Если бы знала? — Иёко была ошеломлена. Она не понимала, что хочет сказать дочь. — Что? Что ты имеешь в виду?

На губах Акико вновь появилась улыбка, так испугавшая мать.

— До этого осмотра я чувствовала себя ужасно. Но стоило доктору все подтвердить, и я впервые все поняла. Я успокоилась. Словно глаза открылись. Теперь я понимаю, что это было.

— Зато я не понимаю. Объясни.

— В тот момент я поняла, что чиста.

— Чиста? — воскликнула Иёко, не в силах сдерживаться.

На красивых губах Акико появилась искренняя, радостная, живая улыбка. Она не только озарила лицо, но расходилась вокруг мягкими бесконечными волнами, а тяжелые блестящие волосы Акико, обычно навевавшие печаль, стали воздушными и напоминали окутанный улыбчивым туманом лес.

— Мама, я не понимаю, что тебя так удивляет. Это же непорочное зачатие.

— Не говори глупостей.

— Но ты сама однажды сказала: «Мы же с вами не люди. Нельзя об этом забывать. Ни на минуту». Разве нет? У меня непорочное зачатие. Я ничего

не сказала доктору, потому что объяснять это бесполезно.

— Но ты…

— Мама! Не тебе об этом говорить. Об этом знаю только я. Если это непорочное зачатие… Теперь я наконец-то поняла, как венерианцы производят на свет потомство.

Мать и дочь погрузились в долгое молчание. Их уши заполнило пение из телевизора. Они смотрели через грязное окно на улицу, где многочисленные автомобили нетерпеливо сгрудились, словно вот-вот набросятся друг на друга.

Это был полный горечи момент — чудо постепенно проступало на поверхности, будто надпись, сделанная симпатическими чернилами на самой обыкновенной затертой открытке.

После долгих раздумий мать обратилась к своей непорочной дочери с единственным остававшимся у нее вопросом:

— Больше не буду ничего спрашивать, но проясни мне одно. Когда ты ездила с этим парнем в Утинаду, вы видели летающие тарелки, да?

— Откуда ты знаешь?

Акико никогда ни с кем не делилась своей тайной, откуда же мать могла узнать?

Иёко уклонилась от ответа и тут же перевела

разговор в другое русло:

— Уж в таких делах жители Юпитера разбираются.

— Да, но как…

— Я сейчас не об этом. Меня не интересует, видели вы летающие тарелки вдвоем или втроем. Мне не нужны подробности, я хочу знать, что ты чувствовала, когда они появились.

— Это было невероятно. Я никогда не испытывала ничего, что заставило бы мое сердце так трепетать. Три тарелки вынырнули из черных облаков над Японским морем…

На этом Акико замолчала. Больше ей нечего было добавить.

Тарелки кружили над морем четыре или пять секунд. Затем резко остановились в воздухе и стали похожи на три таинственных зрачка среди черных облаков. В следующую секунду по всем тарелкам прошла мощная вибрация, и их корпуса, будто накалившись, мгновенно окрасились в абрикосовый цвет. Внезапно они с невероятной скоростью взмыли вверх перпендикулярно поверхности моря и исчезли из виду.

Что почувствовала в этот миг Акико?

Она испытала своего рода экстаз. Но, поразмыслив, поняла, что ее воспоминания запутались

в чем-то еще, подобно тому, как травянистая тропа постепенно сужается, пока не теряется в подлеске.

Тарелки должны были появиться в самый напряженный момент возвышенной духовной связи и космической солидарности. Именно тогда они и появились. Не случись этого, мир бы мгновенно разрушился.

Возможно, в сердце Акико было больше надежд на появление летающих тарелок, чем способно вместить человеческое сердце, и она видела нечто неподвластное человеческому зрению. Поэтому, даже если бы с ней и Такэмией в песчаных дюнах находился какой-нибудь землянин, совсем необязательно, что он смог бы увидеть тарелки. Так или иначе, не вызывало сомнений, что они появились перед Акико и Такэмией.

С чем можно сравнить высшее блаженство и громкий стук сердца в груди Акико в тот момент? Ее дух следовал за тарелками, вместе с ними пронзая тучи, низко клубившиеся над северными землями, поднимался ввысь сквозь завихрения перистых облаков, сквозь жемчужное сияние облаков кучевых, за верхние слои атмосферы, где плавали серебристые облака, возможно до тех пределов, куда простираются объятия трепещу-

щего полярного сияния. А тело Акико оставалось на Земле. Довольно долго… Как она могла знать, что произошло с ее земным телом за это время? Окажись там какой-то свидетель-землянин, он, наверное, мог бы что-то сказать о том, что происходило с телом в отсутствие души. Но такого свидетеля не было.

Душа Акико, абсолютно счастливая и наполненная музыкой, летала тогда вместе с Такэмией. Чистота в своей высшей форме переплелась с волнами плотского желания. Все ее существо было окутано ослепительным, прекрасным и безграничным великолепием. Рука об руку они летели к берегу, лежавшему по другую сторону красоты.

Но в чем же заключалась природа этого удовольствия? Что порождало туманный восторг, который, казалось, превращал Акико в изменчивое облако? Картина увиденного рисовалась необычайно ярко, но воспоминания тускнели, стоило только в них углубиться.

Акико опустила голову, наотрез отказываясь заниматься вульгарным самоанализом, как принято у землян. Это все равно что рыться в собственном кошельке. Она перепроверила и вновь убедилась, что между ней и матерью не осталось

ничего недосказанного.

— Вот и все, — продолжила Акико. — Мы не держались за руки, не целовались. Что скажешь? Или есть такое правило, что для непорочного зачатия обязательно нужно хотя бы поцеловаться?

Иёко не знала, что сказать. Как и большинство жителей Юпитера, она признавала пагубное влияние землян на все, что так или иначе выходило за рамки обыденного мышления. Например, слова «душа» и «дух» воняли человечеством, как собака псиной. Их смысл и содержание пахли соломой, на которой спали люди.

— Я все поняла. Ты говоришь правду. Но мы живем в мире людей, и если такая тайна выплывет наружу, это станет серьезной проблемой. Наш тихий дом в Ханно окружат телекамеры и микрофоны, набегут репортеры из еженедельных изданий. Из тебя сделают посмешище.

— Я никому ничего не скажу.

— Это наш секрет. А лучший способ сохранить секрет — избавиться от него. Знаешь, даже на четвертом месяце еще не поздно.

Когда Иёко произносила эти слова, на ее лице мелькнуло безжалостное бездушие, какое бывает у домохозяйки, которая не успокоится, пока не вымоет под краном разделочную доску.

— Я не могу этого сделать, — прервала ее дочь, бледнея.

— Подумай хорошенько, Акико. Живот скоро станет выделяться, ты не сможешь ходить в университет. Тебе прохода не дадут в нашем маленьком городке. Все будут смотреть на тебя с презрением. Ты же гордая. Разве ты сможешь терпеть унизительные насмешки, которыми днем и ночью будут осыпать тебя эти ничтожные глупые земляне, глядя на твое непривлекательное тело?

Акико молча отвернулась. В душе она обдумывала унизительную картину, которую нарисовала мать.

В волосах Акико уже красовалась серебряная заколка в виде лотоса с надписью: «Непорочное зачатие». Возможно, ее судьба была предрешена с той минуты, когда она спустилась с небес (с Венеры) на Землю. Она должна пройти по самому центру человеческого мира с этой блестящей заколкой в волосах. С самого первого шага до конца света на Земле.

Живот будет постепенно округляться. Для Акико он станет неопровержимым доказательством ее чистоты, а для людей — неоспоримым свидетельством того, что она эту чистоту утратила.

На этой планете бесподобная поэзия Венеры превращалась в непристойный балаган. Люди будут выставлять напоказ ее выпирающий живот, таскать по улицам, как праздничную колесницу. Священные украшения, разноцветные и нелепые, станут звенеть при каждом шаге. В конце концов, это Земля. Акико посмотрела по сторонам. Никогда прежде она не испытывала таких ощущений. Она словно оказалась в центре какого-то невообразимого кошмара.

— Не могу поверить! И это Земля!

Даже в этом маленьком кафе Земля обнажила свои жуткие грязные клыки. Раньше мир был полон гармонии, покоя и чувства единства. Тень высшего блаженства снизошла на семью Осуги после появления летающих тарелок. Но теперь все это исчезло. Пыльные стулья, ядовито-малиновый лед на дне стакана, кричаще-яркие цифры на календаре, звероподобные уши на фотографиях артистов на стене, мушиные яйца, с прошлого года прилипшие к потолку, безумные вопли с мертвенно-бледного экрана телевизора… Акико с беспокойством наблюдала за матерью, которая мяла в руках купленные для весны черные кружевные перчатки так, словно творила заклинание.

— Ладно, поедем домой. Отец ждет результатов, — предложила Иёко.

— Больше не говори со мной так. Я теперь ко всему готова, — сказала Акико, подавляя поселившийся в душе страх.

На нее возложена миссия. Пройти свой священный путь до самого конца, каким бы изнурительным и полным препятствий он ни был.

* * *

— Во всем виновата красота. Это из-за красоты она беременна, — бормотал бледный от гнева Дзюитиро. Его переполняла отцовская любовь, и этот гнев не был обращен ни на дочь, ни на ее молодого человека.

Дзюитиро был против аборта, опасаясь за жизнь Акико, ведь эта процедура не исключала неблагополучный исход, пусть и один случай на миллион. Он также считал, что ни у инопланетян, ни у землян нельзя отщипывать репродуктивные почки. Сам он был готов противостоять людскому осуждению и насмешкам, но откуда взялась такая решимость у его юной дочери? Все дело в каких-то темных интригах, связанных с ее красотой. Акико утратила веру в мир для человечества. Соблазнившись красотой, которая

противоречила миру, она посеяла семена своей трагической судьбы. И летающие тарелки, появившиеся в Утинаде, несомненно, представляли самую неприглядную форму «красоты».

Успех лекций Дзюитиро привлек в Общество вселенской дружбы новых членов. Стало больше работы в конторе Общества, больше посетителей, которым надо уделить внимание. А теперь случившееся с Акико тяжелым грузом легло на душу Дзюитиро. К тому же Кадзуо каждый день поздно возвращался домой, и надежды отца на помощь детей во время весенних каникул не оправдались.

Вдобавок весна принесла с собой смертоносные осадки. Из-за частых ядерных испытаний радиоактивные вещества поднимались в стратосферу, где стронций-90 и цезий-137 — оба с большим периодом полураспада — пребывали в свободном состоянии, пока со временем не оседали на Землю в виде мельчайших частиц. С приходом весны в северное полушарие температура атмосферы резко повысилась, воздушные массы пришли в беспорядочное движение, и радиоактивные осадки, которые в виде взвеси находились в стратосфере, начали просачиваться через разрывы в тропопаузе в поясе средних широт и непрерывно

разбрасывать свои «споры» по тропосфере. Таким образом, весной количество радиоактивных осадков удвоилось, и ученые назвали это явление «весенний максимум». Ядерные испытания, проведенные Советским Союзом осенью прошлого года, наверняка привели к выпадению на Землю небывалого количества осадков.

Думая об этом, Дзюитиро немел от ужаса. Человечество медленно убивало само себя.

Смерть в виде прекрасных облаков окутывала землян. Ярко-малиновые и фиолетовые облака сверкали в вечернем небе и несли в себе яд. Из них непрерывно сочилась невидимая смерть. Рассеянный в небесах яд падал на землю и через овощи и молоко проникал глубоко в кости людей. Вот такая пришла весна. Крошечные частицы смерти продолжали свое неустанное путешествие, в поисках темного обиталища прокладывая себе путь в организмы сияющей в полях и садах флоры и фауны. Наконец, отыскав его, смерть громко заявляла живым людям о нетленной части их плоти, каковой являются кости. Обычно на кости никто не обращает внимания до самой смерти, но теперь они пели, как трубы, еще при жизни. Смерть расцветала на прекрасных, залитых солнцем полях, где выращивали овощи,

на пастбищах, окруженных зелеными лесами, где звенели ручьи, среди живописных пейзажей, утопающих в цветах и наполненных гудением медоносных пчел. На пикниках люди чувствовали, как кости в их телах резонируют со смертью, тесно переплетенной с природой. В человеческом теле остаются нетленными только кости. Смертоносные осадки способны уничтожить плоть, но высохшая костная ткань, великолепная в своей первозданности, сохраняется навсегда. Между смертоносными осадками и костями сложился нежный дуэт, торжествующий над природой. Возникла песня. Для Дзюитиро она звучала оглушительным ревом. Люди вообще ее не слышали.

В телах землян уже началось восстание против природы. И разожгли этот мятеж, конечно же, изобретатели водородной бомбы. Вы никогда не замечали, с каким очаровательным кокетством ваши кости впитывают радиоактивные материалы? Америка тоже не извлекла урок и готовилась возобновить ядерные испытания. То, чего больше всего боялся Дзюитиро, свершилось. Кости объединяются в союз, предсказывают, что день освобождения от плоти близок, и наперебой спешат предоставить жилье своим микроскопическим освободителям. Пользуются

любой возможностью, чтобы подмигнуть им, подольститься. Они мечтают о дне, когда, избавившись от одежды, смогут лениво растянуться под звездным небом среди покрытых росой цветов и лесов.

Неудивительно, что летающие тарелки начали появляться в самых разных местах и открывать людям глаза на истину. Стол Дзюитиро был завален письмами очевидцев, видевших летающие тарелки. Однако сам он после того единственного раза больше их не видел.

Письма были полны достоверных свидетельств очевидцев со всех концов страны. Два ученика средней школы из деревни Огава в уезде Сакава, округ Такаока, префектура Коти, сообщали, что после семи часов вечера видели, как объект эллиптической формы, окруженный тонкой оболочкой, пролетел на невероятной скорости в южной части неба с востока на запад и скрылся за горами. Кто-то писал, что около девяти вечера в районе Ятаномати города Комацу, префектура Исикава, наблюдал в небе светящееся оранжевое тело, которое то темнело, то становилось ярче и умчалось на запад под углом тридцать градусов. Еще один очевидец описал тарелку в форме Сатурна, которая внезапно взлетела перед

его автомобилем на шоссе Кавагоэ. А в поселке Бихоро в округе Абасири на Хоккайдо около пяти часов вечера наблюдали огромный блестящий объект в форме соевого боба, висевший в западной части неба.

Честность этих людей не вызывала сомнений, они всей душой хотели мира. Члены Общества вселенской дружбы объединились в огромный круг и молились о спасении человечества от гибели. Одновременно они пытались принести на Землю гармонию и единство.

Однажды дом в Ханно посетили два члена Совета против ядерных испытаний. Они сказали, что слышали много хорошего о лекциях Дзюитиро и хотели бы, чтобы он вступил в их организацию. Оба были довольно известными учеными и производили впечатление серьезных и проницательных людей. Они говорили очень логично и исподволь льстили ему.

Дзюитиро читал их статьи в общественно-публицистических журналах, где они серьезно рассуждали о популярном искусстве, идеях и убеждениях простых граждан. Они так стремились привлечь в свой лагерь все необычное и популярное, что это выглядело почти вульгарно. Они давали понять, что считают Дзюитиро таким

же интеллектуалом.

Дзюитиро терпеть не мог изощренные мошеннические приемы, свойственные только землянам. Он говорил только о летающих тарелках и был удивлен, что ученые, похоже, принимали его слова всерьез. В конце концов, убедившись, что с этими людьми можно быть откровенным, он решил намекнуть на тайну, которую скрывал даже от самых близких членов Общества вселенской дружбы.

— Вы говорите со мной, как с обычным человеком. Уверен, что вы умеете хранить секреты, поэтому буду с вами откровенен. Дело в том, что я не человек.

— Неужели? А кто же вы в таком случае? — с серьезным видом поинтересовался один из гостей, еще больше выдвигая вперед выступающий подбородок, покрытый легкой щетиной.

— Ну, на самом деле… — Дзюитиро огляделся по сторонам и понизил голос. — На самом деле, я… марсианин. Прибыл с Марса, чтобы спасти землян.

Ученые переглянулись. Похоже, подумали, что это заявление немного выходит за рамки их любимого популярного искусства. Они сделали несколько неопределенных замечаний и собра-

лись уходить.

Дзюитиро упорно настаивал на своем:

— Полагаю, с точки зрения гуманизма логично не допускать в свои ряды таких, как я.

— Гуманизма? — сказал один из ученых, широко открывая глаза за толстыми стеклами очков. — Это не поможет в борьбе против ядерных испытаний. Мы не такие наивные.

Дзюитиро вежливо проводил землян до двери, с большим удовольствием отметив про себя, как рассердило их слово «гуманизм».

* * *

Как-то раз Дзюитиро неожиданно собрался в поездку, не сказав, куда направляется, чего с ним прежде никогда не бывало. Вид у него был встревоженный. Иёко знала, куда он поехал, но детям не сказала.

Глава семейства отправился в Канадзаву.

В поезде он то и дело возвращался мыслями к дочери. Перед глазами вставало ее прекрасное лицо. От этого щемило в груди.

Дзюитиро был готов вытерпеть любое унижение, если это поможет спасти его ребенка от беды. Если ему скажут встать на колени перед этим сопляком с Венеры, что ж, он согласен…

У Дзюитиро было сильно развито чувство долга, он знал, что должен спасти человечество, но у него не было конкретного плана. Как же тогда получилось, что, едва зашла речь о спасении его единственной дочери-венерианки, он сразу придумал срочные меры и тут же приступил к действиям? Было бы свойственной человеку ошибкой называть это проявлением отцовской любви. А приписать все красоте Акико значило пойти против обычной логики. Может быть, дело в том, что спасти одного человека легче, чем три миллиарда? Или чужая маска, которую он носил на Земле, так крепко к нему приросла, что даже по отношению к самому себе он вел себя как «обычный человек»?

В час дня, когда экспресс «Белый лебедь» подходил к Наоэцу, слева из окна вагона открылся вид на гору Мёко, чьи серебристые пики вонзались в затянутое легкими облаками небо. Остался позади сельский клуб, обитый посеревшими досками. Поля, на которых только начинала пробиваться зелень. Ряды еще не распустившихся тополей, тощих и чахлых… И небо над этим унылым пейзажем, на котором Дзюитиро мысленно рисовал профиль дочери. Акико выглядела подавленной и смотрела как бы вглубь себя, ясные глаза словно

что-то тянуло вниз, как две темные свинцовые гири. Волосы, изящный нос, печально сжатые губы. Черты ее лица, наложенные на бледное весеннее небо, — точно икона с торжественной надписью: «Непорочное зачатие». Эти слова невидимым венцом лежали на ее задумчивом челе, усыпали лоб невидимыми драгоценными камнями, висели в ушах такими же невидимыми серьгами… В этот момент среди облаков появился небольшой просвет, окрасив глаза и щеки Акико в бледно-голубой цвет, и на окружавших просвет облаках остался лишь слабый контур ее профиля.

Когда показался залив Тояма, начался дождь. Далее поезд повернул на запад к Такаоке, пересек полуостров Ното, прошел к северо-востоку от лагуны Кахокугата и прибыл в Канадзаву.

Дзюитиро провел бессонную ночь в дешевой привокзальной гостинице. Появляться в доме молодого человека ночью не стоило — тот мог подумать, что нежданный гость собирается ему угрожать.

Утром Дзюитиро раздвинул выцветшие занавески в цветочек. Дождь все еще не прекратился. В тишине Дзюитиро осторожно раскрыл зонт и вышел на мокрую улицу.

У него был адрес, который Иёко тайком записа-

ла с писем Такэмии к Акико.

На всех конвертах значилось одно и то же:

Такэмия Каору

36-1, Нибан-тё, Нагамати, Канадзава

В гостинице ему сказали, что это район бывших самурайских усадеб, полный старых домов. В одном письме Такэмия упомянул о недопонимании между ним и его семьей. Родители, братья, сестры, дяди и тети придерживались старомодных взглядов, и все были людьми.

В трамвае до Коринбо Дзюитиро снова обдумывал план, который сочинил прошлым вечером.

«Если дверь откроют родители, вряд ли я смогу сразу перейти к делу. Прежде надо будет проявить всю житейскую мудрость, которой обладают люди, расположить их к себе, показать себя человеком состоятельным и заслуживающим доверия. А о женитьбе можно спокойно поговорить потом».

С вечера у него пропал аппетит, в желудок словно засунули ржавую железную пластину, промокшее под дождем тело отяжелело. Недомогание не сулило в этот день ничего хорошего.

Равноденствие только что миновало, но весна в северных провинциях, когда зацветают слива, персик и сакура, еще не наступила. В северной

части города еще лежали остатки снега. Дзюитиро вышел из трамвая, развернул под навесом ближайшего магазина карту города и стал искать, как добраться до цели. Пришлось порядком поплутать, прежде чем он вроде бы нашел нужное место.

Возле каменного мостика через речушку, рядом с каменной стеной и глиняным валом, росла одинокая ива, на которой только начали распускаться почки. В речной воде колыхались свежие ярко-зеленые водоросли.

Перейдя мостик, Дзюитиро вышел на извилистую тропинку. Все дома в округе были старыми, историческими. Для защиты глиняных стен от снега установили бамбуковые шесты, на которых лежали соломенные циновки. Их никто не убирал, несмотря на приход весны. За стенами росли яблони. Черепица на крышах домов блестела под дождем, как лакированная. Перед каждым домом за воротами был разбит небольшой сад, где в тишине, словно присыпанные снегом скелеты, стояли голые деревья. Внимание Дзюитиро привлек длинный, самурайских времен, одноэтажный дом с решетчатыми окнами и воротами посередине. Внутри было темно и, кажется, пусто.

Перед каждым домом Дзюитиро останавливался и опускал зонт, чтобы проверить имя и номер на табличке. Фамилии Такэмия нигде не было.

Дзюитиро ходил взад-вперед по улице, останавливаясь то перед одними, то перед другими воротами. Подумав, что, возможно, ошибся, он перешел на другую улицу и стал внимательно осматривать дома там. За все время ему почти никто не встретился. Лишь однажды мимо проехал велосипедист, давший о себе знать треньканьем ржавого звонка.

Блуждание по окрестностям измотало Дзюитиро; он давно так не уставал и решил вернуться туда, где начал поиски. Наконец он обратил внимание на здание без таблички с адресом. Это оказалась дешевая двухэтажная гостиница, вид которой никак не вязался с этим районом. У ворот на сложенной из каменных блоков стене висел фонарь с надписью: «Гостиница „Мэйдзи“». В унылом внутреннем дворике, где разворачивались машины, росли сосны и пальмы. На втором этаже грубо оштукатуренного деревянного строения все окна загораживала вывеска с рекламой бильярдного зала.

На бамбуковой изгороди у боковой двери красовалась небольшая табличка с фамилией «Так-

эмия», написанной выцветшей черной тушью. Дзюитиро решительно открыл дверь во двор. Гравийная дорожка вела в кухню гостиницы.

— Есть кто-нибудь? — позвал Дзюитиро.

На стойке у тускло освещенного входа на кухню стояло несколько мисок с остатками рамена. Площадку для обуви перед входом наполовину залило дождем, и вода уже добралась до небрежно брошенных *гэта.*

— Такэмия-сан! Такэмия-сан!

Из помещения показался невысокий мужчина в сером свитере:

— Вы кто?

— Меня зовут Осуги. Такэмия Каору дома?

— Каору? Он здесь больше не живет.

Измученный Дзюитиро опустился на стойку. Поняв, что разговор может затянуться, мужчина сел на небольшой стул, покрытый желтой клеенкой. Этому человеку было около пятидесяти — редкие волосы зачесаны на макушку, маленькое унылое лицо чем-то напоминало мышиную мордочку.

— Мы получали письма с вашего адреса.

— Он уже больше месяца как съехал.

— Но на табличке написано «Такэмия».

— Ах, это… Это моя фамилия.

— Вы его родственник?

— Нет, что вы! Я не имею к нему никакого отношения. У нас хоть и гостиница, но бывает, постояльцы живут подолгу, вроде как на квартире. Каору-сан прожил около года. Вообще, он тот еще бабник и такой щеголь. Попросил, чтобы его письма присылали на мою фамилию с подписью: «Гостиница „Мэйдзи“, для Такэмии». Если будет такое письмо, значит ему. Его звали Кавагути Каору, но очень может быть, что имя не настоящее. То есть он рассылал письма под чужим именем — бог знает, сколько девушек он одурачил. Я не видел в этом ничего плохого, вот и разрешил ему бесплатно использовать мою фамилию. Чем он занимался, не знаю, но читал много книг. Иногда пел что-то или читал нараспев пьесы театра но. Писал письма, — похоже, это у него любимое занятие. Женщины к нему часто приходили. И еще… Одна женщина — они с Каору вместе участвовали в постановках пьес театра но — помогала ему в разных делах. Она хозяйка гостиницы «Башня журавля». Сходите, спросите ее. Вдруг он переехал к ней? Во всяком случае, в прошлом году, когда он задолжал нам за полгода проживания, она все оплатила. Но вряд ли он уехал из-за этого. Просто собрал вещи, и

только его и видели. С тех пор я о нем ничего не слышал. Он был такой… замкнутый.

* * *

Дзюитиро направился в гостиницу «Башня журавля» — именно там останавливалась Акико. Представившись Осуги из Ханно, он получил неожиданно теплый прием. Служанка отвела его в чайную комнату с видом на реку, принесла сакэ и закуски. Хозяйки пока не было.

Музыка из громкоговорителя за окном возвестила о наступлении полудня. К угощениям, расставленным на столе, Дзюитиро не притронулся. Над рекой висела туманная морось, комнату наполнял густой аромат благовоний. Сидеть в ожидании, с прямой спиной, было тяжело.

Дзюитиро прождал около получаса. Наконец пришла хозяйка — пухленькая, с седеющими волосами, в ярко-фиолетовом кимоно с узорами. Она вежливо поприветствовала Дзюитиро от двери, велела служанке уйти, сама взяла бутылочку сакэ и предложила ему:

— Дражайший гость, выпейте сакэ, пожалуйста. Вы так добры, что приехали к нам, проделали такой путь. Ваша дочь останавливалась в этой самой комнате, такая честь для нас.

«Как странно она ко мне обращается. Дражайший…» — подумал Дзюитиро.

Наливая ему сакэ, женщина поддернула правый рукав, обнажив руку; левая рука была скрыта складками кимоно. В плохо освещенной комнате от ее кожи исходило тусклое белое свечение.

Хозяйка не давала гостю вставить и слова. Едва он поднес чашечку к губам, как она отодвинулась немного назад на *татами*, уперлась руками в пол и глубоко поклонилась. Когда она подняла голову, ее лицо было мокрым от слез.

— Выслушайте меня, — сказала она. — Я прекрасно понимаю ваши чувства, но умоляю, сжальтесь и верните мне Такэмию. Это мое единственное желание.

* * *

Дзюитиро потребовалось немало усилий, чтобы убедить хозяйку гостиницы, что он тоже разыскивает Такэмию. Не упоминая о беременности дочери, он подробно рассказал, как здесь очутился. Поняв, что ее надежды разбиты, женщина вдруг перешла на грубоватый тон. Без малейших угрызений совести она подробно рассказала, как помогала Такэмии при его первой встрече с Акико. Сама она познакомилась с ним в поза-

прошлом году во время представления драмы «Химуро». Такэмия, одетый в *хакама* и кимоно из легкой ткани с крапчатым узором, очаровал ее. Их отношения длились без малого два года. Ей приходилось мириться с его изменами и оправдывать каждое новое увлечение (он и не скрывал от нее своих любовниц) тем, что он юноша из хорошей семьи. Такэмия был так естествен и хорош в песенном речитативе, что дебютировал в пьесе «Додзёдзи».

Хозяйка понятия не имела, куда он исчез, но одной мыслью все-таки поделилась. Похоже, Такэмия тайком встречался с девушкой из кабаре, которых немало в старом квартале красных фонарей Ицусака Санбан-тё. Хозяйка не знала ее имени и названия заведения, но кто-то видел Такэмию с девушкой, подходящей под описание. Как-то днем они в обнимку прогуливались по холмистому району Ицусака.

Хозяйка думала, что Такэмия сбежал от нее к Акико, и поэтому не искала его.

Чуть живой от усталости, Дзюитиро попросил постелить ему и заснул. Спал он плохо, несколько раз хотел подняться, но тело отказывалось двигаться, как будто его обмазали глиной и та засохла. Изредка открывая глаза, он видел около

кровати *икэбану* из цветов рапса в маленькой черной вазе. Стояла ли она там на самом деле или это была иллюзия, Дзюитиро не знал.

Человек, задремавший после такого потрясения, нередко видит удивительно приятные сны. У сна Дзюитиро не было определенного сюжета — его наполнял яркий цветной калейдоскоп вперемешку с радостью и счастьем, как будто он мчался на санях неведомо куда.

Дзюитиро встал около половины четвертого и пошел в ванную. Там из окна было видно безоблачное голубое небо. Дзюитиро быстро собрался и вышел из гостиницы с картой в руках.

* * *

В развлекательном районе Ицусака много домов, построенных в стиле Киото и Осаки. Даже случайный посетитель вроде Дзюитиро сразу видел разницу между увеселительными кварталами, расположенными выше по течению реки, и старым кварталом красных фонарей, находившимся ниже. На границе между двумя районами стояли мелкие овощные и рыбные лавки, торговавшие свежим товаром, и в это время суток только туда заходили редкие покупатели. Здесь же были небольшие магазины канцелярских

товаров, дешевых сластей, в библиотечном киоске можно было взять домой книги. В центре залитой солнцем улочки дети играли в классики. Их исцарапанные коленки напоминали цветом свежий имбирь и блестели в солнечных лучах.

Старый квартал красных фонарей отреставрировали, появились новые бары, кабаре, гостиницы. Но ремонт закончили не везде: тут и там попадалась недоделанная плитка перед входом в какое-нибудь заведение, нелепые занавески вместо дверей в гостиницах, из-за чего район выглядел еще сомнительнее. Дзюитиро поглядывал на кабаре с американскими названиями, на бары, претендующие на звание кабаре, но все двери были закрыты и вокруг ни души. Поблекшие искусственные цветы сакуры, с которых еще стекала вода, мокрая обнаженная дама на рекламном щите «Праздника цветения сакуры» блестели в лучах заходящего солнца, появившегося после дождя.

Вдруг откуда-то появилась женщина с собранными в высокий пучок волосами и в мужской нейлоновой спортивной куртке, — возможно, она возвращалась из бани. Прикрыв лицо воротником куртки, она прошла мимо Дзюитиро и подозрительно покосилась на него. Удаляю-

щийся стук ее *гэта* мелкой дробью рассыпался по дороге.

Дзюитиро бесцельно побрел дальше. У него было ощущение, что он должен идти, ни о чем не думая, пока не свалится от усталости.

В конце концов он сообразил, что не знает, как выглядит Такэмия Каору, то есть Кавагути, не говоря уже о его девушке. Даже если ему повезет встретить обоих на улице, он их просто не узнает. Но усталость затуманила его разум; он почему-то был уверен, что узнает Такэмию за сто шагов, если тот на самом деле с другой планеты. Конечно, если это действительно так.

Развлекательные кварталы, расположенные дальше по течению реки, сохранили очарование старины — решетчатые окна были выкрашены красной краской, перед каждым домом чисто. Солнце висело низко, отбрасывая тени на одну сторону улицы.

Побродив по улочкам Ицусаки, которые шли то вверх, то вниз, Дзюитиро оказался на вершине холма неподалеку от трамвайных путей, и перед ним открылся невероятный вид на запад. За редкими домами тянулись поля, а далеко за ними опускалось к горизонту солнце. В ушах стоял стук трамвайных колес, и Дзюитиро казалось, что эти

звуки издает закатное светило.

Как только солнце скрылось из виду, он увидел в небе одинокую белую точку, сиявшую среди облаков, как чешуйка маленькой рыбки в морских волнах. Это была Венера, утренняя звезда, которая в это время года появлялась вечером. Угол между Солнцем и Венерой составлял не более десяти градусов.

Шансы отыскать Такэмию были равны нулю.

«Что мне сказать Акико? — думал Дзюитиро. — Что этот юноша действительно венерианец? Что он оставил ее и вернулся на Венеру? Или что он обыкновенный человек, обманул ее и скрылся неведомо куда?»

Но могло быть и то и другое. Дзюитиро не верил в венерианское происхождение Такэмии. Отец-землянин на его месте непременно солгал бы дочери, чтобы сберечь ее мечту. Второй вариант ответа, резкий и прямолинейный, больше подходил для семьи инопланетян.

Будь Дзюитиро землянином, он, не задумываясь, сделал бы вид, что Такэмия венерианец. Но даже с точки зрения инопланетянина было ясно, что Акико, сама будучи инопланетянкой, совершила ошибку, когда увлеклась землянином и дала волю фантазиям. И один из способов иску-

пить свою вину — это сохранить иллюзии, так и не узнать о своем заблуждении. По сути, Акико сбилась с пути, покорившись красоте, этому иллюзорному и ложному понятию.

«Что ж, она понесет за это наказание», — подумал мягкосердечный марсианин. Измученный отец знал, что скажет, вернувшись в Ханно: «Он действительно с Венеры. Оставил тебя и вернулся домой».

Но выбранный Дзюитиро косвенный способ выразить сочувствие дочери вовсе не означал компромисса с принципами, которые исповедовали земляне.

7

«Дайте молодежи мечту». Так гласил лозунг Куроки Кацуми.

Многих молодых людей этот лозунг привлекал по двум причинам: из-за неопределенного смысла и потому, что у современной молодежи не было мечты. Но Кадзуо смотрел на вещи иначе. Его удовлетворяла только реальность, которую он ощущал. Реальность заключалась в том, что он прибыл с Меркурия, что Земля — восхитительная планета, что ее природа прекрасна, женщины милы и добры. Было еще многое, за что Землю стоило сохранить. Какая еще реальность ему нужна?

Поскольку такое чувство реальности прочно стало неотъемлемой частью характера Кадзуо, люди воспринимали его как молодого человека, исполненного светлых надежд и желаний. Он был уверен, что в сравнении с другими представителями своего поколения, страдавшими нервными расстройствами, выглядит в глазах людей привлекательным и подающим большие надежды.

— Мне кажется, что ты единственный, у кого есть четкое видение будущего Японии и всего человечества. Я не просто так говорю. Такое впечатление ты производишь.

Слова Куроки были на самом деле далеки от реальности, но Кадзуо они нравились. Если все будет продолжаться так же, земляне в один прекрасный момент могут, сами того не ведая, проголосовать за инопланетянина и оказаться под инопланетным контролем. Что в конечном счете принесет им больше счастья.

Как только в мире что-то происходило, Куроки рассылал высокопоставленным американским чиновникам так называемые «откровенные послания». В ответ получал несколько строк от какого-нибудь секретаря и с удовольствием помещал эти отписки в свою очередную брошюрку. Кадзуо с трудом выносил наивность Куроки, но в целом тот ему нравился.

Различные приемы, которыми пользовался Куроки, чтобы завоевать популярность среди землян, особенно среди японцев, служили полезным уроком и для Кадзуо. У кого еще он мог поучиться такому? В скором времени он даже начал жалеть отца, который плохо разбирался в человеческой психологии.

Лекции Дзюитиро прошли очень успешно, но успехом он был отчасти обязан «болельщикам». Это чем-то напоминало успех артистов и художников у их поклонников.

Когда в начале марта закончились экзамены, Кадзуо переложил на сестру все заботы по организации лекций отца. Куроки, вручая ему свою визитку, сказал, что ждет его у себя в ближайшие дни, утром. И вот однажды в половине девятого Кадзуо пришел к депутату домой в Сэтагая. На его удивление, дом, окруженный закопченной живой изгородью, оказался совсем маленьким и был полон посетителей. В десять часов у Куроки начиналось заседание комитета, и до отъезда в парламент он принимал всех визитеров подряд.

Кадзуо объяснил цель своего визита встретившему его в прихожей студенту-секретарю. Куроки, конечно, не мог помнить всех, кому давал визитную карточку и предлагал зайти. Этот намек на неискренность показался Кадзуо забавным. Было в нем что-то свежее, оригинальное.

Он подробно рассказал студенту, что произошло во время лекции в университете, куда приезжал Куроки. Так первый визит к депутату научил его, что надо преподносить себя с юмором и без стеснения.

Кадзуо слышал, как студент за раздвижной стеной сообщает о посетителе. И тут же сквозь гул голосов в приемной прорезался голос Куроки:

— А, этот студент? Он толковый. Веди его сюда.

Кадзуо специально пришел в студенческой форме. Он выпятил грудь в кителе, украшенном блестящими латунными пуговицами. Теперь все знали, кто он такой.

— Осуги Кадзуо, — громко сказал Куроки, взглянув на визитную карточку гостя. — Во время моего выступления в университете А он быстро разобрался с беспорядками, которые устроили левые студенты. Можно сказать, покорил меня. Прекрасный молодой человек.

Но больше он ничего не сказал Кадзуо.

На Куроки был молодежный черный свитер, который подчеркивал его великолепную атлетическую фигуру. У него была небольшая для японца голова и худое лицо с резкими чертами, на котором при общении с посетителями легко проявлялись эмоции. Но мало кто разговаривал с ним. Большинство людей в приемной молчали, словно для них было счастьем даже просто находиться в одном помещении с Куроки. Среди них было четыре или пять молодых женщин.

Кадзуо заметил, что постороннему человеку

трудно понять, с чем обращаются к Куроки просители. Но постепенно он разобрался, что к чему.

— Куроки-сан, когда же решится этот вопрос?

На самом деле директор компании, которая спонсировала Куроки, имел в виду: «Когда же мы получим лицензию на импорт оборудования? Хотелось бы поскорее. А то Министерство торговли и промышленности работает со скоростью улитки».

— Позвольте еще раз побеспокоить, Куроки-сан. Как нам пережить сезон дождей? — говорил чиновник от избирательного округа Куроки в префектуре Мияги, что подразумевало: «Куроки-сан, надо в самые сжатые сроки закончить работы по защите от наводнений на реке R».

Среди посетителей был один журналист, писавший на политические темы. Он общался с Куроки по-приятельски, давая всем понять, какая он важная шишка и насколько влиятельна газета, которую он представляет. Журналист сказал пару слов и Кадзуо, который не ожидал, что такой человек может разговаривать в столь вульгарной манере.

Кадзуо просидел в одиночестве почти час. В конце концов подъехала машина — Куроки пора было уходить. Похоже, только журналист обла-

дал привилегией сопровождать депутата и его секретаря.

Куроки переоделся в элегантный серый костюм и вышел в приемную. Подошел к Кадзуо, который в своей студенческой форме стоял в тесном помещении среди других посетителей, вышедших проводить депутата, и улыбнулся ему.

Это была особая приятная улыбка, которая шла его худому скуластому лицу. Кадзуо понял, почему Куроки пользовался такой популярностью на телевидении. Даже он почувствовал, что тает от этой улыбки. Куроки великодушно похлопал его по плечу:

— Сегодня сумасшедшее утро, извини. Каждую пятницу в четыре часа я встречаюсь со студентами в моем офисе в Тораномоне[59]. Приходи на следующую встречу, если тебе интересно. Я выделяю час, чтобы пообщаться с молодежью, и очень ценю эти пятничные встречи.

* * *

Кадзуо пришел на следующую встречу. Куроки говорил целый час без перерыва. Кадзуо сидел в

---

[59] Примечания: 59

Тораномон — квартал в Токио, где находится здание парламента Японии и сосредоточены правительственные учреждения.

тесном офисе, обхватив руками колени, и завороженно слушал его речь.

Куроки красноречиво рассуждал об истории цивилизаций. Начал с цивилизации Индийского океана (как он ее назвал), затем перешел к Средиземноморью, потом к атлантической цивилизации (перемещение европейской цивилизации в Америку) и наконец добрался до развития тихоокеанских цивилизаций на протяжении последних десятилетий. Он расстелил на столе впечатляющую карту с Японией в центре, рассказал, как японская военная клика использовала прежний лозунг «Восемь углов под одной крышей»[60] и тем самым опошлила предсказания, касающиеся истории цивилизаций, которой он занимается. В какой-то момент мировое сообщество будет создано. Это неизбежно. Но основано оно будет не на тупиковом и ошибочном равенстве, которое проповедует Организация Объединенных Наций. Оно должно опираться на пророческие идеи о течении исто-

[60] Примечания: 60

«Восемь углов под одной крышей» — политический лозунг, популярный в Японии во время Второй мировой войны. Подразумевал, что божественный японский император выполняет миссию установления всеобщего мира и процветания и объединяет для этого под своей властью все народы. Использовался японскими военными для оправдания экспансионистских устремлений.

рии цивилизаций, в которых японская нация и мир в целом объединятся, чтобы создать многомерное сообщество. Всеобщий мир, подобно пузырьку воздуха в ватерпасе, плавал в центре осознания современного кризиса, в самом сердце Японии, которая на первый взгляд дрейфовала в бурном море мировой политики, отражая в себе дух нового мирового сообщества.

Он видел в молодежи воплощение новых устремлений японского народа, связывал свои надежды с будущим, испытывал чувство стыда за погрязших в коррупции нынешних политиков. Упрекнул кабинет Икэды[61] в стремлении усидеть на двух стульях, осудил его экономическую и внешнюю политику. Предложил создать в Японии армию национальной обороны по примеру Швейцарии и сетовал по поводу того, что новая система образования попала под влияние левого антинационализма. Отсутствие патриотизма в его истинном смысле означает неспособность понимать дух времени, говорил Куроки. Он выступал как против изжившего себя космопо-

[61] Примечания: 61

Икэда Хаято (1899–1965) — премьер-министр Японии в 1960–1964 годах. Один из ключевых политических деятелей периода «экономического чуда» в Японии, стремившийся сводить к минимуму социальные конфликты, за что его часто упрекали в нерешительности.

литизма, так и против левых, прикрывавшихся маской национализма.

Моложавый вид и уверенный голос придавали расплывчатым суждениям Куроки яркий, здоровый и живой блеск. За весь час, который он говорил, сидевшие перед ним в ряд студенты слушали, не проронив ни слова. Его слова воодушевили их, и даже Кадзуо заметил, как от прилива идей у них раскраснелись щеки.

Кадзуо получил еще один знак внимания. Хотя он только вошел в клуб почитателей Куроки, ему поручили провести по Токио делегацию Союза помощи семьям погибших в войне, которая завтра прибывала в столицу из избирательного округа Куроки.

А на следующей неделе, когда личный секретарь депутата сильно простудился, Кадзуо попросили заменить его и организовать экскурсию в парламент для влиятельного сторонника Куроки, члена ассамблеи из префектуры Мияги. Потом Куроки отметил, что этот человек хорошо отзывался о Кадзуо, назвал его толковым и многообещающим.

На Ханно и семью у Кадзуо почти не оставалось времени. В тех редких случаях, когда он все же появлялся дома, там было шумно от незнако-

мых гостей, а бледная сестра запиралась в своей комнате. Наконец мать тайком шепнула ему, что Акико беременна. Кадзуо счел это просто неприятной историей, какие нередко случаются в обычных семьях.

Однажды Куроки показал Кадзуо, как можно использовать деньги, чтобы подтвердить репутацию порядочного человека.

— Съезди к директору компании «Отори сёдзи» и привези триста тысяч. Я ему позвоню и скажу, чтобы передал с тобой, — сказал Куроки.

Кадзуо отправился в Отэмати, где находилась указанная компания, показал там визитную карточку Куроки и встретился с директором. Тот уже приготовил деньги, на всякий случай еще раз пересчитал и, положив в конверт, вручил посланцу. Кадзуо впервые прикоснулся к деньгам из так называемых политических фондов.

Вернувшись в офис, он застал там еще одного депутата, протеже Куроки. У этого человека были финансовые затруднения. Куроки взял конверт и на глазах у Кадзуо передал его коллеге. Кадзуо никогда прежде не видел, чтобы кто-то принимал деньги с таким благоговением.

— Бедняга. У него жена в больнице. Нужны деньги на лечение, — сочувственно сказал Куро-

ки, когда его протеже ушел.

Обожание, мелькнувшее во взгляде юноши, доставило Куроки огромное удовольствие. Кадзуо смотрел на него невинно горящими глазами и представлял себя непорочной девой.

— Мне кажется, ты единственный, у кого есть серьезное видение будущего Японии и всего человечества. Я не просто так это говорю. Такое впечатление у меня сложилось за время нашего знакомства.

Вот что сказал тогда Куроки.

* * *

Как-то раз Кадзуо сопровождал группу гостей из избирательного округа на вечернюю автобусную экскурсию, а после повел их в ночной клуб «Микадо». Куроки в это время был на банкете в Акасаке. Там ему стало скучно, и он решил заехать поприветствовать земляков. В итоге он отправился вместе с ними в квартал Ёсивара, в дом гейш «Мацубая», где для гостей устроили представление, которое привело их в восторг. Проводив группу до гостиницы, Куроки отправился домой на машине и взял с собой Кадзуо. Было уже поздно, но Куроки всю дорогу напевал какую-то песенку. По пути к дому депутата в рай-

оне Сэтагая пришлось остановиться — Куроки остро захотелось по малой нужде. Шофер остановил машину рядом с большим неосвещенным магазином-питомником садовых растений, и Куроки долго мочился у выставленных на продажу невысоких кипарисов.

Кадзуо ждал в машине. Стояла великолепная звездная ночь. Среди деревьев перед магазином было много кустарников. Дальше, за большим пустырем, виднелась каменная стена, за которой простиралось бескрайнее небо.

Было слышно, как струя мочи бьет в мягкую весеннюю землю, и казалось, она никогда не иссякнет. Под сиянием звезд переплетались ветви рукотворного леса, шишки на пихтах словно покрывал серебристый пепел. Один угол магазина был отведен под коллекцию камелий — их алые цветки чернели в ночи, как засохшая кровь. Несколько вязов над вечнозелеными деревьями протягивали в звездную ночь хрупкие засохшие ветви.

С того места, где стояла машина, за лесом открывалась южная часть неба. С востока на запад низко раскинулся Млечный Путь, прямо впереди извивалось созвездие Гидры. Знак весны в южном полушарии — четыре звезды созвездия

Ворона — мерцал над самыми верхушками кустарников. Почти в зените, повернувшись на восток, взирало на Землю внизу созвездие Льва, и его ярчайшая звезда Регул являла миру свой сияющий зрачок.

Кадзуо был поглощен этим великолепным зрелищем и не заметил, что Куроки, уже закончивший свои дела, до сих пор не вернулся в машину. Для Куроки было очень необычно поворачиваться спиной даже к одному человеку и так долго задумчиво молчать. Возможно, Кадзуо просто не знал, что у него есть привычка смотреть на звездное небо и примерять его под свою уникальную космологию?

— Прошу извинить за задержку.

Куроки быстро, как тень, проскользнул в автомобиль. «К чему эта странная спешка?» — мелькнула у Кадзуо мысль. Лица Куроки в темноте было не видно, и юноша не мог разобрать, блестят ли у него глаза. «А вдруг он тоже инопланетянин?» — внезапно подумал Кадзуо.

Пассажиры устроились на своих местах, машина тронулась с места, и Кадзуо с нарочитой небрежностью спросил:

— Вам нравятся звезды?

— Звезды? Звезды, говоришь… Да, нравятся, —

уверенно ответил Куроки.

* * *

Когда Куроки вдруг отправился в академию «Тантан» в префектуре Мияги, Кадзуо расстроился, что его не взяли с собой. Он еще больше огорчился, узнав из газет, что цель поездки депутата — подготовка к выборам в Палату советников, назначенным на первое июля. Люди из окружения Куроки считали, что он поехал обсудить вопрос о расширении академии. Юноша боялся, что Куроки охладел к нему, поскольку он, Кадзуо, догадался о тайне Куроки, когда тот смотрел на звездное небо.

Академия «Тантан» считалась оплотом борьбы против системы образования, которую отстаивал Союз учителей, и была известна даже в Токио. Она находилась в горной деревне Нанакитамура, префектура Мияги. Идеальное место для учебы, упорного труда и физических упражнений. В академии обучалось более семисот человек — среди них были и юные поклонники Куроки из Токио. Кадзуо очень хотел побывать там и однажды намекнул на это Куроки, но получил отказ.

Вместо этого после весенних каникул Кадзуо, студенту университета, назначили ежемесяч-

ную зарплату. Не успел он опомниться, как стал младшим сотрудником компании «Отори сёдзи», где ему платили как личному секретарю Куроки. Кадзуо положил в кошелек первое в жизни жалованье в самый пик цветения сакуры и отправился полюбоваться ею в университетский городок. Встреченная по пути однокурсница окликнула его, но он сделал вид, что не заметил. Он был увлечен новым для себя миром политики, и девушки уже не интересовали его так, как прежде.

Каждый день ездить из Ханно в Токио и обратно было неудобно, поэтому Кадзуо ночевал в студенческом общежитии вместе с другими помощниками Куроки. А когда стал получать зарплату, нашел комнату в частном пансионе в районе Сэтагая, где жил депутат. От пансиона до дома Куроки было минут пять пешком.

По возвращении Куроки в Токио все пошло как прежде. Кадзуо жил рядом, поэтому вечно занятая супруга депутата даже доверила ему ходить за покупками.

Однажды госпожа Куроки показала Кадзуо журнал со статьей о лекциях, с которыми выступал Дзюитиро, и спросила:

— Как я понимаю, это твой отец, да?

Кадзуо залился краской:

— Кто вам сказал?

— Мой муж. — Она выглядела озадаченной. — Разве он тебе ничего не говорил?

Кадзуо задело, что Куроки знал об отце, но не сказал ему ни слова. Что это? Презрение? Жалость? Или что-то другое?

«Веди себя, как все. Как самый заурядный человек, как бы неприятно тебе это ни было. Люди, стоящие выше других, обязаны поступать именно так. Это единственный способ защитить себя».

Отец, который в свое время дал сыну этот мудрый совет, теперь изображал из себя мученика за веру и стал для всех посмешищем. Конечно, Дзюитиро никому не раскрывал своего внеземного происхождения, но одного упоминания о летающих тарелках было достаточно, чтобы многие засомневались, не тронулся ли он умом.

«Пусть он и мой отец, он не смеет заставлять своего сына краснеть на людях», — злился Кадзуо. Сейчас их взгляды резко разошлись. У отца не были никакого права портить жизнь сыну.

Наивысшее блаженство, которое охватывает при появлении летающей тарелки. Мгновение исцеления расколотого мира. Ослепительное, искреннее чувство гармонии и единения… Конечно, такие ощущения трудно сохранять каждый

день, но, испытав их однажды, нелегко избавиться от убеждения, что мир должен быть именно таким. Вся семья Осуги была в этом единодушна. Стремление к высшей гармонии означало бесконечный поиск истоков, желание вернуться к началу всего. Их мечты осуществились бы, если бы это блаженство, похожее на росу, в которой купается фруктовый сад летним утром, наступало не только при появлении летающих тарелок, а продолжалось вечно, чтобы они могли радоваться истокам ежедневно.

Конечно, Кадзуо желал того же. Но выбранный им путь предполагал, что он будет как можно дольше скрывать свою тайну, погрузится в то, что люди называют реальностью, чтобы контролировать ее и очищать. Инструментом для этого должна стать политика.

Как только Кадзуо получит полную власть, он провозгласит Конституцию Вселенной, которая так долго согревала его сердце. Для поддержания на Земле постоянного мира необходимо создать жесткую международную полицейскую структуру, наделенную по этой Конституции почти неограниченными полномочиями.

Кадзуо мучился от стыда, думая, что беременность сестры, которую он очень жалел, — тоже

наказание за наивные взгляды отца на человеческую жизнь. Он ненавидел отца за то, что случилось с Акико.

После того как мать рассказала ему о беременности, он больше не мог смотреть сестре в глаза. Их веселые беззаботные пикировки остались в прошлом и никогда не повторятся. Кадзуо не знал, как теперь говорить с Акико.

Корень всех их несчастий лежал в возвышенном идеализме отца. Во всем были виноваты его выступающий нос, профессорские очки. Проблемы выросли из печальной тени его интеллектуального одиночества, которое завораживало окружающих. Как такой образ — печать одиночества на бледном лице — мог восхищать слушателей, когда он восторженно проповедовал о мире на Земле? Между прочим, это интеллектуальное одиночество, от которого Дзюитиро, по его же словам, отказался, он на самом деле перенял у людей.

Вернувшись в Токио, Куроки ничего не рассказал о поездке, но в одном еженедельном журнале сразу появилась статья об академии «Тантан». Прочитав статью, Кадзуо понял, зачем депутат ездил в Мияги. Заголовок гласил: «Проблемы в академии „Тантан“. Директор Куроки решает

вопрос с „общинными правами“». Статья была проиллюстрирована несколькими фотографиями. В ней говорилось:

> В связи с увеличением числа учеников и неожиданно щедрыми пожертвованиями от представителей финансовых кругов, Куроки в начале этого года приступил к расширению академии «Тантан» в Нанакитамуре. К зданию необходимо добавить пристройки, расчистить пустырь за двором, за счет чего территория увеличится почти на три тысячи *цубо*[62].
>
> Эта земля является государственной и находится в ведении префектуры Мияги. Куроки уже подал заявку на покупку участка, и ассамблея префектуры в ближайшее время намеревалась ее одобрить. Но некоторые обеспокоенные местные жители организовали движение, чтобы потребовать признания «общинных прав» на этот участок.
>
> Вопрос об «общинных правах» восходит к временам сёгуната Токугава, когда

[62] Примечания: 62

Три тысячи цубо — около 10 000 кв. м (1 цубо примерно равен 3,3 кв. м).

крестьяне вместо того, чтобы платить феодалам ежегодную подать, заготавливали на его землях сено или вырубали деревья. Позже практика общинных доходов превратилась в реальное право. Это произошло потому, что законодательная политика периода Мэйдзи ставила чиновников выше народа и не считала необходимым официально предоставлять такие права простым гражданам. После войны, начиная с тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года, когда Силы самообороны Японии решили устроить на восточном склоне Фудзи тренировочный лагерь, ситуация накалилась. В соответствии с веянием времени, «общинные права» стали рассматривать как разновидность традиционных демократических прав.

Куроки оказался в затруднительном положении, но, к счастью, он узнал, что в Сэндайском университете есть доцент Хагуро Масуми, который специализируется на «общинном праве». Куроки немедленно отправился в Сэндай и встретился с доцентом, чтобы узнать его мнение.

> Хагуро быстро изучил вопрос, проверил архивы. Благодаря своим исследованиям он хорошо знает местность, где располагается академия «Тантан», и нашел доказательства, опровергающие утверждения жителей деревни. Возмущенные местные жители ищут компромисс, и, похоже, вскоре будет заключено мировое соглашение. Куроки, удовлетворенный достигнутым результатом, вернулся в Токио. Перед отъездом, прощаясь с Хагуро на вокзале, Куроки крепко пожал ему руку и пообещал встретиться вновь. Они выглядели так, словно знакомы уже много лет…

Читая эту статью, Кадзуо интуитивно чувствовал в ней что-то подозрительное.

Он не мог избавиться от ощущения, что здесь скрывается какая-то хитрая манипуляция, направленная на то, чтобы этот небольшой инцидент и возникшая в результате дружба между Куроки и Хагуро казались естественными. Хотя, возможно, это всего лишь его домыслы, и все, что произошло, — просто совпадение. Но даже если так, Кадзуо хорошо помнил долгие поуче-

ния отца:

«Поэтому мы должны постоянно следить за тем, что происходит вокруг нас, и подмечать даже самые пустяковые на первый взгляд случайности. Я полагаю, что на Земле будет появляться все больше признаков мелких, незначительных случайностей и совпадений».

Есть ли какая-то связь между тем, что подсказывала Кадзуо интуиция, и странным поведением Куроки, когда ночью перед поездкой в Мияги он смотрел на звезды? Кадзуо не знал. Однако он никак не мог отделаться от впечатления, которое осталось у него от той ночи. Пытался отмахнуться от посетившей его тогда мысли, но возвращался к ней снова и снова, и в конце концов она засела глубоко в голове. В результате Куроки представлялся ему теперь в совершенно ином свете.

Когда Куроки вернулся в машину после того, как любовался небом, казалось, он не просто спешил вернуться на место. Он выглядел существом, которое ночью спустилось на этот маленький участок Земли, сложило крылья и как ни в чем не бывало поспешило к машине.

* * *

— Сегодня вечером из Сэндая приезжают господин Хагуро и двое его друзей. Тебе надо встретить их на вокзале и проводить в гостиницу «Огия». Завтра отвези их на дневной спектакль в театр «Кабукидза»[63]. После спектакля я буду ждать вас в Акасаке, устрою им прием. Господин Хагуро мне очень помог с академией в Мияги, и принять его нужно по высшему разряду. Поэтому я предложил ему приехать в Токио и пригласить столько друзей, сколько захочет.

Получив указания от Куроки, вечером Кадзуо отправился на вокзал Уэно, чтобы встретить гостей.

Увидев троих мужчин, выходивших из вагона первого класса, Кадзуо сразу догадался, кто из них Хагуро. Юноша держал в руке маленький флажок, на котором было написано: «Хагуро Масуми», чтобы тот понял, кто его встречает. Но Кадзуо вычислил его прежде, чем гость сошел на платформу. Болезненное телосложение, бледное лицо, очки в идеально круглой оправе, безвкус-

[63] Примечания: 63

«Кабукидза» — основная сценическая площадка театра кабуки, расположенная на Гиндзе в Токио.

ный костюм и галстук… Весь облик выдавал в нем доцента провинциального университета. Но Кадзуо с его острой интуицией уловил нечто поважнее. «Не слишком ли идеален этот образ провинциального доцента? Может, он не тот, за кого себя выдает? Не притворяется ли он, причем не только доцентом, но и человеком?»

Спутники Хагуро по виду не очень-то подходили ему в друзья. Один — крупный некрасивый парень, другой — толстый грубый мужчина средних лет. Все трое встали в ряд, словно экспонаты выставки неприглядного человеческого материала.

— Куроки-сан поручил мне вас встретить. Он увидится с вами завтра вечером. Позвольте проводить вас в гостиницу.

— Значит, ты Осуги…

Голос Хагуро как будто завис в воздухе. «Куроки сообщил мое имя этим провинциальным гостям», — удивился Кадзуо.

Он взял потрепанный саквояж Хагуро и пошел вперед, спиной чувствуя взгляды всех троих. Казалось, они пронзали шум вокзала и пристально следили за каждым движением Кадзуо.

В машине он тоже оказался спиной к гостям, поскольку сидел на пассажирском сиденье впе-

реди.

— Наверное, сейчас уже поздно смотреть, как цветет сакура в Икэнохате?[64] Жаль. Я пять лет не был в Токио, — сказал Хагуро.

Кадзуо глянул в зеркало заднего вида на этого усталого тощего человека с впалыми щеками. Мимо с двух сторон проплывали неоновые вывески, в районе Хирокодзи было еще многолюдно.

— В Токио столько народу. Нужно с этим разобраться, — заявил полный мужчина средних лет.

Тут его словно толкнули локтем, и он смолк. Дальше ехали почти в полном молчании до района Сиба, где в квартале Акэфунэхо-мати находилась гостиница.

* * *

На следующее утро Кадзуо пораньше заехал за гостями, чтобы отвезти их в театр. Куроки рассказал, что выступление Дандзюро Одиннадцатого в «Кабукидза» в этом месяце ознаменовало при-

[64] Примечания: 64

Икэнохата — район в северо-восточной части Токио, где находится живописный парк Уэно, одно из популярных мест во время праздника Ханами (любования цветущей сакурой).

нятие наследственного сценического имени[65], и он воспользовался своим положением, чтобы достать билеты.

У них были места в ложе на третьем ярусе с западной стороны. Трое приезжих вели себя невоспитанно — сразу было видно, что прежде они не ходили в театр. Даже когда началась пьеса «Всего лишь мгновение»[66], никто из них не проявил интереса: их внимание привлекала публика, а не сцена. Лишь один раз во время исполнения «Свитка пожертвований»[67] они с любопытством перегнулись через низкие перила ложи, чтобы посмотреть, как новая звезда из актерской династии Дандзюро знаменитым летящим шагом проходит по *ханамити*[68] прямо перед ними. В заключение представляли новую

---

[65] Примечания: 65

В театре кабуки существует несколько старейших актерских династий, в которых, согласно традиции, сценические имена передаются по наследству актеру-сыну или усыновленному ученику. Дандзюро — одна из ветвей актерской династии Итикава, насчитывающей одиннадцать поколений.

[66] Примечания: 66

«Всего лишь мгновение» («Сибараку») — пьеса из репертуара кабуки, одна из знаменитых «Восемнадцати великих пьес», отличается яркими драматическими костюмами и гримом.

[67] Примечания: 67

«Свиток пожертвований» («Кандзинтё») — одна из самых известных в японской театральной традиции пьес, описывающих историю одного из любимейших в Японии исторических персонажей, доблестного

воина XII века Минамото-но Ёсицунэ.

[68] Примечания: 68

Ханамити («дорога цветов) — в театре кабуки продолжение пространства сцены, узкий помост перпендикулярно к ней. По *ханамити* актеры выходят к публике и уходят за кулисы; также здесь происходят важнейшие сцены спектакля.

пьесу Юкио Мисимы «Сеть любви продавца сардин»[69]. Доцент заявил, что смотреть ее не стоит, поскольку это не пьеса, а роман. Его спутники тут же согласились.

— Осуги-кун, как насчет того, чтобы пройтись по Гиндзе? До встречи с господином Куроки еще много времени.

После того как Кадзуо провел с гостями Куроки полдня, Хагуро заговорил с ним грубо и фамильярно, как со своими студентами.

* * *

Был ясный весенний день, и в толчее на Гиндзе все время что-то происходило.

— Тут особо не помедитируешь, да, профессор? — спросил возвышавшийся над толпой молодой здоровяк.

— Как хорошо, что я познакомился с Куроки. Это наконец открыло нам дорогу. Я знал, что однажды встречу кого-нибудь *оттуда же*, — уклончиво ответил Хагуро.

— Глядите, какие шикарные розы продают в То-

[69] Примечания: 69

«Сеть любви продавца сардин» («Ивасиури кои-но хикиами») — комедийная пьеса, написанная Юкио Мисимой для театра кабуки в 1954 году.

кио. Надо же! У богачей шальные деньги, вот они и покупают. Готов поспорить, все эти артисты живут, утопая в таких розах.

— Откуда ты знаешь? Конечно, если в гробу, тогда другое дело.

Постепенно все трое перестали стесняться говорить загадками в присутствии Кадзуо.

За последний месяц он привык к общению с гостями из провинции, но с этими людьми чувствовал себя не в своей тарелке. Пробираясь сквозь толпу людей в яркой весенней одежде, Кадзуо представлял, что их маленькая группа идет днем по тропинке через поле и вокруг ни души. Иногда уличный шум в его ушах внезапно обрывался, и он слышал только далекое жужжание бесчисленных мух.

— Может, зайдем в кафе? Там красивые официантки, — предложил он, не в силах продолжать эту прогулку.

— Что ж, пожалуй, — согласился доцент.

Они устроились в отдельной комнате с приглушенным освещением, и неулыбчивая красавица неловко поставила перед ними кофе. Трое гостей выглядели недовольными. Молодой здоровяк проводил ее сердитым взглядом, второй приятель Хагуро с неприятным интересом смотрел

удалявшейся девушке в затылок.

Громко прихлебывая кофе, Хагуро повернулся к Кадзуо и с улыбкой спросил:

— Мы только вчера познакомились, так что извини за вопрос. Ты ведь сын Осуги Дзюитиро?

— Да, — ответил Кадзуо, подумав, что Хагуро, возможно, познакомился с отцом, когда тот преподавал в школе.

— Недавно я читал в журналах о том, чем занимается твой отец. Очень интересно.

— Отец — это отец, а я — это я! — с раздражением воскликнул Кадзуо.

— Вся молодежь так говорит. Это нормально. Иначе и быть не может.

Разговор резко оборвался, трое гостей погрузились в заговорщическое молчание, чем-то напоминая навостривших уши кошек.

Не сводя глаз с Кадзуо, Хагуро спокойно продолжил:

— Я вот что хочу спросить… Твой отец, случаем, не инопланетянин?

8

Глаза Кадзуо беспокойно забегали; он пытался понять истинный смысл вопроса Хагуро. Казалось, тот спрашивает из простого любопытства, но вдруг за его безразличным видом скрывается серьезный интерес?

В любом случае, это касалось тайны не только отца, но и, что важнее, всей их семьи. В тоне Хагуро не было насмешки, и вкупе со странным мрачноватым настроением за столиком это спасло Кадзуо от унизительного гнева, в который он обычно впадал. Наконец он взял себя в руки настолько, чтобы спокойно ответить на вопрос:

— А, вот вы о чем. Папа в последнее время немного на этом подвинулся. Я понятия не имею, о чем он думает.

Его небрежный ответ пресек развитие темы. Вскоре настало время ехать в ресторан, и Кадзуо отвез гостей в Акасаку.

Обычно на этом его обязанности заканчивались. Он ни разу не бывал на банкетах и встречах, которые устраивал Куроки, и гостей отправляли в гостиницы на арендованных машинах.

— На этом разрешите откланяться, — сказал Кадзуо перед входом в ресторан.

Хагуро попросил его немного подождать. Трое гостей вошли внутрь, а из прихожей появилась девушка и передала юноше слова Куроки:

— Господин Куроки просит вас поужинать в ресторане «Эдоя», это неподалеку, и подождать его там. Сказал, что потом у него к вам еще какое-то дело и он пошлет меня за вами.

Кадзуо не оставалось ничего другого, как поужинать одному в ресторане, расположенном в центре увеселительного квартала. Он знал, что ближе к ночи здесь будет не протолкнуться от гейш, но пока за столиками сидело всего несколько неприметных посетителей и сотрудники местной телекомпании, собравшиеся обсудить дела. Большинство столов, накрытых белыми скатертями, пустовало. Кадзуо заказал тушеную говядину и кружку пива «Лёвенбрау».

Сердце Кадзуо сжималось от непонятной тревоги. С той минуты, как он увидел Хагуро на вокзале, обычное невыразимое спокойствие, которое он испытывал среди людей, покинуло его. Чувство, что он другой и не несет никакой ответственности, даже подчиняясь, пусть и временно, законам этого мира, давало ощущение непередаваемого

комфорта, подобного погружению в теплую ванну. Но при появлении Хагуро этот комфорт, это спокойствие мгновенно исчезли.

От этого человека и его спутников в лицо Кадзуо словно дул холодный ядовитый ветер, прилетевший откуда-то издалека. Он не понимал, что это означает. Ясно было одно: прежде ни в чьем присутствии он не испытывал ничего подобного.

Посланница Куроки все не приходила. Поев, Кадзуо остался сидеть за столом, опираясь на него локтями. Он массировал потный лоб и размышлял. Кадзуо был почти уверен, что раньше уже чувствовал такой неприятный внеземной запах. Той ночью, когда Куроки рассматривал звездное небо, Кадзуо показалось, что в пространстве между сверкающими звездами стелился едкий злой туман. Все звезды по-прежнему находились на своих местах, но при этом будто собирались в иные созвездия, предвещавшие что-то плохое. Это была лишь мимолетная мысль, которую он почти сразу забыл.

Поразмыслив, Кадзуо выдвинул гипотезу. Среди инопланетян, временно проживающих на Земле, были и другие виды, полностью отличные от семьи Осуги. Представители одного вида могли легко узнавать друг друга, но из-за темной пеле-

ны, застилающей им глаза, были не в состоянии распознать другие виды.

Если Кадзуо их видел, а они его нет, он, конечно, должен скрывать свои инопланетные корни, но при этом делать вид, что не заметил внеземного происхождения Куроки и троих из Сэндая. Это лучший способ защитить себя.

Полной уверенности у него не было, но различия между видами инопланетян он улавливал отчетливее, и это давало ему преимущество. Кадзуо понимал, что перед новыми знакомыми скрывать свое превосходство надо еще тщательнее, чем перед людьми. Возможно, у инопланетян зависть принимает более острые формы.

Изучая человеческую политику, Кадзуо понял, что столкнулся с новой политической реальностью и сущность этой реальности невероятно сложна и запутанна. Женщины для него были открытой книгой, тогда как политика — темным лесом. Разумеется, кое-что он понимал, но держал эти мысли при себе. Он понимал, что его используют в каких-то целях, и должен был притворяться, что эти цели ему известны. Чтобы скрыть свои знания, хватало улыбки, но когда нужно было скрывать то, чего он не знал, ему приходилось размахивать дубинкой. Кадзуо

чувствовал, что дело близится к развязке, и нетерпеливо ждал этого момента, который вызревал из обмана, как великолепный сладкий фрукт.

«Просто до сих пор я этого не замечал. В нем нет ничего человеческого. Трудно поверить, но какой-то неведомый инопланетянин учит меня, как все устроено у людей».

С этой мыслью Кадзуо допил остатки давно остывшего кофе.

Стеклянная дверь ресторана отворилась, и на пороге появилась та самая девушка. Она перекинулась парой слов с молодым официантом, с которым явно была знакома, и подошла к Кадзуо:

— Извините, что так долго. Господин Куроки просит, чтобы вы немедленно пришли. Бедняга, вам приходится опекать таких неотесанных гостей.

Она взмахнула рукавом кимоно, словно разгоняя воздух вокруг себя. Этот легкий непринужденный жест не сочетался с ее пухлым белым лицом, на котором резко выделялись высокие дуги бровей. До ресторана, где Куроки принимал гостей, было полквартала. Девушка всю дорогу сторонилась автомобилей и шла вдоль стен домов, как кошка. Кадзуо шагал впереди и часто

слышал ее неуместные оклики: «Осторожно, машина!»

* * *

Куроки был пьян, говорил громко, и казалось, что его высокопарные слова гулко падают на свежие зеленые *татами* с изящной парчовой каймой:

— Молодец, что пришел. Вот оно, новое поколение, наша надежда! — Он повернулся к Хагуро и продолжил: — Хагуро-сан, он отличный парень. Токио тоже изменился. И главная перемена — появились новые хорошие ребята. Чистые, старательные, скромные.

— Я всего день его знаю, но тоже так думаю. А вот в Сэндае студенты ленивые, но при этом слишком самоуверенные. Очень жаль.

Даже поддакивая Куроки, Хагуро критиковал своих далеких учеников, которые были о нем невысокого мнения.

Они сидели в традиционной японской комнате площадью около двенадцати *татами*. Горели свечи, и было светло как днем. Гостей развлекали пять гейш, и не успел Кадзуо сесть, как одна из них подошла и налила ему сакэ. Кадзуо впервые оказался в окружении гейш. Эти женщины знали

себе цену; их набеленные щеки сияли при свете свечей. Каждый их жест был похож на танец, руки с плавным изяществом рассекали воздух.

«Они совсем не похожи на людей. Или это люди, пытающиеся превратиться в инопланетян», — размышлял Кадзуо.

— Наш новый гость еще несовершеннолетний, не так ли? — сказала немолодая гейша, стоявшая возле Кадзуо. — Не будет ли у меня неприятностей с законом, если я предложу ему выпить? Может быть, ограничимся невинным флиртом?

Не обращая ни на кого внимания, Куроки начал один из своих обычных длинных монологов:

— Настоящая причина, из-за которой я пригласил тебя сюда, связана с твоим отцом.

«Ну вот, началось», — подумал Кадзуо.

— Еще до встречи с Хагуро-сан я долго обдумывал этот вопрос. Хагуро-сан тоже над ним поработал, и мы много говорили на эту тему. К сожалению, я все еще не могу высказаться так ясно, как хотелось бы, но есть серьезные подозрения насчет движения за мир во всем в мире, в котором участвует твой отец. Подозрения политического свойства. Понимаешь, если твой отец пропагандирует это движение, не будучи инопланетянином, это подкрепляет подозрения.

Если же он инопланетное существо, то он не осознает, какой опасности себя подвергает. В первом случае ничем помочь нельзя, а вот во втором… Я привлеку слишком много внимания, если приеду к вам в Ханно, поэтому Хагуро-сан любезно согласился помочь и поговорить с твоим отцом от моего имени. Мы очень беспокоимся о тебе, о твоем отце, обо всей вашей семье. Поэтому я хочу, чтобы ты сейчас рассказал о тайне происхождения твоего отца.

Кадзуо хранил молчание. Он прекрасно понимал, что находится в выгодном положении, — козырная карта была у него.

Гости из Сэндая смотрели на него пристально и сурово. Кадзуо чувствовал, что Куроки жаждет получить ответ, поэтому сдержанно произнес:

— Я прекрасно вас понимаю. Но мне кажется, вы исходите из того, что я любящий сын, и взываете к моему чувству сыновнего долга. А что, если я не испытываю никакой привязанности к родителям? В таком случае мне будет все равно, если отец окажется под политическим подозрением.

— Интересно, — парировал Куроки. — Получается, что у вас с отцом разные жизненные пути и вы не ладите? Если так, значит, ты человек, а твой отец…

— Мне нечего сказать, — отрезал Кадзуо.

В комнате повисла необычайно тяжелая тишина. Гейши смотрели широко раскрытыми глазами и растерянно сжимали в руках бутылочки сакэ. Гости из Сэндая не сводили глаз с Кадзуо, боясь пропустить малейшую перемену в его лице. Некрасивый здоровяк даже слегка вздрагивал.

«Эта тайна будет дорого стоить!» — мысленно воскликнул Кадзуо. Он думал, что само слово «инопланетянин» вызывает лишь глупое хихиканье, но ошибся. В этом вопросе оказался прав его слабовольный отец.

Теперь, когда со слова «инопланетянин» сошел налет комичности, оно обрело невероятно высокий и загадочный статус. Это слово в одно мгновение вернуло былое великолепие и превратилось в невидимую корону, стоящую на черном лакированном столике. Вокруг него столпились политика, экономика, академизм. Через авторитет Куроки это слово проникло во все уголки человеческой жизни — в хлеб, в цветы, леденцы, велосипеды, швейные машинки, кошек и тараканов.

И вот он, бледный юноша с посредственным интеллектом, оказался втянут в игру могучих сил. Букетик фиалок на девичьей груди превра-

тился в грозное оружие в борьбе за власть… Что же произошло? Все здравые и благородные идеи, над которыми люди так усердно трудились и которые разложили по ящикам, вдруг прямо на его глазах перевернулись с ног на голову.

Даже инопланетянин, такой как Кадзуо, был не в силах понять причину столь внезапной трансформации. А где-то мерцали бесчисленные звезды…

Перед мысленным взором Кадзуо возник нос отца, холодный, изящный, с высокой переносицей. «Что за нелепый у тебя нос! Глупее не придумаешь. Я сделаю из твоего стариковского носа настоящую трагедию. Ты сам этого хочешь». Он направил на отца отвращение, которое всегда испытывал к своему невыразительному и слишком доверчивому лицу. Кадзуо собирался преувеличить значимость отцовской тайны, чтобы продать ее как можно дороже, и тем самым торжественно предавал его.

Кадзуо протянул гейше пустую чашечку. Она удивилась просьбе юноши, но быстро наполнила чашечку до краев, не пролив ни капли бледно-желтого сакэ. Кадзуо выпил залпом, как это делают обыкновенные земные парни, и пылко произнес:

— Даже если я плохой сын, мне все равно нужна смелость, чтобы раскрыть важный секрет отца, хотя это и позор в глазах общества. Хорошо, Куроки-сан, я расскажу, но только если вы согласитесь на два условия. Во-первых, вы немедленно назначите меня своим официальным секретарем. И во-вторых, когда в будущем я буду баллотироваться в парламент, вы уступите мне свой избирательный округ. Если принимаете мои условия, я буду говорить.

— Ого! Не многовато ли просишь? — уперся Куроки. — Но хорошо, пусть будет по-твоему.

— Значит, договорились?

— Да. С завтрашнего дня станешь моей правой рукой. Что касается избирательного округа, напишу бумагу позже.

— Хорошо. Тогда я расскажу. Да, мой отец инопланетянин. Об этом знает только семья. Он… прибыл с Марса.

Кадзуо не сводил глаз с Куроки, в то время как трое гостей, вызывавшие у него отвращение, переглянулись, пошептались о чем-то, и один из них тихо произнес:

— Вон оно как…

Уловив, что обстановка разрядилась, гейши принялись быстро наполнять чашечки сакэ. Для

Кадзуо эта суета звучала, как фейерверк посреди бела дня. Шум отражался от клубов полупрозрачного желтоватого дыма, проникал в мозг и нехотя там оседал.

— Куроки-сан! — громко спросил Кадзуо, как будто только что пришел в себя. — Правильно я понимаю, что вы обратили на меня внимание лишь потому, что я сын человека, который вас интересовал с самого начала?

— Не глупи! Просто ты парень с будущим. Не выношу левых из Всеяпонской студенческой федерации. И ультраправых тоже. Я вижу в тебе человека, который в дальнейшем может взять на себя ответственность за страну, — искренне ответил Куроки.

* * *

Семнадцатое апреля выдалось на редкость солнечным. В доме Осуги поужинали еще до наступления темноты. Отец и мать вместе с Акико сидели в ее комнате на втором этаже и любовались весенним закатом — окна здесь выходили на запад.

После возвращения из Канадзавы Дзюитиро обращался с Акико еще мягче. Хотя она носила в себе новую жизнь, ему казалось, что он заботится

о человеке, который близок к смерти. Решив оставить ребенка, Акико бросила учебу, заперлась дома и посвятила себя работе в Обществе вселенской дружбы. О Кадзуо, который теперь редко появлялся дома, они не говорили и редкими минутами общения после ужина наслаждались втроем.

После того как Дзюитиро сбивчиво рассказал о том, что узнал в Канадзаве, тошнота у Акико прекратилась, тревожность рассеялась. В глазах отца спокойствие на лице дочери, ее походка, движения с каждым днем добавляли ей святости. Ее красота, прежде холодная, полная кристального презрения, теперь была пронизана томным безмятежным теплом, как полноводное озеро, омывающее траву на берегу. Ее нежное лицо и каждое слово будто светились далеким сакральным смыслом, неспособным ранить душу. Теперь Акико много смеялась. Но, прислушиваясь к ее смеху, Дзюитиро улавливал чистые и печальные отголоски, приводившие его сердце в трепет.

Солнце постепенно скрывалось за блеклыми улицами Ханно. Родители и дочь облокотились на перила веранды и смотрели на запад, любуясь закатом, который мог стать последним в бесчисленной череде заходов солнца. Светило

растворялось в вечерних облаках, затмеваемое туманными лирическими вздохами людей на Земле.

Акико рассеянно листала книгу о небесных мифах и легендах, которую отец порекомендовал ей для подготовки к родам. Дзюитиро с презрением относился к земной астрономии, переполненной неточностями, но верил, что изображения, в прошлом предоставленные инопланетянами, легли в основу мифов и легенд. Акико понравилась легенда американских индейцев о звездной деве, где упоминались звезды из созвездия Короны[70]. Охотник по имени Белый Ястреб увидел двенадцать прекрасных сестер, спустившихся с неба в большой серебряной корзине, и влюбился в одну из них. Девушка стала его женой, но вскоре затосковала о своей небесной обители и, превратившись в звезду, вернулась домой.

Иёко беспокоилась, что ее брошенная мужчиной дочь, баюкая на руках новорожденного ребенка, может погрузиться в мечты, навеянные этой сказкой. Акико обманул человек, и ей стоило больше узнать о том, что представляют собой люди. Но муж категорически запретил ей

---

[70] Примечания: 70

Имеется в виду сказка североамериканского племени оджибве «Чудесное кольцо».

говорить с дочерью на эту тему, поэтому Иёко не могла дать ей совет.

С другой стороны, годы совместной жизни приучили ее не беспокоиться о муже. За последнее время Дзюитиро очень похудел, что неудивительно, учитывая, сколько работы и забот на него свалилось.

— Папа, ты стал очень привередлив в еде, — вдруг звонко сказала Акико.

— Пожалуй, я устал от земной еды.

— Ерунда какая! — сказал Иёко, заподозрившая мужа в том, что он умаляет ее кулинарные способности. — Земля — планета, где вкусной еды в изобилии.

— Не в этом дело. Постепенно я вспоминаю неописуемо сладкую небесную пищу, и это отвращает меня от пищи земной. Я говорю о белой, сухой, ароматной еде, похожей на цветочные лепестки. Она падала с неба по ночам и повисала на ветвях деревьев. Одного лепестка хватало, чтобы вернуть бодрость, а трех хватало для насыщения. Из чего же они были сделаны?.. Марсиане никогда не готовили еду, в палисадниках перед домами выращивали огоньки, вроде маленьких красных цветов на клумбах, просто для красоты. Такие цветы опасны: если дотронуться до них,

можно обжечься. Мы называли эти огоньки проворными красными шипами. Но если поднести к ним блюдце с маслом, милые цветочки весело взлетали на него, как ручные воробьи. Они были готовы следовать за нами куда угодно.

Солнце почти скрылось, и пустые улицы внизу наполнялись велосипедными звонками, криками играющих детей, которых матери никак не могли зазвать домой, звуками рожка продавца тофу, воем электропилы на лесопилке за перекрестком, где шла сверхурочная работа, песнями, доносившимися из включенных телевизоров. В весеннем воздухе шум вечернего города звучал приглушенно, словно обернутый фланелью. На этом фоне выделялась только высохшая до белизны пыльная дорога.

В этот момент со стороны храма Инари раздался скрип тормозов. Из окна была видна только часть остановившегося там блестящего черного автомобиля. Из него вышли трое мужчин, встали рядом и принялись обсуждать что-то, разглядывая большой лист бумаги, похожий на карту. Один из них был худой, другой — коренастый и крепкий, третий — очень высокий. В конце концов они направились к дому Дзюитиро. Их мрачные лица четко различались в сумерках

угасающего дня.

От одного взгляда на этих людей Дзюитиро побледнел. Его глаза широко раскрылись от страха, пальцы, вцепившиеся в оконную раму, задрожали. Силы покинули его, худые плечи поникли.

— Папа, что случилось?

— Какой кошмар! Это ужасно! Я боялся, что однажды такое произойдет!

* * *

Трое приезжих из Сэндая ждали в гостиной и шепотом злословили.

— Ну что тут скажешь? Можно подумать, мы попали в дом какой-то местной знаменитости. В Сэндае тоже таких хватает. Но в такие обшарпанные комнаты приглашают гостей только в очень богатых семьях. Они же скрывают свое богатство. После лекций хозяин наверняка неплохо нажился на взносах почитателей… Но встретиться согласился, и это хорошо. Похоже, звание на моей визитке сработало, — сказал вечный доцент.

— Если пустить все на самотек, он точно прославится. Надо пресечь это на корню, пока не поздно, — заявил парикмахер.

— Кадзуо говорил, что у него есть младшая сест-

ра. Интересно, что за штучка? Если я пересплю с ней, наверняка она покончит с собой. Но судя по нескладной мамаше, которая нас встретила в прихожей, рассчитывать особо не на что, — высказался банковский клерк, который взял несколько дней отпуска, чтобы поехать в Токио.

Дверь отворилась, и появился Дзюитиро в шелковом кимоно стального цвета с узорами в форме шестиугольников. Его изможденное бледное лицо поразило непрошеных визитеров. Очки на носу с высокой переносицей, через которые он рассматривал посетителей, тускло поблескивали, как лужицы воды в лунную ночь. Он сел в кресло, взял из серебряного портсигара на столе сигарету и придвинул портсигар к гостям.

— У вас ко мне какое-то дело? — тихо спросил Дзюитиро.

— Ничего особенного. Вряд ли даже можно назвать цель нашего визита делом, — вежливо ответил доцент. Его потрясло, что Дзюитиро выглядел таким же изнуренным, как он сам. Хагуро пришло в голову, что каждый из них надеялся, что сможет избавиться от этой усталости. — Просто вы человек очень известный, у нас в Сэндае в том числе, поэтому нам хотелось поговорить с вами.

В дверь постучали — Акико принесла чай и сладости. При виде дочери Дзюитиро у всех троих перехватило дыхание — настолько она была хороша в своем черном платье. Едва она вышла, Курита произнес:

— Полагаю, ваша дочь человек. Такая нечеловеческая красота бывает только у людей.

— Все верно. Моя дочь человек. — Дзюитиро впервые улыбнулся. Он уже догадался, зачем явились незваные гости, и, успокоенный тем, что они ошиблись с выводами, без труда разыграл свой козырь. — В этом она от меня отличается.

— Вы сразу перешли к делу, это облегчает разговор. — Доцент глотнул чаю и сжал губы. — В конце концов, мы пришли, чтобы вместе, как соратники-инопланетяне, подумать, что делать с людьми. Кстати, Осуги-сан, вы ведь прибыли с Марса?

— Ах, вам и это известно! А вы?

Парикмахер отбарабанил ответ, будто выучил его наизусть:

— Мы с неизвестной планеты из системы Шестьдесят первой Лебедя.

— Лебедь… Не самое благоприятное место.

— Ну, с человеческой точки зрения не такое уж неблагоприятное, — мрачно усмехнулся

доцент. — Мы прибыли, чтобы принести человечеству истинный покой.

— Вы проделали долгий путь, чтобы помочь. Очень благородно с вашей стороны, — ответил Дзюитиро. — Но не лучше ли предоставить Солнечной системе самой решать свои проблемы?

— Это будет весьма прискорбно для людей. Из любви к человечеству мы не хотим, чтобы оно продолжало вести себя так безрассудно. В отличие от вас, мы не ставим невыполнимые условия и не хотим сохранять его любой ценой.

— Невыполнимые условия — это что?

— Например, этот «мир», о котором вы говорите. Впрочем, сразу перейду к делу и буду с вами откровенен. Давайте сегодня вечером просто поразмышляем о человечестве и обсудим, как с ним поступить? А выводы и потом не поздно сделать.

— И потом не поздно… — тихо повторил Дзюитиро.

В наступившей тишине его голос взлетел к необычайно высокому для небольшой гостиной потолку, где вокруг молочно-белого абажура, на котором с прошлого лета чернели прилипшие останки насекомых, мягко клубился дым от сигарет пришельцев.

— Я много размышлял над недостатками и

пороками людей, перед тем как составить мнение о них, — заговорил доцент сдержанным тоном ученого-исследователя. — У людей есть три роковых недостатка, которые еще можно назвать роковыми болезнями. По-немецки это называется *Sorge* — забота, беспокойство, тревога. Беспокойство о вещах и обстоятельствах, беспокойство о людях и беспокойство о Боге. Если бы человечество могло отбросить эти заботы, оно, возможно, сумело бы избежать гибели. Но, насколько я могу судить, эти три недуга неизлечимы… Поговорим о том, как возникают эти болезненные состояния. Во-первых, беспокойство о вещах. С детства люди бережно хранят гнутые гвозди, оторванные кнопки и пуговицы, красивые камешки и прочие пустяки. Когда они идут в школу, у них появляется интерес к пеналам, ранцам, ластикам, бейсбольным перчаткам, игрушечным лазерным пистолетам и так далее. Взрослые переключаются на автомобили, одежду, революции в других странах. Женившись, переходят к трубкам, газонокосилкам, канцелярским принадлежностям, которыми каждый день пользуются на работе, а главное — к деньгам и ценным бумагам. Для того, что называется человеческой жизнью, требуется множество вещей.

Подумайте, сколько пустых коробок, тесемок и кисточек скапливается у замужней женщины. Пресытившись вещами, от которых есть хоть какая-то практическая польза, люди начинают коллекционировать произведения искусства и антиквариат. Или же у них в разной форме проявляется любовь к природе. Для людей даже природа со всей флорой и фауной — это своего рода вещь… Самые любимые вещи после смерти человека кладут вместе с ним в гроб и сжигают. А большинство вещей, к которым умерший проявлял интерес, продолжают существовать и после его смерти. Таким образом, нравится нам это или нет, приходится признать, что вещи, которыми люди дорожили и пользовались, живут дольше владельцев. Конечно, многие вещи используют каждый день, они выходят из строя, и, хотя людей постоянно окружают вещи с ограниченным сроком жизни, люди умирают, так и не увидев, как этим предметам приходит конец. Честно говоря, концентрационные лагеря нацистов показали, что единственная материальная ценность, которую можно получить от человека, — это мыло, щетки и, в лучшем случае, абажуры для ламп. Ни один человек после смерти не способен превратиться хотя бы в электрический вентилятор…

Понимаете? Я описываю не только материальные свойства Земли как небесного тела, но и триумф неорганической материи. Люди любят собираться в группы, но они не могут избавиться от бессознательного чувства одиночества, рожденного из понимания того, что «жизнь» — просто исключение, подтверждающее космические правила. Люди особенно привязаны к предметам, к неорганической материи. Золотые монеты и драгоценности олицетворяют собой холодное бездушие, противоположное человеческой жизни и жизненной силе; тем не менее люди посвящают себя лихорадочной погоне за этими вещами, придавая им свойственные человеку цвета и дурные запахи. Вскоре люди привыкают к вещам, начинают получать от них удовольствие и даже обнаруживают нечто человеческое в движении и порядке вещей. Идет ли речь об органической материи, о живой кошке, о происшествии, случившемся по вине человека, или даже о самом человеке, обрести душевный покой можно, лишь определив свойства объектов. Это происходит потому, что определенные свойства, приписанные вещам, показывают их бренность и создают видимость «счастья», в котором смешиваются представления человека о постоянстве и его

воля… Таким образом, человеческая тревога по поводу вещей сводится к постоянному желанию избежать необратимости времени. Джентльмен с любимым зонтиком, купленным тридцать лет назад в Лондоне, или женщина в модном купальнике этого лета. Тридцать лет или один месяц люди чувствуют себя спокойно, привязываясь к материальному воплощению времени… По сути, попытки человека контролировать материальное в итоге всегда оканчивались победой материального. Если бы это было не так, разве осталось бы на Земле столько отвратительных памятников, зданий и гробниц из камня, бронзы и железа? В довершение всего люди смогли частично изучить природу материи и открыли ядерную энергию. Водородная бомба — самое парадоксальное достижение людей, и сейчас они называют эту опасную вещь вершиной «человеческой» мысли… Нет необходимости подробно объяснять, как возникла это извращенная идея. Постоянное беспокойство людей о материальном привело к тому, что они до такой степени подражают внешнему виду вещей, что стремятся превратить в вещи даже самих себя и человеческие отношения. Им кажется, что лишь так они будут счастливы. Приведу один пример. В

наши дни самая прекрасная дружба — между человеком и собакой, тогда как отношения между людьми сведены к общению в разных комитетах и комиссиях. С другой стороны, водородная бомба представляет собой окончательную форму человечества. Это происходит потому, что современные люди, похоже, утратили способность к подражанию, и каждый человек в современном мире вынашивает заведомо безнадежные мечты о том, как все должно быть… Эта бомба обладает исключительной, сокрушительной, колоссальной, неизмеримой мощью, а также одной простой, самой современной и самой интеллектуальной целью. Это разрушение. Другой цели у нее нет. Она живет лишь настоящим, здесь и сейчас, не принадлежит прошлому или будущему и, что самое главное, — прекрасна, как фейерверк. Идеальная форма для «человеческой» мысли. Ее единственная цель — разрушение всех и каждого. Похоже на куплет из красивой песни, правда? Ее единственная цель — уничтожение всех и каждого… В какой-то момент люди не устоят перед желанием поцеловать этот образ воплощенного человечества. Поскольку результат необратим, они будут вечно танцевать вокруг него. Однако неизбежно наступит время, когда они не смогут

удержаться и захотят поцеловать ногу этого «человека». Позвольте пояснить. В какой-то момент люди неизбежно прижмутся губами к этой ноге. Одно прикосновение губ к закрепленной на ней изящной кнопке легко отправит водородную боеголовку в утреннее небо. Ах, снова эти кнопки. Человек и кнопка. Идеальная сущность! Может быть, та самая оторвавшаяся кнопка, которую человек бережно хранил с детства… Но это еще не все. Некоторые сентиментальные гуманисты склонны до самого конца относиться к водородной бомбе как к «вещи». У людей не все в порядке с головой, поэтому они не исключают, что, если постараться, даже этого «последнего человека» можно считать вещью. В конце концов, люди всегда так поступали. Но есть одна проблема — водородная бомба все еще остается незавершенной вещью. Люди могут гарантировать себе счастье, только если живут среди вещей завершенных. В этом вопросе меньше всех готовы к компромиссу те самые гуманисты, тем более когда речь заходит об их любимых курительных трубках и спортивных пиджаках с кожаными заплатами на локтях. В какой-то момент эти люди непременно признают водородную бомбу завершенной вещью. Что я имею в виду под завершенностью?

Просто нажатие на кнопку.

Дзюитиро сидел молча, с отвращением опустив голову, зато парикмахер зааплодировал Хагуро, хлопая своими потными ладонями.

— Вы совершенно правы, профессор. Например, почему я дорожу своей женой и детьми, люблю свою замечательную семью? Потому что я инопланетянин. Будь я человеком, все сложилось бы иначе. Всем известно, что люди, особенно из богатых и знаменитых семей, холодны и безразличны; мужчины, соблазняя женщин, относятся к ним как к вещам. Они говорят, что женщины на это клюют. Ниже падать некуда. Но, даже соблазняя женщину, надо уважать ее как человека, относиться к ней с теплом и любовью. Мне, конечно, не до того, времени нет, мое дело — жена и дети.

Хагуро оставил без внимания рассуждения приятеля и продолжил:

— Второе — беспокойство о людях. Считается, что непосредственным проявлением этой болезни является сексуальное влечение. Однако источник человеческого беспокойства — совсем не плотские желания. На самом деле оно позволяет заглянуть в сумеречный мир между размножением и разрушением… Ладно, отложим

человеческую похоть в сторону. Меня поражает, что люди с рассвета до заката интересуются себе подобными. Почему? Зачем? Каждое утро газеты пестрят человеческими историями, в телевизоре люди так и мелькают. Везде люди, люди… Когда на экране случайно появляется какое-то животное, им сразу приписывают человеческие черты, чтобы сделать привлекательнее. Люди говорят только о людях. Даже когда речь заходит о природных явлениях вроде землетрясений, цунами или цветения сакуры, разговор всегда сводится к прибылям и убыткам для людей. И ничто не радует людей больше, чем разговоры о чьей-то смерти или убийстве… Таким образом, всеобщий неподдельный интерес вызывают лишь человеческие проблемы. Астрономия, математика, физика, химия… Все это остается уделом горстки специалистов, а массы вовсе не увлекает. Когда же дело касается «политики», которая так возбуждает массы, то в какую бы теорию или форму ее ни облекли, это все люди, люди и люди, от начала и до конца… Например, представим банкет, где гости получают удовольствие от взаимной заинтересованности друг в друге. Льются речи, идет обмен эмоциями, все довольны и счастливы. Возникает ощущение, что все они старые

друзья с самого начала времен, как будто все слилось вместе и все у них общее. Но тем временем угощение, которое они берут с одних и тех же тарелок, и вино, наливаемое из одних и тех же бутылок, проходят через непроглядную мглу пищевода каждого человека и опускаются в мрачные глубины желудка. Процесс пищеварения у всех индивидуален, не связан с пищеводами и желудками других людей. Предположим, за столом собралось восемь человек. Значит, есть восемь выделительных систем, невидимых при ярком свете свечей, и у каждой системы свои темные проводящие каналы… Другой пример. Произошла авария. На асфальте лежит молодая женщина, ее бедра обнажены. Ночь. Идет дождь. Его капли смешиваются с кровью, струящейся по бедру женщины, из-за чего кажется, что на ней новые колготки в красную сеточку.

— Точно! Вы правы! Все люди — это фонтаны крови. Если фонтан не выбрасывает кровь при жизни человека, значит он сломался и иссяк. Голуби подлетают к людям в поисках фонтана и улетают разочарованные. Даже милые белоснежные голуби любят окрашивать крылья красной кровью! — взволнованно перебил Хагуро молодой банковский клерк, которого вдруг потянуло

на лирику.

— А собравшиеся на месте аварии зеваки, — невозмутимо продолжал доцент, — со смесью недоумения и восторга глазеют, как страдает девушка. Все знают, что ее страдания никому не передадутся, и каждый переносит страдания по-своему, на особых «условиях»... Интерес человека к другим людям всегда принимает одну и ту же форму. Люди существуют в одинаковых условиях, но при этом уверены, что у человечества нет общей боли, нет единого желудка. Вам хорошо известно, как быстро женщины забывают боль, испытанную при родах, и при этом убеждены, что таких тяжелых родов больше ни у кого не было. Каждый человек искренне верит, что его собственный опыт старения, болезни и смерти не имеет отношения к остальному человечеству... Люди с удовольствием признают универсальность и общий дух, когда речь идет о таких незначительных вещах, как политические лозунги, идеи и тому подобное. Безобидные и бессмысленные вещи, вроде замшелой старой архитектуры и произведений искусства, легко причисляют к культурному наследию, общему для всего человечества. Но когда дело касается страданий, начинаются проблемы. Если у

политического лидера в разгар важной речи начинают болеть коренные зубы и у десятков тысяч слушателей происходит то же самое, это создает проблемы… Люди бесконечно обсуждают, слушают и смотрят на других людей, потому что это лучший способ смягчить условия человеческого существования. Люди терпят существование героев, поскольку знают, что герои испражняются так же, как все остальные… Люди лихорадочно ищут других людей, потому что хотят сказать либо «Мы все одинаковые», либо «Хорошо это или плохо, но мы все разные». Чтобы признать либо однообразие условий существования, либо чувственную реальность каждого индивида… Назовем первый тип людей А, второй — Б. Те, кто относится к первой категории, превозносят идею всемирного содружества. Начнем с того, что их мысли не выстраданы, они со спокойным сердцем подчиняются идее универсальности и проповедуют единство, которое на самом деле отрицает реальное совместное существование. «Люди всего мира, объединяйтесь!» «Искореним расовые предрассудки!» Все эти заблуждения исходят из среды типа А. Сколько бы рук вы ни пожали, если белый человек не боится, что боль в желудке чернокожего может передаться ему,

какой толк от этих рукопожатий? В концепции всемирного содружества есть что-то бесчувственное, но при этом необычайно слащавое. Кстати, основополагающие идеалы всемирного содружества неизбежно приведут к пугающему концу. Поскольку эти идеалы опираются на принцип универсальных условий человеческого существования, общее сознание постепенно придет к выводу, что не способно мириться с обособленной болью, дискомфортом и пустыми желудками. Для нетерпеливых людей всемирное содружество — все равно что есть дерьмо. Люди поймут, что встречать одинокую старость в таком содружестве несправедливо. Почему нельзя передать свою старость радостной молодежи? Люди сочтут невыносимым, если их навечно запишут в предатели только за то, что они отвергли концепцию единства. Ведь во всемирном содружестве люди все должны делать вместе — рождаться, стареть, умирать. Разве не так? Если универсальные условия существования являются единственным идеалом, лежащим в основе огромного государства, в какой-то момент государство должно будет представить этому доказательства. Но люди не вынесут возвращения к одиночеству и страданиям своего чувственного существования.

Получается, в конце концов будет создано мировое государство, в котором, по сути, можно не обращать внимания на такие вещи, не замечать их… И здесь на повестку дня выходит политика мгновенного и единовременного тотального уничтожения, самого масштабного в истории. Это единственное доказательство человеческой силы, которое может предоставить всемирное содружество, и единственная возможность добиться всеобщего признания универсальных условий существования. Когда человек сравнивает страдания попавшей в аварию женщины с личными универсальными условиями существования, он может лишь смутно определить взаимную связь с помощью воображения. Но с водородной бомбой воображение не нужно. На этот раз страдания отдельных людей повсеместно закончатся… Люди уже изобрели водородную бомбу как средство мгновенного и одновременного уничтожения мирового сообщества. Для этого не потребуется много времени и усилий. Бомбы нужно просто разместить в стратегических точках на Земле, и главы государств должны будут — торжественно или небрежно — нажать на кнопку. Это как бросить гирлянду во время церемонии спуска корабля на воду или сделать

бумажного голубя. В одно мгновение голуби взмывают в небо и купаются в рассветных лучах. Конец… А теперь возьмем тип Б. Те, кто входит в эту категорию, признают чувственную реальность отдельного индивида. Ими движут идеалы национализма, связанные с национальной и расовой идентичностью. Иными словами, их идеология основана на боли. В отличие от общества в целом, их идеи, как бы это ни тревожило, не связаны с разрушением и пугающе здравы. В их основе лежат хороший аппетит, сексуальное влечение, зудящая неудовлетворенность, и, главное, они готовы с радостью пролить кровь. У них самих воображения нет, зато они умеют взывать к чужому воображению… Поскольку они верят в такие вещи, которые нельзя передать другим, они, случается, забывают об универсальных условиях существования. И если они путают героев с богами, почему бы им не принять возникшую у них чесотку за проявление высшего смысла, за чудо? Под чудом я имею в виду индивидуальную чувственную форму, преобразованную в универсальную. Например, человек ножом протыкает себе кожу и подпрыгивает от боли. Если это самое большое исключение в истории человечества, что это, как не чудо?.. Однако

инстинкт самосохранения обеспечивает этим людям неограниченную защиту. Такой инстинкт с детства внушает человеку абсолютную уверенность в своей безопасности, веру в чудо: «Что бы ни происходило, со мной ничего не случится». Окажется человек под градом пуль — только его ни одна не заденет. Попадет в железнодорожную аварию — только он не пострадает. Упадет самолет — только он выберется невредимым из-под горы обугленных трупов. Причина в том, что чувственная реальность каждого человека — это нечто незаменимое, более ценное, чем самый дорогой бриллиант. И единственное в мире, что невозможно разрушить… Скоро идеям, зародившимся в лагере Б, предстоит опасный эксперимент. Чудо необходимо подтвердить. Незначительный инцидент наводит на мысли о серьезном разрушении, и масштаб разрушений будет нарастать, как снежный ком. В конце концов, дойдет до того, что даже при угрозе уничтожения всей цивилизации люди типа Б все равно будут представлять себе сценарий, при котором спасется лишь один человек или одна нация одного государства. Нет картины привлекательнее и заманчивее. В такой ситуации единственное, что нужно сделать, — это нажать

на кнопку. Да, именно так. Тип Б просто должен нажать на кнопку.

Курита, который уже какое-то время слушал Хагуро, надув губы, не дал ему договорить:

— Профессор! Мне не нравится, что вы исключили сексуальное желание. Больше, чем уничтожить человечество, я хочу уничтожить всех баб. Даже когда они лежат на спине с раздвинутыми ногами, они бесконечно презирают мужчин, но мы все равно хотим с ними размножаться. Человечество — это зло и мрак.

— Ты говоришь о женщинах, но жен и матерей это не касается, — вставил свое слово парикмахер. — Взять человеческих женщин. Если мужья хорошие, они уважают своих жен. Хотя и между ними случаются ссоры.

Не обращая внимания на эту болтовню, доцент продолжил излагать свою теорию Дзюитиро, который слушал его молча и кивал.

— Итак, третий роковой недуг человека — беспокойство о Боге… То, что мы называем Богом, весьма хитроумное изобретение. Девяносто процентов знаний, накопленных человечеством, остается людям, десять процентов переданы в управление Богу. Место, где человеческое знание сливается с пустотой или небытием, передано в

руки этого управляющего. Из такого хитроумного расчета и возник Бог. Люди не вынесли одиночества на страже границ человеческого знания, и призванные ими наемники взяли на себя роль охранников в обмен на невероятно щедрые подношения и почитание. По мере расширения границ человеческих знаний пограничные заставы отдалялись. Жители столицы больше не видели лица наемников, но при этом были убеждены, что наемники по-прежнему находятся на своих заставах и обеспечивают безопасность людей. Люди вспоминают об этом каждый раз, когда видят далекий багрянец рассвета. Они представляют себе белобородых наемников, которые трубят в трубы в далеких казармах и выстраиваются в шеренги на плацу перед рассветом, представляют отполированные наконечники их копий… Люди любят описывать Бога как воплощение Истины и Справедливости. Но Бог — это не Истина и не Справедливость. Он даже не Бог. Он не более чем управляющий, призванный сохранять зыбкую грань между человеческим знанием и небытием и стирать границу между реальностью и нереальностью. Дело в том, что пропасть между бытием и небытием для людей невыносима. Как только в сознании человека возникает понятие

абсолюта, разрыв между относительностью всех вещей в мире и этим абсолютом становится непреодолимым. Каким-то образом где-то далеко-далеко охранники этой пограничной линии будто бы связывают воедино мир относительности и абсолюта. Единственное их оружие и защита — тяжкий труд людей и дань, которую они платят… Эти наемники упорно трудятся уже тысячи лет, и люди никогда не теряли связи с ними. Философы-схоластики договорились до того, что человек — всего-навсего ограниченное фальшивое создание, а подлинное бытие есть только Бог. Но вдруг наемников не существует? Страха перед этой неизвестностью было достаточно, чтобы заставить работать слабую силу человеческого воображения… Но что, если все наемники исчезнут? Небытие немедленно прорвет границу, разрушит города, воздвигнутые человеческим знанием, затопит дома в столицах по самые окна. Когда утром люди проснутся, умоются и откроют окна, они увидят только небытие. Стоит человеку поскользнуться на лестнице, спускаясь со второго этажа, как он полетит вверх тормашками в бездну. Поднимет крышку бочонка с солениями — и на него уставится черное небытие. Попробует поставить в вазу цветы — окажется,

что у нее нет дна и цветы летят в небытие… Все приведет в небытие. Пошлете телеграмму — ее доставят в небытие, и она там исчезнет. Поезд отойдет на рассвете со станции — и умчится в небытие, чтобы никогда не вернуться. Людские голоса превратятся в вечное эхо, небытие впитает каждый крик, как промокательная бумага впитывает чернила. Убийцам не придется беспокоиться, что делать с телами своих жертв. Достаточно выбросить труп в открытое окно, и он скользнет в небытие… Такова суть опасений человека и высокая цена, которую работодатели вынуждены платить наемникам. И люди всегда с удовольствием слушали фальшивые отчеты стражей границы. А те просто управляют делами и посылают лживые доклады о том, как храбро и решительно сражаются в бесконечных локальных стычках… Так в целом выглядит паутина лжи, опутывающая человеческую культуру, в центре которой стоит Бог. Благодаря своим отношениям с Богом люди каким-то образом избегали прямого столкновения с небытием и абсолютом. Поэтому даже сейчас они почти ничего не знают о небытии в его истинном смысле. Гуманизм до сих пор цепляется за глупую веру в то, что всеразрушающий принцип небытия не мог возникнуть

внутри человеческой культуры, что человеческое знание неспособно породить небытие… Но так ли это на самом деле? Что такое небытие? Это когда человек, спускаясь со второго этажа на первый, шаг за шагом погружается в бездну. Он пытается поставить в вазу цветы и в итоге отправляет их в пропасть. То есть, когда человек совершает сознательное целенаправленное действие, это действие прерывается, цель теперь недостижима, и он погружается в бесконечную, беспредельную бессмысленность. Человек ныряет в нее, словно всегда этого желал. Каждая маленькая оплошность поглощается огромным океаном разрушения. В человеческом мире это давнее и обычное явление. В этом и заключается суть небытия… Такое происходило повсеместно с начала двадцатого века. Но люди, по-прежнему не зная истинной природы, все еще верили, что их хранит Бог, те самые стражи границы. Все эти мелкие события, повторяющиеся повсюду, можно считать эскизами небытия. Наука и технологии с пугающей точностью зажгли фитиль небытия. Но наука и технологии не так рациональны, как думают люди. Скорее, это абстрактная форма непрозрачного импульса, систематизация человеческих кошмаров со времен алхимии. Когда

люди внезапно видят во сне монстра, наука и технологии предлагают доказательства, что на самом деле они предвидели появление этого монстра. Наконец наступает день, когда небытие, в котором уже погрязли люди, вспыхивает. И расцветает безумная гигантская роза, небытие, впервые выращенное рукой человека, — водородная бомба… Но люди все еще верят, что за управление небытием отвечает Бог, поэтому они спокойны, нажимая на ядерную кнопку. Они крестятся, молятся, полностью снимают с себя ответственность и без колебаний жмут на кнопку. Что бы ни происходило и какое бы из трех направлений мы ни взяли, люди неизбежно готовы нажать на эту кнопку.

— Бедная маленькая кнопочка! — воспользовавшись паузой в речи доцента, парикмахер подавил зевок и запел:

– Нажмешь на кнопки на груди милашки,
И в небо взмоет пара чудо-облаков,
Прекрасных ядерных грибков.
Произойдет все быстро, вмиг,
Не видел раньше кнопочек таких…

— Цыц! — одернул Хагуро развеселившегося

парикмахера, не сводя при этом взгляда с Дзюитиро, который, казалось, собирался открыть рот. Но слов у того пока не находилось.

Воцарилась тишина, словно в старой гостиной не было людей. Впрочем, здесь действительно не было ни одного человека.

На улице уже стемнело, и свет ламп в гостиной мозаичным узором отражался в оконном стекле, а тени троих гостей на выцветших обоях напоминали больших неподвижных скрюченных птиц.

— То, что вы говорите, верно. Как ни печально это признавать, люди ведут себя именно так.

— Что?! Значит, вы со мной согласны? — с показным удивлением спросил Хагуро.

— Да, вы точно описали человеческие недостатки. Но я хотел бы спросить, что вы собираетесь делать с такими людьми?

— Разве непонятно? Если мы думаем одинаково, то должны сделать все возможное, чтобы они поскорее нажали на кнопку. Разве вам не жаль этих полумертвых страдальцев?

— Профессор горит любовью к человечеству и потому желает ему легкой смерти. Как можно скорее, — вмешался в разговор Курита.

— И вы не думаете над тем, как их спасти? — немного поразмыслив, спросил Дзюитиро.

— Не думаю. Если все оставить как есть, это только усилит их страдания, — заявил доцент Хагуро с поистине человеческой академической холодностью.

9

Гости из Сэндая не ожидали от Дзюитиро такой сдержанности и быстро переглянулись. Попытки этого никчемного создания спасти Землю не только выставляли мир в невыгодном свете, но и сводили к нулю значимость их собственной миссии.

Дзюитиро посмотрел на старую тканую скатерть с изображением звездной мандалы из храма Хорюдзи. Казалось, все человечество собралось внутри ее круга и дрожало пред лицом суровых упреков Хагуро, а Дзюитиро печально смотрел на крошечные человеческие фигурки.

— Все верно. — К Дзюитиро постепенно вернулась свойственная ему прямолинейность. — Люди так и рвутся нажать на кнопку. Восьмого февраля на пресс-конференции президент Кеннеди заявил, что Америка возобновит ядерные испытания. Прошло два месяца, и наверняка Великобритания тоже может в любой момент вернуться к испытаниям ядерного оружия на

острове Рождества[71]. Это неизбежно подтолкнет к таким испытаниям Советский Союз, и Земля может покрыться радиоактивной пылью. Если испытания на острове Рождества состоятся, я тут же напишу еще одно письмо президенту Кеннеди, чтобы предупредить его, хотя сомневаюсь, что получу ответ. Как и от премьера Хрущева.

— Вот именно. Люди не способны на такие ответы. Если кто-то попытается, на Земле замерзнут все чернила, — с уверенным видом прервал его Хагуро.

— Вы правы, вы правы, — спокойно продолжал Дзюитиро. — Я прекрасно понимаю, насколько странным выглядит со стороны желание принести мир всему миру. По крайней мере, бóльшая часть человечества в настоящее время не воюет друг с другом, то есть живет в мире. В то же время люди искренне хотят мира, стремятся к нему, молятся о нем, с нетерпением ждут его. Абсурдность ожидания того, что уже существует, говорит о том, что люди, жаждущие мира, не удовлетворены тем, что имеют сейчас, и желают

[71] Примечания: 71

Соединенные Штаты проводили ядерные испытания на острове Рождества в архипелаге Лайн (Кирибати) в 1962 году в рамках проекта «Dominic». Британская военная база находилась там в 1950–1960 годах; испытания британских атомных и водородных бомб проводились вблизи острова в 1957–1958 годах (операция «Grapple»). — *Примеч. ред.*

мира полноценного и безопасного. Вероятно, их не устраивает не мир в его нынешнем виде, а сама сущность мира… Мир, как и свобода, — это рыба, выловленная в нашем инопланетном океане. Как только она попадает на Землю, тут же начинает гнить. Сущностная характеристика мира на Земле — это скорость, с которой он разлагается. Вот что не устраивает людей. Они постоянно ищут новый мир, который или установится мгновенно, или будет длиться вечно, нетленный, как металл. Мир промежуточный, выдаваемый по капле, никого не устраивает, потому что от него разит фальшью… Далее. Их животные инстинкты в основном принимают мир, который наступает после свершившегося факта — сражения или войны, одержанной победы, полового акта. Лишь такие формы люди интуитивно признают подлинным миром. Нынешний мир — предвестник какого-то события, непрозрачный и фальшивый… Часть людей призывает предотвратить войну и сохранить мир, но их видение мира переплетено с истинно человеческим чувством неудовлетворенности и нетерпением. Этих людей мог бы удовлетворить только немедленный мир после события, но их стремление к такому миру основано на жела-

нии, чтобы событие произошло. Под «событием» я подразумеваю ядерную войну… Человечество еще далеко от того, чтобы покорить время. Поэтому человеческие представления о мире и свободе хоть и связаны с принципом времени, но в то же время ограничены им. Необратимость времени — это роковой фактор, который крайне затрудняет достижение мира и свободы… Человечество могло бы немедленно обрести мир и свободу, если бы законы времени рухнули, событие «после» превратилось бы в событие «до», а мгновение слилось с вечностью. Тогда бы возникли абсолютный мир и свобода и никто не счел бы их подделкой… Наслаждаться будущим в настоящем. Вкушать мгновение в вечности. Для инопланетян эти способности — само собой разумеющееся. Я прибыл на Землю передать их людям, чтобы люди использовали их как орудие для достижения мира и всеобщего единства. Моя цель — дать людям ясное представление о том, как будет выглядеть Земля после ядерной войны, если смотреть из сегодняшнего дня. Чтобы их сердца прямо сейчас познали мгновения пьянящего восторга от ужасающего, неорганического, вечного мира после такой войны. Тогда они сами смогут вкусить полноценную свежесть нового

послевоенного мира. Если человечество ощутит ее, никому на Земле больше не понадобится нажимать на кнопку. Я решил дать им выпить восхитительное сакэ, обладающее силой наркоза. Получается, что разница между тем, что я говорю, и легкой смертью для человечества, которую ставите целью вы, едва заметна… Мой план заключался в том, чтобы использовать человеческое воображение. Но я обнаружил, что у людей оно удивительно бедное. Даже самый стойкий человек не в силах вообразить картину тотального разрушения. А все потому, что люди слабо представляют, что означает слово «разрушение». Даже мелкий чиновник, который похитил три миллиона иен государственных денег и попал в тюрьму, называет это «личным разрушением»… Я делал все возможное, чтобы вдохновить людей на фантазии о разрушении. Но у них нет и одной стомиллионной части моего воображения. Это касается даже тех японцев, которые пережили трагедию Хиросимы, так что легко представить, как обстоят дела в других странах… Я пытался взывать к их воображению, уделяя равное внимание фантазиям о разрушении и о мире, пока они не стали похожи на зеркальные отражения друг друга. Я делал это до тех пор, пока люди не

убедились, что одна сторона — это зеркальное отражение, а другая — абсолютная реальность. Летающие тарелки появились, чтобы пробудить человеческий разум от сна. Пробуждая его, я стремился заставить людей сделать рациональный вывод, что они всего лишь опьянены отражением в зеркале. И это опьянение привело к окончательному отрицанию человеческого мышления — к разрушению принципа необратимости времени и неспособности заглянуть в будущее. Другими словами, к отрицанию желаний как возможности, ведь все человеческие желания коренятся во времени. Говорят, что чистый разум человека равнозначен врожденным когнитивным способностям, из которых возникает опыт, а опыт действует в соответствии с человеческим желанием, то есть в соответствии с принципом времени… Я пытался нарисовать людям невероятно пьянящее чувство, о котором они до сих пор не подозревали. Когда расцветает настоящее, человеческий мир тут же озаряется светом, а капли росы на траве вдруг превращаются в драгоценные камни.

— Им удалось это понять? — спросил доцент с легкой улыбкой.

— Пока нет.

— О чем я и говорил.

— Но у меня еще есть надежда.

— Надежда?! — воскликнул доцент с таким видом, словно перед ним не Дзюитиро, а свинья.

— Конечно, людям не хватает квалификации, чтобы надеяться. Но у нас такая квалификация есть. Потому что мы управляем временем, которое рождается из надежды.

— То же самое можно сказать о нас, — нетерпеливо перебил доцент. — Так в чем же ваше предвидение отличается от нашего? Мы с вами представляем два противоположных принципа во Вселенной. Оба давно покорили время и избавились от страха. Высший политический принцип, который у нас остается, — это простая улыбка. Я признаю, что между мрачной и светлой улыбкой есть некоторая разница. Но если обе наши расы разделяют предвидение насчет Земли, нам не о чем спорить. И все же, Осугисан, каким вам представляется будущее Земли и человечества? Мне кажется, сегодня вечером вы должны четко это сформулировать. Что, по вашему мнению, произойдет? Что ждет Землю и человечество? Нам нечего скрывать друг от друга, так что, пожалуйста, говорите откровенно.

Дзюитиро не спешил с ответом. Его лицо засты-

ло, взгляд устремился в одну точку. Единственное, что горело неукротимой силой в его изможденном теле, — зрачки, в которых, казалось, мерцали язычки темного пламени. Очевидно, напряжение, сковавшее Дзюитиро, было результатом решимости закрыть доступ к двери в свою душу, чтобы никто не мог угадать, как он предвидит будущее. На лбу его выступил пот, губы пересохли, ему как будто не хватало воздуха.

— Вы знаете, что будет, но не можете ответить. А все почему? Потому что вы лжете. Мы прибыли сюда, чтобы раскрыть землянам истинное положение вещей, а вы — чтобы погрузить их в сладкий обман. Вы думаете, что не надо им рассказывать об *этом*. Разве не так? Хотите надеть на них шоры и повести, как слепых, куда вам хочется.

— Неправда! Неправда! — в смятении вскричал Дзюитиро. Этот возглас прозвучал дрожащим диссонансом — он словно вырвался из мрачной бездны между великолепными туманностями, от которых исходил рассеянный свет. — Я не говорю о своем предвидении, потому что, как только скажу, оно станет судьбой человечества… Моя задача — успокоить нетерпеливых людей, но я не хочу, чтобы они достигли этого спокойствия, думая,

что так предопределено. Моя цель в том, чтобы они открыли для себя это спокойствие в тихом опьянении, в котором нет никаких желаний… Человеческая политика постоянно делает непристойные намеки на будущее, словно бесстыжая женщина, которая выставляет напоказ обнаженные бедра. Подкидывает людям приманки в виде мечты, надежды или «чего-то лучшего», как подвешивают морковку перед мордой лошади. Или хлыстом подгоняет людей к мрачному будущему. Именно такую политику я пытаюсь остановить в сумерках нашей эпохи. Нужно на какое-то время погрузить ее в опьянение.

— Хм! Человеческая политика? — фыркнул Хагуро, выразив свое недовольство так же, как годами делал это в Сэндае насчет политики университетской. — Изначальная ошибка в том, что людям позволили управлять собой. С таким же успехом это можно было разрешить мокрицам.

— Ничего подобного. Управлять людьми легко. Нужно лишь контролировать небытие и пустоту внутри них. В теле каждого человека имеются отверстия, пропускающие ветер. Если продеть через них нитку и соединить всех, сотни миллионов людей будут следовать за тобой.

— Еще одна безумная теория.

— Меня этому научила жизнь на Земле. Я часто видел, как люди на скамейке в парке или в переполненном вагоне смотрят перед собой пустым взглядом. Они словно вглядываются в пустоту внутри себя. Это ясно по глазам. Они будто видят безразличное одиночество, которое никогда не приведет к сплоченности и единству. Можно сказать, это специфический аполитичный образ, типичный для людей, даже самых глупых… На протяжении всей истории цивилизаций политика в основном сводилась к мерам по обеспечению хлебом. Но кое в чем политики оказались мудрее религиозных деятелей: они признали, что люди живут хлебом единым. Это было очень ценное понимание, и сколько бы священнослужители ни кричали, люди твердо стояли на стороне биологии и разработали ряд здравых и точных политических наук… Вы никогда не задумывались, насколько разочаровался тот, кто первый осознал, что условия человеческого существования очень просты — для выживания хватает одного лишь хлеба? Наверное, этот человек был первым на Земле, кто задумался о самоубийстве. Представьте себе человека, который после какого-то печального события решил покончить с собой. Завтра. А сегодня он, поколебавшись, съедает

свой хлеб. После долгих раздумий откладывает самоубийство до послезавтра. На следующий день с душевным трепетом опять ест хлеб. Переносит самоубийство день за днем и каждый раз съедает хлеб… И однажды вдруг понимает, что может прожить свою бесцельную и бессмысленную жизнь на одном только хлебе. Он жив сейчас, и все это благодаря хлебу. Нет истины выше этой. Его охватило ужасное отчаяние, но оно никогда не приведет к самоубийству. В конце концов он отчаивается не из-за того, что жив, — именно это обычно является причиной самоубийств, — а из-за самой жизни. И это же отчаяние поддерживает его все больше и больше… Он должен сделать что-то из этого отчаяния. Ему нужно заменить самоубийство чем-то уникальным, чтобы отомстить холодному политическому сознанию. Ему приходит в голову идея: тайно от политиков создать в своем теле бессмысленные отдушины, из которых будут вытекать разные смыслы, и только потребление хлеба будет продолжаться вечно. Политики и правители могут этого не знать, но они обязаны снабжать народ хлебом, чтобы гарантировать бессмысленность существования. Но народ никогда не позволит правителям узнать об этом… Эта пустота, эти отдушины потихоньку

проникают в гены человека, распространяются повсеместно и приводят к антиполитическим разговорам, которые я часто слышал от людей в парках и переполненных электричках… Правители любят организованность, возводят во всех уголках Земли бессмысленные и безвкусные башни. Но, заглянув в самые глубины, я понял, что под роскошной одеждой в телах этих людей тоже есть маленькие отдушины… После этого открытия я понял, что сейчас можно установить на Земле мир и единство для человечества. Неловко об этом говорить, но за время пребывания в человеческом обличье в моем теле чудесным образом тоже возникли отдушины… Я даже пришел к мысли, что такие условия, общие для всех людей, оказавшихся перед лицом уничтожения, — это благословение, дарованное Вселенной. Потому что эти пустоты и отдушины представляют собой нашу Вселенную в миниатюре.

— Понимаю. Вы дали мне подсказку. Еще хлеба, еще и еще. Значит, все, что нужно сделать политикам, это договориться и подмешать цианистый калий в следующую порцию хлеба.

— Нет. Какими бы злобными ни были здешние политики, когда они будут в состоянии сговориться, на Земле тут же наступит мир. И ваша

схема просто рухнет. Когда все люди, соединившись, заполнят свою внутреннюю пустоту, любая политика утратит смысл и станет возможен аполитичный союз. Такие люди никогда не нажмут на кнопку. Потому что подобный шаг означает распад их Вселенной, их внутренней пустоты. Даже те, кто не боится физического уничтожения, не в состоянии вынести разрушение пустоты. Потому что эта пустота — миниатюрная модель пустоты Вселенной.

— Почему вы так доверяете этим отдушинам?

— Это происходило постепенно. Я обретал опыт, как человек, и поначалу считал, что эти отдушины есть лишь у меня. Но со временем я обнаружил несомненный признак того, что Вселенная проникла в каждого человека. Я просто ждал, когда пустота расцветет, и наконец увидел, как это произошло.

— Глупости! Прямо сейчас земляне повсюду совокупляются и размножаются. Пока вы рассуждаете о единстве, человечество усердно разлагается.

— Ох уж эти бабы! Ненавижу их! — дождавшись момента, чтобы вставить слово, воскликнул некрасивый верзила, банковский клерк. — Если бы их истребили, вымирание человечества стало

бы лишь вопросом времени. Чтобы покончить с оставшейся половиной, не понадобится много сил и времени. Но как собрать их всех вместе? Они только кудахчут и щебечут без умолку, не заткнешь, и никого не слушают.

— Нужно все салоны красоты собрать в южном полушарии, а мужские парикмахерские — в северном. Все просто, — предложил толстяк-парикмахер, наморщив нос.

— Любовь с деторождением связала человеческая религия, это было политическое мошенничество, — невозмутимо продолжал Дзюитиро. — Как любая политическая афера, эта связь была просто способом загнать стадо овец в загон, навязать цель тому, что изначально не имело цели. Страстное сексуальное влечение между людьми подобно блужданию на ощупь в скользкой темноте. Но стоит человеку взять в руки свечу любви, которая в его понимании является высшей целью, возникает иллюзия, что объект желания озарен божественным светом. Однако нет никаких доказательств, что увиденное в этом свете является именно тем, к чему человек стремился. Возможно, свеча осветила нечто другое… Люди привыкли, что занимаются продолжением рода при свечах. Мы должны вернуть их на ту

грандиозную сцену воспроизводства себе подобных, где нет любви, где этот процесс происходит в древнем вселенском мраке… Одна из главных причин войн на Земле — политическое мошенничество на протяжении веков. Политические лидеры с молодости выучили в постели урок: не следует смешивать любовное притворство и страсть. Их бесплодные идеалы возникают под влиянием всех этих проделок при свечах… Еще не было таких времен, как сейчас, когда главы двух великих стран отбрасывают хладнокровные расчеты, которые раньше порождали здравомыслящих правителей. Такое впечатление, будто они во что-то влюблены. Иначе как объяснить, что они стремятся к победе в безнадежных делах, обреченных на неудачу: безумной гонке ядерных вооружений или чрезмерном производстве ядерного оружия? С равным успехом можно каждый день самосвалами сбрасывать деньги в темную бездонную яму… По иронии судьбы, парадоксальность и нелогичность любви заключается в том, что ваши ожидания не оправдываются и желания не исполняются. Ведь причина несбыточных надежд в самом ожидании и желаниях человека. Самое опасное — что лидеры двух великих держав не желают уничтожения мира. Поскольку

они как бы влюблены, неизбежно возникнет то, чего они не желают. И это уже началось. Они начинают любить разрушение. И вот, как я уже неоднократно предупреждал, наступила эпоха, при которой воображение меньше заражено безумием, чем разум. Я попытался побудить людей обратиться к воображению, чтобы хоть немного отдалить их от безумия, но все тщетно. «Доверимся человеческому разуму», «У нас есть абсолютное оружие, поэтому войны не будет», — говорят они. Они просто не осознают, насколько безумна их вера… Но я все еще надеюсь. Какими бы ни были люди, по крайней мере, я имею право надеяться. Люди — восхитительные существа. Мужчина идет к соседу, чтобы пожаловаться на шумную вечеринку прошлой ночью, и в гневе уже собирается нажать на дверной звонок, как вдруг замечает возле крыльца, в мокрых после дождя зарослях, милую улитку. Это открытие приводит его в восторг, он решает не ссориться с соседом и возвращается домой. Вот они какие, вот на что способны. Или на прогулке человек вдруг решает купить горшок с цветами…

— Горшок с цветами? Горшок с цветами? Наверняка с цикламенами! — воскликнул побледневший Курита, приподнимаясь на стуле

и устремив на Дзюитиро взгляд налившихся кровью глаз.

— Необязательно с цикламенами. Просто покупает горшок с цветами. Потом идет домой, размышляя, в каком окне его поставить, и оказывается на незнакомом перекрестке. Заходит в бар на углу, пьет рюмку за рюмкой и в конце концов приходит домой без горшка. Забыл в баре. Тоже в духе этих созданий… Непостоянство — это добродетель, полученная людьми от небес. Иногда непостоянство позволяет увидеть самое сладостное, что могут предложить небеса. Это похоже на вздох, который время от времени издает упорядоченный вселенский закон, или пронзительное стихотворение. Это дар людям от далекой Вселенной. Если использовать понятие из человеческой религии, это единственное ангельское качество, которым обладают люди… Один человек собирается убить другого и направляет пистолет в лицо жертвы, но когда уже готов спустить курок, по необъяснимой причине он вдруг отводит руку в сторону. Или человек приходит ночью под окно возлюбленной и мечтает скорее обнять ее. Но едва он ставит ногу на веревочную лестницу, как в его сердце легким ветерком возникает необъяснимое непостоянство, и он внезапно

отправляется в долгое путешествие по пустыне. Есть много прекрасных примеров такого непостоянства, которые остаются загадкой даже для самих людей. Возможно, эти загадки могут разгадать только медоносные пчелы, когда они попадают в розарий с огромным количеством роз. В конце концов, непостоянство — это признание того, что все розы одинаковы, и помимо цветов, которые человек видит перед собой, есть и другие розы, мир полон ими… Мою надежду питает не вера в человеческий разум. Все дело в том, что люди доверяют этим прекрасным мгновениям непостоянства. Вы говорите, что они обязательно нажмут на кнопку. Все возможно. Но когда какой-то человек уже занесет палец над кнопкой, на его лице может неожиданно появиться капризная улыбка. Вот что такое люди.

— В этом мы с вами сходимся. Кнопку могут нажать из-за каприза.

— Это будет безумие, а не каприз.

— Хорошо. Если, как вы говорите, нажать на кнопку — это безумие, а не нажать — каприз, значит можно сказать, что, когда у человека в руках кнопка, разницу между безумием и капризом определяет разум, верно? Но вы утверждаете, что разум — это безумие. В таком случае, как разум

безумия может отличить себя от каприза, когда речь идет о нажатии кнопки? Какая здесь должна быть логика? Вы противоречите самому себе и должны признать, что решение, нажимать на кнопку или нет, принимает разум. Вам придется признать, что, если на кнопку нажимает разум безумия, решение, нажимать ее или не нажимать, действовать или не действовать, — это проявление трезвого рассудка. То есть существует два вида разума. Забавно, не так ли?

— Человеческий разум больше не способен принимать решения. Люди могут лишь нажимать на кнопки, убежденно и хладнокровно. Как идиоты. Странно, что вы, инопланетянин, уставший видеть людские страдания, все еще рассуждаете, руководствуясь человеческой логикой. Ранее вы любезно поведали мне о трех прегрешениях, трех болезнях человека. Теперь моя очередь рассказать о его пяти достоинствах, пяти особых качествах, уничтожения которых я не хочу. На самом деле, у людей много странных особенностей, и я за то, чтобы сохранить некоторые. Мне кажется, только ради этого стоит спасти человечество. Но даже если человечество погибнет, я, по крайней мере, смогу достойно запечатлеть эти пять добродетелей на его надгро-

бии. На камне нужно будет кратко высечь список всех людских достижений во всех мыслимых аспектах человеческой истории. Вот как я вижу эту надпись:

«Здесь покоится человеческий род, живший на планете Земля.
Они все время лгали.
Ставили цветы и в горе, и в радости.
Держали мелких птиц.
Часто опаздывали к назначенному часу.
И часто смеялись.
Пусть покоятся с миром».

В переложении на ваши слова это будет звучать примерно так:

«Здесь покоится человеческий род, живший на планете Земля.
Они были очень артистичны.
В равной мере выражали радость и печаль.
Отменили все формы свободы, после чего с трудом осознали относительность собственной свободы.
Не в силах покорить время, они, по

крайней мере, пытались быть ему неверны.

И иногда, на несколько мгновений, своим дыханием они могли прогонять небытие.

Пусть покоятся с миром».

Вы, наверное, считаете, что лучше всего установить надгробный камень уже после их гибели, но я предпочел бы сделать это заранее. Меня не интересуют деньги, я не склонен к тщеславию и красивым жестам, которые движут представителями созвездия Лебедя. Кроме того, если сделать это заранее, у нас может получиться портрет инопланетян, которые могут испытывать добрые чувства и расположение друг к другу… Люди ставили цветы как при радостных событиях, так и в знак несчастья. Безжалостно срезая эти быстро вянущие растения, они признавали, что счастье сиюминутно, но при этом надеялись, что несчастья тоже недолговечны. А еще они держали у себя птичек. Лишать птицу воли — грех, пусть и небольшой, но намерения людей были столь добрыми, искренними, что порок превратился в трогательную добродетель. Они поместили небесный полет в маленькую клетку. Птицы, прежде

беззаботно порхавшие в сияющем небе, сидели в клетках, словно опутанные невидимыми нитями. Связанные воспоминаниями о полете, они могли лишь неуклюже перепрыгивать с жердочки на жердочку. Но, поступив так с птицами, люди придали чистоту их пению. Птицы никогда не забывали свои песни, которые превратились в кристаллизованную версию украденной у них свободы. Эти песни свели воедино все утраченные небеса, вызвали бесконечный трепет чистых, обнаженных чувств, наполнили жизнь людей счастьем. Вот что способен изобрести человек… Толпа ждет под дождем перед вокзалом. Множество людей ждет в темном кафе. Директор компании в большом конференц-зале нетерпеливо ждет приглашенных на встречу людей и недовольно смотрит на свои ультратонкие часы «Одемар Пиге». Эти сцены более чем типичны для человека. Люди обладают замечательной привилегией — способностью заставлять других ждать. Именно такой способ использовали женщины, чтобы сохранять монаршью власть, но при этом в их телах неизменно созревало время. Понимаете, о чем я говорю? Женская матка — это орган времени. И в поисках свободы и мира они привлекли на свою сторону самый выгодный вид

времени. Благодаря способности ждать и заставлять ждать других женщины обладают такими природными талантами, с которыми мужчинам не сравниться. Женщины впитывают законы времени в свою плоть и с презрением наблюдают со стороны, как мужчины со своими амбициями и планами пытаются творить историю… Люди создали искусство. Построили множество бесполезных, бессмысленных сооружений. С нашей внеземной точки зрения, каждое серьезное, трагическое произведение возникло на основе одного принципа, свойственного людям. Этот принцип — смех. Смех лежит в самой основе их искусства. Без смеха бесконечная ложь, которую мы слышим, сгнила бы на корню. Творческие личности обнаружили, что смех защищает ложь от разложения… Вся эта ложь, связанная с человеческой жизнью, — фальшь, предательство, вероломство — укрепила убежденность творческих людей, что всю реальность можно заменить ложью. Они поняли, что ложь, которую люди называют правдой, легко гниет, как рыба. В поисках материала, способного предотвратить разложение, они обнаружили, что смех действует как некий скрепляющий раствор. На самом деле этот типичный для человека принцип они переняли у

природы… Наверное, люди впервые рассмеялись, когда увидели, как утреннее солнце поднимается над горным хребтом и его склоны переливаются разнообразными яркими красками. Потому что нет никакой логики в том, что вселенское небытие радует человеческий глаз тончайшими переходами цвета. Это странно и смешно. Каждый раз, когда небытие проявляло себя в шутливой форме, люди смеялись. Они смотрели, как легкий ветерок на равнине, налетая на отару овец, топорщил шерсть на их спинах, и смеялись. Потому что такой пустяк в великом океане небытия — это смешно. Только смеясь, люди ощущали небытие как ничто, пустоту. Можно сказать, небытие исцеляло их… Скоро люди начали сами создавать поводы для смеха. Но за смехом всегда должна стоять тень небытия. Без этого драма о человеческом смехе остается незавершенной. В этой пьесе на заднем плане непременно маячат невидимые главные персонажи, чья роль заключается в том, чтобы смех сметал их со сцены… Так мне представляется человеческая жизнь и история с высоты птичьего полета. Полагаю, мне больше нечего сказать. Это довольно милая картина, и, если она исчезнет из Вселенной, не будем ли мы сожалеть?

— Вы еще не все сказали, — вдруг произнес банковский клерк. — А как же любовь, брак?

— О любви и браке все сказано на надгробье. Лгать, опаздывать к назначенному времени, ставить цветы, на всю жизнь закрывать птичек в клетках и, наконец, смеяться перед смертью.

— А финансы?

— Частые опоздания влияют на все, что касается прибыли и процентов.

Сэндайские инопланетяне переглянулись и замолчали. Дзюитиро черпал силы из мгновений тишины.

— Я не говорю, что вы должны уважать людей или воспринимать их всерьез, — продолжил он. — Культура, которую они оставляют после себя, ничтожна с точки зрения космоса. Их экономика и система распределения примитивны, а политическая система — одна из худших во Вселенной. Но, если мы окажем им услугу и спасем, может наступить день, когда они принесут пользу Вселенной.

— Глупец! — скривив губы, проговорил Хагуро. — Что будет, если не вырвать опасный росток сейчас? Люди уже преодолели земное тяготение. Вы не понимаете сути дела… В старые времена один человеческий властитель брал на себя

огромное количество зла и, представляя это зло как удовольствие и боль, завоевывал признание. Конечно, простой люд получал свою долю. В римском Колизее десятки тысяч людей разделяли удовольствие могущественного правителя и были причастны к чистому злу. Зрелище кровавых смертей одним доставляло удовольствие, другим причиняло боль, но для тех и других это высвобождало источник жизни. А сейчас что? Когда на Хиросиму упала атомная бомба, кто из людей насладился удовольствием и болью, обрел освобождение? Никто. Вместо этого люди, некогда приводившие в исполнение смертные приговоры, сейчас трудятся в поте лица, чтобы заработать на пропитание. Палачи превратились в жалких женатых мужчин, которые все передали правителям — боль, удовольствия, ответственность. Они сильно расплодились, и теперь их можно встретить в любом офисе. Это неизбежно, если учесть, что зло поставлено на механические промышленные рельсы. Люди стали племенем белых воротничков, мощные волосатые руки кузнеца больше не нужны. В то же время развернулось массовое производство товаров, они стали проще и функциональнее, снизились трудозатраты, а детализация, сложные украшения

и властные мастера эпохи ручного производства теперь лишние. Чем Освенцим отличался от консервной фабрики и химического завода?.. Зло стало настолько абстрактным, что обходится почти без крови, — во всяком случае, ее редко увидишь. Все в гигиеничной упаковке. Больше нет причастных ко злу напрямую, даже среди власть имущих. Достойные гаранты и хранители зла исчезли. Интересно, что такое плачевное положение дел ничем не отличается от упомянутых вами отдушин в человеке, которые властвуют даже над правителями… В римском Колизее было столько зла, что хоть клади на весы. Но теперь его на всех не хватает. Зло больше не ограничивается местами наподобие Колизея — оно распространилось по всему миру и незаметно проникло в сердца самых разных людей. Люди теперь живут в обществе мирных, домашних, спокойных палачей, которые любят домашние дела по выходным. Они обсуждают удобрения и газонокосилки, и единственная запретная тема — работа, за которую им платят… Удовольствие и боль от зла, которые прежде волновали человеческие сердца, теперь едва тлеют, как угли в угасающем костре. Современное общество превратилось в огромную систему разочарований

и несбывшихся надежд. Суть современного человеческого социума умещается в несколько слов: «общество, жаждущее крови». И сейчас эта жажда сильнее, чем за всю историю цивилизации. Такого не было даже во времена самых кровавых империй, вроде империи Чингисхана. Люди стремятся к неукротимому, безграничному злу, но ни один человек не в силах повлиять на него, поэтому никто не получает освобождения. Воскресным днем мужчина ведет свою семью в парк на концерт, охваченный при этом жаждой крови… Это самое противоестественное общество в истории. Стоит нам захотеть, и мы легко придумаем способы подтолкнуть людей к внезапным действиям. То, что мы называем человеческими страданиями, — это предсмертные муки, вызванные поверхностным и пугающе универсальным злом. Если мы не положим этому конец как можно скорее, не поможем людям легко и спокойно умереть, мы не выполним свой долг. Это же очевидно. Мы обязаны это сделать!

— Ошибки и заблуждения человеческого прогресса не могут обмануть инопланетян, — прервал Дзюитиро речь Хагуро. — Я сам с недоверием отношусь к людям, которые поддаются этим заблуждениям. Но человек с ними не рождается.

Я знаю, куда движется космический корабль, управляемый людьми. Он как будто мчится вперед, в темное будущее Вселенной, но в то же время резко дает задний ход, в бездну забытых человеческих воспоминаний. Это не только приключение в погоне за будущим человеческим опытом, но и возрождение мрачного, непостижимого первобытного опыта, общего для всех народов. В человеческом сознании Вселенная имеет двойную структуру. Это место, к которому они вечно стремятся, и место, в которое они вечно возвращаются. Подобная двойственность проявляется в отношении земных мужчин к женщинам — для них женщина еще и материнский образ… Каждый шаг человека вперед — это неизбежно и шаг назад. Поэтому люди никогда не достигают цели и никогда не возвращаются в точку, откуда начали движение. Такова их Вселенная, и нам не надо ее бояться и опасаться того, что она навредит нашей Вселенной. Вот что я хочу вам сказать… Спасти их — моя обязанность, и я должен выполнять эту задачу, что бы ни случилось. Меня преследуют видения — гибель и разрушение. С меня достаточно. Я должен убедить человечество прекратить все ядерные испытания и отказаться от всего ядерного ору-

жия, заставить людей понять, для чего летающие тарелки посещают Землю. После встречи с вами я убедился, что зловещая тень, нависшая над Землей в этом веке, во многом связана с деятельностью тех, кто прибыл сюда с вашей звезды. Я прекрасно понимаю, какое влияние оказывают ваши посланцы, чтобы не допустить превращения Земли в прекрасную звезду… С начала этого века вы проникали в ряды известных политиков, философов, деятелей искусства и усердно готовили почву для нынешней ситуации. Есть много признаков, подтверждающих это. Возможно, я опоздал с прибытием на Землю, но все-таки прибыл не слишком поздно… Вы проникли в то, что люди считают своей искренней страстью. Постепенно подточили то, что на Земле называют справедливостью, заменили это понятие пустой оболочкой. Сейчас я отчетливо слышу, как ваши друзья в этом мире тайком догрызают оставшиеся щепки, словно термиты. Вообще-то, я слышу эти звуки уже очень давно. А наивные люди думают, что им мерещится.

— Чего он на нас наезжает? — Парикмахер уставился на грудь Дзюитиро, прикрытую стального цвета кимоно. Он явно прикидывал, сколько может стоить такая элегантная одежда, которую

хозяин, судя по всему, носил каждый день, и от этих расчетов его тон становился все враждебнее. — Хагуро-сан! Можно я выскажу этому типу все, что думаю? Он сказал, что мы термиты. Но с какой стати парикмахер, который трудится не покладая рук, чтобы заработать на жизнь, — термит? Настоящий термит — тот, кто привлекает людей сомнительными предсказаниями, а на самом деле вешает им лапшу на уши и выманивает пожертвования у бедняков. Скажете, не так?

Хагуро сочувственно улыбнулся приятелю, а затем устремил взгляд на Дзюитиро, который, устав от разговоров, откинулся на спинку кресла и со вздохом повел плечами. После чего доцент заговорил, переходя на «ты»:

— Я потерял к тебе всякое уважение. Нет смысла в вежливости. Твоя попытка спасти людей — чистый эгоизм. Но помни, они уже в наших руках. Мы горим любовью к человечеству и именно поэтому думаем, как безболезненно уничтожить его. Я вижу тебя насквозь. Ты презренный мошенник, который расточает людям похвалы, а сам смотрит на них свысока. Не выношу, как ты с умным видом хмуришь брови, притворяясь опечаленным, и болтаешь, что пытаешься спасти людей. Чисто человеческое лицемерие.

А твое блеяние на политические темы? Ты все время высчитываешь, что выгодно сказать, а что нет. Приправляешь космическими специями заезженные людьми темы «мира» и «свободы», выдаешь их за нечто новое и продаешь втридорога, как шарлатан с хорошо подвешенным языком. Короче говоря, используешь свой, только тебе понятный способ истребления человечества. Торгуешь «концом света» — космический бродяга, явившийся на Землю, чтобы быстренько устроить выгодную сделку… Ирония судьбы в том, что наша раса хотела, чтобы люди поняли: ядерное оружие — конечная точка человеческой науки и знаний, они должны этим гордиться. Но ты зачем-то пытаешься нам помешать. Если люди придут к этой мысли, они увидят, что в их злополучной жизни, истории, культуре действительно есть что-то ценное. Разве не станет это для них высшим утешением? Возможно, люди вдруг усомнились в ценности истории и культуры, которые создавались на протяжении тысячелетий, сочли их неоднозначными. И чтобы спасти эту ценность, они изобрели ядерное оружие, способное разом уничтожить все. Что, если перед лицом угрозы, которую представляет собой ядерное оружие, люди стремятся спасти свои ценностные

ориентиры от краха? В таком случае кто дал тебе право лишать их этого великого утешения?.. С твоим уровнем интеллекта ты можешь привлечь на свою сторону только бестолковых истеричек. У людей много достоинств, о которых они сами не знают, но, если указать им на эти достоинства, вряд ли дождешься от них благодарности. Лучше расхваливать недостатки, о которых им прекрасно известно. Это и есть настоящее спасение. Люди будут спасены, оставаясь такими, какие они есть, и с радостью примут легкую смерть. Все, что нужно, — это аплодировать их порокам, принимать все их достойные сожаления проступки, освободить их от всех норм поведения и религиозных заповедей, позволить им делать все, что взбредет в голову. Это даст им безграничную свободу на несколько месяцев. После этого, я уверен, они будут умолять о полном уничтожении. Порок требует большей оригинальности и творчества, чем добродетель, поэтому, когда в разгар полной свободы творческий источник вдруг иссякнет, они сами придут к выводу о полном уничтожении мира. В этом нет никаких сомнений. Так что наше намерение уничтожить человечество и желание людей погибнуть идеально совпадают, как объятия влюбленных. Мы сможем покончить

с ними, даже если они будут убеждены, что уничтожение — их собственное творческое действие. И в последние мгновения жизни человечество в порыве благодарности выкрикнет мое имя, а твое забудется навсегда. Ты знаешь, что я прав. Потому что я их последнее высшее божество. Я не буду стремиться к вечному правлению, как человеческий бог. Мне нужно всего несколько месяцев. Нет смысла играть в бога, если все остальные мертвы… Свобода, которую продаю я, отличается от подделки, которой торгуешь ты. Я — безусловный бог конца света. А ты всего лишь торговец смертью.

— Люди — уроды! Настоящие уроды! — как одержимый выпалил некрасивый банковский клерк. — Зачем оставлять такое уродство? Все эти ужасные динозавры с птеродактилями вымерли, а людишки процветают, выставляя напоказ свое уродство. Когда люди исчезнут с лица Земли, вся поверхность планеты покроется цветами, и она превратится в душистый шар!

— Что еще за термиты? Какая наглость! — Пока Хагуро говорил, коренастый толстый парикмахер не сводил с Дзюитиро злого взгляда и наконец нашел возможность вставить слово. — Чужое семейное счастье покоя не дает? Выдумываешь

всякий вздор, про какие-то дырки в теле у людей. Я слушал и еле сдерживался. Все, что ты говорил про любовь и семейную жизнь, про опоздания, цветочки, птичек, которых всю жизнь держат в клетках, про этот их смех перед смертью, — сплошная ложь. Моя жена — человек, и она никогда не опаздывает на встречи. И, что бы ты ни говорил про маленьких птичек, моя женщина с радостью заходит в свою клетку. Потому что я инопланетянин и воспитал ее в строгости. Именно моя готовность проявить жесткость обеспечила семейное счастье. Теперь, когда мир рушится, я даже думаю забрать семью на свою родную планету. А твоя семейка холодная как лед — все семьи богачей и знаменитостей таковы. Все, на что ты оказался способен, — это обрюхатить земную бабу, которая родила дочку-красавицу. Так что вы теперь типичные папочка и мамочка. А дочка строила глазки, когда принесла чай.

— Что?! А ну повтори!

Дзюитиро в ярости вскочил, сжимая кулаки, но банковский клерк огромными лапищами слегка толкнул его в плечо, и Дзюитиро бессильно опустился обратно в кресло. Трое гостей переглянулись и рассмеялись, булькая, словно кастрюли на плите.

— Ха-ха-ха! Посмотрите на него! Хилый инопланетянин решил сразиться за честь землян, и вот чем все кончилось! — натужно сыронизировал доцент. Но ему никогда не удавалось рассмешить студентов на лекциях, и два его приятеля тоже не засмеялись. Он понял, что лучше перевести разговор в другое русло, и добавил: — У нас нет времени выслушивать твои призывы к спасению людей. Весь этот спор о том, уничтожить человечество или спасти, — пустая трата времени.

Дзюитиро все еще тяжело дышал, хотя спокойствие постепенно возвращалось к нему.

— Что бы ты ни думал, время, которое течет между мной и тобой прямо сейчас, — человеческое. С этим не поспоришь. Независимо от того, говорим мы об уничтожении или спасении, будущее находится по ту сторону железной стены, а здесь у нас первозданное чистое время. Человеческое время эластично, податливо, его легко согнуть в ладони, оно неторопливо в решениях и при этом наступает внезапно, естественно. Человек перетекает из одного момента в другой, как волна, которая разбивается о берег. Даже если можно уничтожить человека в будущем, как уничтожить его в настоящем, прямо сейчас? Вы можете физически уничтожить всех людей

на Земле, но время человечества до уничтожения будет длиться вечно. Даже мы ощутили это, пока пребывали на Земле.

— Опять прикрываешься людьми. Каждый раз, когда все складывается не в твою пользу, ты прячешься за их спины, начинаешь юлить, как ящерица. Противно слушать. А что же так называемое «опьянение», которое ты пытаешься передать людям? Ведь именно это приводит к остановке человеческого времени и отрицанию настоящего?

— Ты правда думаешь, что настоящее, в котором живут люди, такое ничтожное? Я прибыл на Землю предостеречь людей. Сказать им, чтобы не отвергали настоящее, не пренебрегали человеческим временем и никогда не забывали об этом бесценном сокровище, не зацикливались на прошлом и настоящем, не соблазнялись другими, нечеловеческими формами времени. Но я также обнаружил в настоящем человеческом времени богатый, неиссякаемый источник. Человечество пока не познало опьянения, которое я должен ему передать. Но я убедился, что ростки этого опьянения скрыты только в нынешнем человеческом времени, и ни в каком другом.

— Все это жалкие, высокопарные, абстрактные,

пустые слова. Чем ты отличаешься от хилых земных интеллектуалов, которые сидят в своих кабинетах, пойманные в ловушку бесплодных фантазий? Некоторые пишут огромные бессвязные статьи, основанные на ложных гипотезах, проповедуют в них ошибочные идеалы, делают тревожные намеки. В какой-то момент такие люди объявляют себя гениями и тешатся иллюзиями, что их сочинения каким-то образом решают все проблемы в мире. Они вступают в разные комитеты и зарабатывают деньги, обманывая людей. Чем ты отличаешься от них? В разрушении хотя бы есть логика фактов, а спасение — в лучшем случае логика мечтаний. Даже ты в глубине души признаешь железное правило человеческого мира: мечты противоречат реальности.

— А здравомыслие противоречит безумию. Но этот пессимизм и доводы, что мечты противоречат фактам, а здравомыслие безумию, происходят не от универсальной логики Вселенной. Это всего лишь продукт логики, основанной на случайных фактах и созданной для удовлетворения твоих интересов.

Курита уставился на Дзюитиро, сжимая кулаки. Его глаза сверкали от гнева перед лицом такого неистребимого оптимизма.

— Ну почему этот тип не признает ценность уничтожения человечества? Как он поднимается из глубин отчаяния и встает, словно кукла-неваляшка?

Дзюитиро вырвал Куриту из приятных раздумий об истреблении человечества и вновь поверг в ярость и растерянность. Курита угрожающе щелкнул толстыми пальцами и заявил:

— Ты думаешь, как бы спасти людей, ничего в них не меняя. А почему бы тебе не очистить человечество от отбросов? Но ты не хочешь ничего делать, и значит, если люди чудом сумеют достигнуть мира и единства, через какое-то время все вернется на круги своя… Ты против индустриализации зла? Против прогресса? Против массового убийства с помощью ядерного оружия? Так что тебе мешает пойти дальше и включить в программу мирного единства дополнительный пункт? О возрождении могучего древнего зла и высвобождении тяги людей к массовым убийствам. Одно только желание убивать уже очистит человечество. Лишь кровь может смыть исходящее от людей зловоние… Пускай люди прекратят массовые убийства. Можно превратить смерть в сложный красочный ритуал схватки один на один, с торжественным вниманием и

уважением к сопернику. Люди убивали бы друг друга, содрогаясь от удовольствия, наблюдая, как противник страдает и истекает кровью.

— Точно! Обработанная антисептиком бритва — самый гигиеничный выбор. — В знак благодарности за полученную поддержку парикмахер сейчас согласился с Куритой. — Бритва, выкидной нож, все пойдет. И все казни надо открыть для публики. Можно возродить колесования, разрывать людей на части четырьмя быками или каретами. Кроме того, есть гениальное изобретение китайцев — «смерть от тысячи порезов», сжигание на костре, распятие, другие виды кровавых наказаний. Где есть человек, там будут и убийства. На улице, в спальне, даже на кухне.

— Слишком долго придется ждать, пока люди перебьют друг друга, — снисходительно упрекнул доцент. — Хотя, полагаю, каждый день такого кровопролития тоже считается «человеческим временем», которое так любит Осуги-сан… Кроме того, вы слишком зациклены на крови. С кровопролитием связана одна проблема: оно раскрашивает жизнь людей свежими красками и может создать иллюзию воскрешения. Кровь для них олицетворяет жизнь, опьяняет их, и они верят, что обретут силу, впитав в себя жизненную

энергию других людей. Неудобно будет, если за дни кровопролития, которые ты предлагаешь, люди воспрянут и возродятся… Нужен паровой каток, чтобы все разровнять. Безотказная машина. В целом, я не сторонник пыток. Долгая мучительная боль может пробудить чувство самоуважения даже в самом мерзком человеке. Нужен один смертельный удар, который не оставит времени на страдания. Помпеи мирового масштаба. Война приближается. Люди впервые столкнутся с настоящим катаклизмом.

— Я хочу людей…

— …спасти? В таком случае попробуй спасти хотя бы этот маленький городок Ханно. Не только своих полубезумных последователей, но и начальника местной полиции, человека из службы безопасности, директора почты, хозяйку зеленной лавки. Все они смотрят на тебя косо. В городке ты сейчас известная личность, почему бы к тебе не подольститься? Но им всем до смерти надоело твое напыщенное высокомерие. Я понял это, когда мы спросили дорогу до твоего дома. Одна симпатичная молодая женщина только усмехнулась, услышав твое имя.

— Я спасаю людей не для того, чтобы они меня благодарили.

— Тогда ты лезешь не в свое дело. Неужели не видишь? В отличие от моего способа мышления, твой способ требует согласия другой стороны. Какая тут благодарность? Люди сами должны хотеть, чтобы их спасли. А у меня подход прямой и ясный. Мне не нужно согласия или одобрения. Я говорю о разрушении, неизбежном и безусловном. Ты бросаешься пустыми словами — «мир», «единство», «гармония», — которые лишь подтверждают, что эти идеи невозможно воплотить в жизнь. На самом деле все обстоит так. Чтобы спасти людей, как ты хочешь, сначала нужен мир, а для мира нужно единство. Это необходимые, но недостижимые условия для единства. Люди, ищущие спасения, в основном либо сумасшедшие, либо инвалиды. Достойные люди спасения не ищут. Они не объединяются, чтобы помочь всему человечеству выжить. Люди порядочные, здоровые, с хорошим аппетитом в еде и сексе пальцем не пошевелят ради «всего человечества». И таких много.

— Ты правильно описал природу спасения, какой она была до сих пор, — сказал Дзюитиро. — Такое спасение проповедовали все религиозные деятели Земли. И все потерпели неудачу. Но моя форма спасения не требует от человека религиоз-

ных чувств. Нужно просто хотеть жить, и ничего больше.

— Ты глуп, как черепаха, прячущая голову в панцирь. Не видишь того, что у тебя перед глазами, и не слышишь того, что можно услышать. Ты ошибаешься в двух моментах. Во-первых, угроза гибели неотделима от любой формы спасения, но никакая угроза не сравнится с человеческим оптимизмом. И не важно, о чем идет речь: ад, ядерная война, уничтожение души или тела, — все едино. Пока не наступит конец, никто в него всерьез не верит. Во-вторых, у людей совсем нет воли к жизни. Связь между этим безволием и оптимизмом очень слаба, в этом суть человеческой натуры… Все здоровые люди живут с одной и той же песней: «Ах, я больше не хочу жить, хочу умереть. Но я не умру». Такая вот песня жизни, которую исполняют всегда и везде — у токарного станка в маленькой мастерской, в тени белых простыней на площадке для сушки белья, в переполненных электричках, в мокрых от дождя переулках. Как ты собираешься спасать таких людей? Тебе не удержать их на скользкой поверхности земного шара своими драгоценными пальцами.

— Я не собираюсь подвергать их испытаниям.

Они довольны собой, и хорошо. Я верю, что такое состояние души позволяет понять красоту человеческого мира. Между нами лишь одно различие. Ты стремишься мгновенно уничтожить человечество — без предупреждения, не позволив людям что-то осознать, — а я хочу его без предупреждения спасти. На самом деле люди, которые довольны своим бессознательным существованием, — легкая добыча для нас обоих. Каждый раз, когда я вижу таких людей, у меня появляется какое-то детское искушение испытать на них свои способности. Пока они спят, придвинуть их кроватки вплотную к миру и единству в надежде, что они проснутся уже достойными гражданами нового царства.

— Достойные граждане? Они ядовитый сброд, и ты это знаешь. Неуклюжая карикатура на то, что ты называешь вселенской гармонией и единством, которая на самом деле изображает человеческое самодовольство. В результате герои и гении вынуждены брать пример с этих убожеств, и тупые массы вновь одерживают победу. Ты этого хочешь? Если да, то тебе хватит нынешнего мира.

— Нет, — возразил Дзюитиро. — Есть разница между миром сложным, который поднимается до

головокружительных, ослепительных высот, и простым, понятным миром, обитающим в низинах. Моя задача — собрать воедино все стороны человеческой натуры, от драгоценных камней до мусора, чтобы ничего не пропало.

— То есть качество тебя не волнует? Избранных людей у тебя нет? Очень умно. Основа твоего движения — в телевидении. Ты льстишь людям, а они в ответ шлют пожертвования. Что ж, твое печальное лицо можно хорошо продать телезрителям.

— Вот так и прославишься, — язвительно сказал парикмахер. — Несмотря на твой возраст, люди будут просить у тебя автограф, сочинят про тебя поэму. Короткий промежуток времени, оставшийся до уничтожения Земли, проведешь в свое удовольствие. Если успеешь отрастить волосы, загляни ко мне. Я бритвой сделаю тебе на шее аккуратную красную отдушину.

Отбивая такт рукой, толстяк-парикмахер фальцетом затянул старую популярную песню с новыми словами:

– Черепушка, черепушка, под воздействием воды

Вся изъеденная ветром, не годится ни-

куды.
Ты мой маленький скелетик,
Мой любимый цветик.
Лысый гриф уже сидит
И на черепок глядит.

Он почерпнул эти слова из развлекательного журнала «Праздничные песни», с которым его дочь не расставалась даже за обедом, и переделал на свой лад. Хагуро похвалил его за старания.

— Когда же сдохнут эти людишки! — разразился бранью банковский клерк, отвратительно раздувая ноздри. — Родившись, валяются в дерьме и моче. Вырастая, сходят с ума по женской плоти. Рты им нужны, только чтобы есть, пить и говорить всякие мерзости, языки — чтобы вылизывать срамные места. Состарившись, они снова валяются в дерьме и моче. Мерзкие существа! Подохли бы прямо сейчас! Наслаждаются завистью и клеветой, не могут ни секунды прожить без вранья. Мешки с дерьмом! Когда вы все сдохнете?! Ну сколько можно вас терпеть! Подыхайте! Чтобы духу вашего не осталось!

— Куда смотрит токийская санитарная служба? — перебил его парикмахер и подхватил тему. — Это же вопрос общественного здраво-

охранения. Надо провести дезинфекцию и уборку мусора, сбросить десять миллионов человек в Токийский залив. Хм… Токио станет самым чистым городом в мире. Главный враг санитарии — человек. Так ведь, Хагуро-сан?

— Не раз, когда человеческая мысль иссякала, — провозгласил Хагуро, — люди, несмотря на весь свой горький опыт, упорно возвращались к идее уничтожения. В человеческой истории было столько случаев, когда, казалось, вот-вот наступит конец, и ничего не происходило. Но на этот раз будет настоящий конец. Поскольку все, что можно назвать человеческими идеями, мертво… Человечество лишилось возможности говорить. Мир охвачен предчувствием гибели. Одежды, в которые были обернуты идеи, полностью сгнили, и человек остался голым перед холодом Вселенной… Твои слабые руки не могут согреть уже остывшие человеческие тела. Это доступно лишь ядерному взрыву. Боги мертвы, душа мертва, идеи мертвы. Осталась только плоть, да и та на самом деле — просто скелеты, принявшие форму тела. Люди неосознанно приближаются к смерти. Смерть наступит без страданий, без боли, без чувств, как вечернее затишье. Конец в подобной ситуации приходит естественно, как

ночь. Гробы уже готовы. И конечно, каждый в свое время увидит, чем накрыт его гроб… Только сами люди не чувствуют плывущего по всему миру запаха мертвечины, предвестника смерти. Ядерная война не должна греметь. Она прозвучит, как тихий поворот ключа в замке двери, которая больше никогда не откроется. На Земле, очищенной от людей, наверное, еще какое-то время будут догорать пожары, вызванные ядерными бомбардировками. Леса на всей планете превратятся в пепел. В это время Земля, если смотреть на нее из глубин Вселенной, возможно, будет сиять еще ярче, чем сейчас, как прекрасная звезда… Ты ведь именно этого хочешь. Красиво, да? Земля превратится в маленький круглый праздничный фонарик, горящий ночь напролет. Небывалая, идиллическая картина. Как ты и мечтал, Земля превратится в прекрасную звезду. Чем ты недоволен?

— Чем ты недоволен? — хором повторили Курита и Сонэ, глядя на Дзюитиро, который сидел молча, погруженный в раздумья.

— Человечество обречено!

— Спасения не будет!

Все трое, как гадящие с высоты морские птицы, обрушили на опущенную голову Дзюитиро бур-

ный поток безжалостных и грубых оскорблений:

— Судьба человечества предрешена. Тебе это известно, но ты притворяешься, что не знаешь.

— Тупой мошенник! Ловкий мародер!

— Человеческий паразит! Позор Вселенной!

— Идиот! Идиот! Идиот!

— Мир наступил позавчера. Ты опоздал.

— Крематории станут не нужны. Вся Земля превратится в один большой крематорий.

— Труби в трубу! Солдаты мира поднимутся за тобой. Из твоей содранной кожи сделают боевое знамя, а обожженное лицо засияет…

— Играй сигнал к отступлению, пока не обгорели руки.

— Да здравствует смерть ч!

— Дети пропали. Качели исчезли. Бейсбольные поля превратились в пруды, здания парламента — в песочницу. Дети, коли уж вы умерли, можете играть где угодно.

— Трупный запах развеется. Воздух наполнится освежающей радиоактивностью. Облака больше никогда не затянут небо, звезды будут видны отовсюду. Обожженные камни станут скамейками для испарившихся влюбленных.

— Аромат радиоактивности!

— Сладкой, как мед!

— Она просочится в костный мозг и останется там, как лирическая поэма.

— Да здравствует радиоактивность!

— Если подумать, то, что сделали нацисты, было лишь репетицией. Прошло несколько десятилетий — и вся Земля превратилась в концентрационный лагерь. Где же та свобода, к которой ты хотел привести людишек?

— Ну и дрянь же ты! Марсианский евнух!

— Конец!

— История, философия, банки, университеты! Всему конец.

— Наступают вечные летние каникулы.

— Чудесная радиоактивность!

— Да здравствует радиоактивность!

— Твои тупые уши, мутные глаза, слабые руки. Нищий во Вселенной!

— Сдохни, сдохни вместе со своей Землей!

— Ты только для этого и годишься. Сгинь! Предатель Вселенной!

— Придет рассвет, и загремят барабаны разрушения. Упакуем всех людишек с их вещами и отправим в пустоту.

— Завтра все исчезнет. Чистка зубов по утрам, пригородные поезда, телефонные звонки, гото-

вые костюмы, залы *патинко*[72].

— Фондовая биржа превратится в горсть пепла. Мир станет плоским, как теннисный корт.

— Человечеству конец. Это точно!

— Точно. Точно.

— Людям — конец…

* * *

Иёко и Акико испуганно вздрогнули, услышав, как распахнулась входная дверь и в прихожей зашаркали шаги. Они вышли посмотреть, что происходит, но гостей уже не было. Они услышали, как неподалеку заурчал мотор автомобиля, и этот звук гулко прокатился по широкой пустой улице Ханно, погруженной в ночную темноту.

Мать и дочь с тревогой открыли дверь гостиной. Дзюитиро, как глава семьи, всегда учтиво провожал гостей до выхода из дома.

Дзюитиро лежал на полу. Акико бросилась к нему и обняла. Он прижал руки к животу и сказал, что ничего страшного. Просто ему стало нехорошо. С помощью жены и дочери Дзюитиро поднялся и растянулся на диване, но у него не было сил даже поправить подол кимоно. При

---

[72] Примечания: 72

Патинко — популярные в Японии игровые автоматы.

свете лампы Иёко рассмотрела лицо мужа и ужаснулась, каким изможденным оно стало всего за несколько часов.

10

Даже с помощью домочадцев Дзюитиро с трудом держался на ногах. Кончилось тем, что он согласился поехать в крупную токийскую больницу, в акушерском отделении которой обследовалась Акико. На обследование нужно было время, но врач заподозрил у Дзюитиро язву желудка и настоял на срочной госпитализации.

Узнав об этом, Кадзуо приехал в больницу, но едва мог смотреть отцу в глаза. Ему рассказали, что Дзюитиро резко стало плохо после визита троих из Сэндая. Со дня их последней встречи отец сильно исхудал. Когда он откинул одеяло и протянул Кадзуо руку, тот поразился, какая она тонкая, и заторопился, сославшись на сильную занятость, хотя в последнее время Куроки не давал ему никакой работы. Выйдя из больницы, Кадзуо не знал, как убить время, и без всякого интереса посмотрел подряд три фильма.

Несколько дней Дзюитиро обследовали, после чего сделали операцию. Кадзуо вместе с матерью и сестрой ждал результатов в приемном покое. Операция длилась всего полчаса, и отца, еще не

отошедшего от наркоза, отвезли в палату. Кадзуо хотел пройти туда же, но его остановил врач и попросил прикурить.

С зажженной сигаретой в руке врач спросил:

— Не рассказывайте матери и сестре, и тем более отцу. Я могу на вас рассчитывать?

Кадзуо кивнул, и врач сообщил, что у Дзюитиро рак желудка в последней стадии. Операция оказалась бесполезной — разрезали и тут же зашили обратно. Жить ему осталось недолго.

Кадзуо не представлял, как после такого известия разговаривать с матерью и сестрой. Он решил подождать, пока пройдет первое потрясение, вышел на балкон четвертого этажа и посмотрел на улицу. Близилось лето. Оставшись один, он не смог сдержать слезы.

Кадзуо представил, как отца везли из операционной и отцовский нос выступал под белой простыней, которая покрывала лицо. «Что за нелепый у тебя нос! Глупее не придумаешь. Я сделаю из твоего стариковского носа настоящую трагедию. Ты сам этого хочешь».

Клятва, которую он в душе дал Куроки, принесла плоды гораздо быстрее, чем он ожидал. И это было совсем не то, чего он хотел. Нити его желаний где-то запутались и привели к непред-

виденной ситуации. «Наверное, именно это люди считают грехом», — подумал Кадзуо. Его впервые в жизни охватили такие глубокие человеческие эмоции.

Приближался День детей, и над крышами домов развевались на ветру разноцветные карпы. На верхушках шестов, к которым они были привязаны, сверкали *ягурумы*[73]. Обычно Кадзуо наблюдал за развевавшимися в небесах карпами с холодной отрешенностью или даже враждебностью к людям и, конечно, без слез. Но сейчас его чувства изменились. Казалось, его печаль кружилась под ту же мелодию, которая вдохновляла золотых и черных карпов, беззаботно плавающих в небе. Ослепительное солнце и тени прорезали в городских кварталах четкие пятна света и тьмы. Все сплеталось и кружилось в медленном танце эмоций. Один и тот же предмет, попадая в тень, принимал форму печали, а когда выходил на

[73] Примечания: 73

День детей (раньше назывался *танго-но сэкку*, или Праздник первого дня лошади; до Второй мировой войны отмечался как Праздник мальчиков) — национальный праздник, уходящий корнями в раннее Средневековье, сейчас отмечается 5 мая. Традиционное украшение — бумажные или матерчатые разноцветные карпы, символ силы и выносливости, — считается, что они помогают детям вырасти сильными и здоровыми. Карпов закрепляют на длинных вертикальных шестах, увенчанных *ягурумами* — вращающимися колесами со стрелками, которые поворачиваются в разные стороны и таким образом отгоняют от дома несчастья.

солнце, становился карпом с ярким, наполненным ветром хвостом. Кадзуо размышлял об этом, и ему казалось, что он улавливает важную связь между людьми и инопланетянами.

Кадзуо не знал, что делать с эмоциями. Он оказался лицом к лицу с двумя противоречивыми явлениями: смертью отца и гибелью лишь физической оболочки, временного пристанища пришельца с другой планеты. Дзюитиро-инопланетянин предал его, но он скорбел о смерти Дзюитиро-отца. Кадзуо понимал, что его нелепые слезы разрушают прочную связь между этими двумя реальностями. Он облокотился на металлические перила балкона и заплакал еще сильнее.

Кадзуо не заметил, как сзади подошла Акико. Он удивленно обернулся, и сестра увидела его мокрое лицо.

Слезы брата, по-видимому, нисколько не тронули Акико. Ее прекрасное лицо утратило недавнюю томную мягкость и теплоту, и знакомое холодное презрение вновь отразилось в ее миндалевидных глазах и четко очерченных губах.

— Плачешь? Понятно. Рак, да?

— Нет. — Отрицание прозвучало так неуклюже, что лучше бы Кадзуо ничего не говорил. Поняв

это, он попробовал как-то исправить положение. — Доктор просил меня ничего не говорить папе. И тебе с мамой тоже. Уже слишком поздно. Ему недолго осталось.

— Маме точно не надо говорить. Для нее это станет ужасным ударом.

Акико вспомнила, как повела себя мать, когда они ходили с ней в больницу весной.

— Хорошо, что ты понимаешь, — сказал Кадзуо, но у него тут же мелькнула тревожная мысль, что Акико не упомянула об отце. — Папе тоже не говори. Не вздумай ему сказать. Ты ведь понимаешь, да?

Акико ничего не ответила.

Кадзуо подумал, что сестра плачет, и молча отвернулся, но рыданий так и не услышал. Он снова взглянул на Акико и не увидел в ее глазах ни слезинки. От выражения ее лица Кадзуо вздрогнул. Казалось, она смотрит в пустую комнату, ищет признаки жизни по ту сторону стекла, покрытого хрупкими кристаллами ее эмоций.

— Помнишь, что сказала мама в ноябре на горе Ракан, когда светало? «Мы же с вами не люди. Нельзя об этом забывать. Ни на минуту».

— Но папа живет в теле человека. — Впервые печаль Кадзуо уступила место раздражению. — У

него болезнь, которой болеют люди. Он чувствует боль, какую чувствуют они. Так почему?..

Акико резко прервала его:

— Но смерть папы — это не смерть человека. Мы должны об этом помнить.

* * *

Дзюитиро сняли швы, и ему стало немного лучше. Иёко занималась домашними делами в Ханно, Акико дежурила в больнице. Общество вселенской дружбы предложило помощь по уходу за больным, чтобы Иёко и Акико могли отдохнуть, но Дзюитиро решительно отказался. Тем не менее члены Общества навещали его в течение дня и помогали принимать посетителей. В тот день после обеда пришли трое его бывших одноклассников по школе высшей ступени: Сатоми, директор общего департамента компании «Тодзай дэнки», Маэда, директор «Дай Ниппон хитокину» и Оцу, владелец магазина тканей. Они сидели у постели Дзюитиро и шумно обсуждали работу и состояние экономики. Больной устал от разговоров и задремал, но посетители уходить не собирались. Вдруг Дзюитиро резко сел на кровати и воскликнул, уставившись в пустоту, как будто увидел перед собой что-то ужасное:

— Вы опять!

— Ты о чем? Что значит: «Вы опять?» Мы в первый раз пришли. Дел очень много, ты же знаешь. Да и скучно здесь у вас, часто приходить незачем.

— Осуги, ты заболел, потому что слишком несговорчивый. Вот поправишься, и мы дадим тебе пару уроков, как обращаться с вином и женщинами. А жены твоей нет сегодня?

Дзюитиро пребывал между сном и явью, поэтому принял одноклассников за троих из Сэндая.

Уходя, посетители снисходительно шепнули Акико:

— Понимаешь, мы специально так шумели, потому что переживаем за него. Надо побольше оптимизма, как у нас было в школе. Это лучший способ взбодрить больного, придать ему сил. Когда люди приходят и сидят, как на поминках, больному становится еще хуже. Постараемся опять его навестить. А вы немного отдохните, берегите себя.

Пока Акико провожала их до лифта, все трое настойчиво пытались выяснить, чем на самом деле болен Дзюитиро, узнать любые подробности. Уже заходя в лифт, Оцу бросил острый взгляд на живот Акико. Когда двери лифта закрылись, до

нее донеслись обрывки разговора:

— Да, это вопрос времени. Они не говорят, но это рак. Тяжелый случай. Вот бедняга.

— А вы видели? У дочки живот выпирает.

Вернувшись в палату, Акико посмотрела на отца. Глаза его были закрыты, изможденное лицо как будто переменилось. Возможно, слегка округлилось. Вскоре пришел врач с обходом, и на свой вопрос Акико получила уклончивый и неутешительный ответ. Она поняла, что ошиблась с выводами: отец не поправлялся, у него появились первые признаки отека.

* * *

Наступила ночь. Акико уговорила заботливых членов Общества вселенской дружбы разойтись по домам и осталась одна. Приоткрыла окно, чтобы впустить теплый воздух, и села рядом на стул. Внизу на улице сияли неоновые огни. Назойливее всего лезла в глаза неоновая вывеска с логотипом прохладительного напитка — красной буддийской свастикой, вращающейся среди языков пламени. Это яркое сияние проецировало в ночное небо человеческую тревогу, заманивая людей исходящей от него нервной пульсацией.

Вдруг в животе Акико что-то слегка шевельну-

лось. Впервые она почувствовала такое движение месяц назад и с тех пор привыкла к этим внезапным непредсказуемым микротрясениям. Казалось, что в такие минуты горячая тьма в животе рассеивалась, и ее пронзали маленькие стремительные молнии. Шевельнулось и снова замерло. Все ощущения и эмоции Акико сосредоточились на необъятной темноте внутри нее.

Отец вдруг приподнялся, хотя она думала, что он спит.

— Прости, что в таком состоянии тебе приходится тратить на меня силы. Береги себя, не переутомляйся. Вот поправлюсь — куплю тебе все, что захочешь. Правда, пока неясно, когда поправлюсь. Но уже не так болит, как после операции. Вполне терпимо. Последнее время у меня было очень много дел. Поправлюсь, и тогда немного отвлечемся. Поедем с тобой в путешествие, сходим в театр или на концерт.

Акико разозлило, что в нескольких коротких фразах отец трижды сказал «поправлюсь». Ее беспокоила проявленная отцом слабость, его слепая человеческая надежда. Раньше его дух летал повсюду в небесах, а теперь вдруг оказался заточен в куске плоти, маленьком осколке тьмы размером с человеческое тело.

В последнее время тупая боль мешала отцу спать по ночам. Спина и грудь болели сильнее, чем шрам от скальпеля хирурга.

— Не могла бы ты потереть мне спину?

Голос Дзюитиро был слабым, почти жалким. Его умоляющий тон и слова показали Акико, что отец переживает не столько физический, сколько духовный крах.

«Он стал как все. Обыкновенным больным человеком», — подумала она.

Дзюитиро с трудом перевернулся в постели на живот. Акико придвинула стул к кровати и просунула свои прекрасные белые руки под одеяло, к отцовской спине. Прекрасные белые руки, подобные паутине звездной туманности в черной пустоте Вселенной.

Однако эти руки коснулись не холодного космоса, а горячей, обессилевшей, дурно пахнущей человеческой плоти. Ее руки почувствовали грань, за которой было отвращение. Акико замерла, понимая, что не сможет протянуть руку за эту грань. Рак и больной человеческий дух, цепляющийся за надежду. Несколько грецких орехов в окружении увядших листьев…

Мягко поглаживая отца по спине, Акико воспользовалась тем, что он отвернулся, и, полагая,

что такая возможность может больше не представиться, задала вопрос, который давно не давал ей покоя:

— Папа, вернувшись из Канадзавы, ты сказал, что Такэмия-сан, скорее всего, с Венеры и вернулся туда, оставив меня здесь.

— Да, так и было. — Дзюитиро дернул спиной, как исхудавший кролик.

— Это правда?

Чем мягче и спокойнее руки дочери массировали спину Дзюитиро, тем больше кончики ее пальцев наполняли его ощущением того, как много значит этот вопрос для Акико и как долго копились у нее эмоции. Но в его нынешнем состоянии это было слишком тяжелое бремя. Дзюитиро так любил наблюдать свысока за эмоциями других людей, они были для него настолько прозрачными и очевидными, что казались ему сейчас бесполезным хрупким механизмом. И он ответил небрежно:

— Конечно. Разве отец может лгать дочери?

— Ты говоришь правду?

— Само собой.

Голос Акико вдруг дрогнул:

— Хватит меня жалеть, папа! Ты представить не можешь, как я из-за этого страдаю. Я старалась

верить, что это правда. Ведь если так, все становится сном, любая нелогичность допустима и моя беременность — непорочное зачатие. Никто не сможет это отрицать. Вот почему я решила следовать логике своего сна и объявила, что ребенок — плод непорочного зачатия. Это был единственный способ сделать реальностью ребенка в моем животе. Ты не знал фактов, но молча принял мое решение и отправился в Канадзаву, чтобы найти доказательства моего сна. Спасибо тебе за это. Но если ты поехал не потому, что мы видели один и тот же сон и разделяли понимание мира, а просто из жалости ко мне, это недопустимо. Это было бы ужасное предательство, гораздо хуже, чем сказать правду… Я решила непременно сделать ребенка в моем животе реальным. Если я на самом деле встретила другого венерианца, все было бы частью сна и ребенок был бы из чистой ткани, сотканной из снов и идеалов. Это был бы реальный ребенок, рожденный из абсолютной чистоты, полностью независимый от матери или отца. Так получился бы венерианец. Венерианская чистота — результат такого акта творения. Но, заподозрив, что твои слова о Такэмии могли быть продиктованы жалостью, я представила совсем другую, мрачную картину. Это причинило

мне ужасную боль, которая не утихала ни днем ни ночью, хотя обычно я хорошо ее скрывала. Если ты солгал, значит остается только низшая форма реальности, а моя жалкая и примитивная мечта ограничивается ребенком в животе. Родившись, он утратит реальность, станет личинкой материнской мечты, будет брошен на произвол и обречен на судьбу землянина. Судьба землянина — вот участь внебрачного внеземного ребенка… Каждый день я взвешивала все «за» и «против», плохое и хорошее, и вскоре почувствовала, как ребенок шевелится во мне. Скоро он появится на свет, и при этой мысли мне становится все невыносимее. Вот почему, несмотря на твою болезнь, я решила спросить. Если это была неправда, папа, просто скажи. Тогда я, возможно, смогу найти в себе какие-то другие силы.

Слова дочери тронули Дзюитиро. Повернувшись к ней всем телом, он взял ее за руку:

— Я все понял. Ты так страдала. Я был неправ. Прости меня, пожалуйста.

— Значит, это была ложь. Такэмия — обыкновенный землянин, и мое тело каким-то образом осквернили.

Превозмогая тупую боль в спине и груди, Дзюитиро ответил не сразу:

— Акико! Скажу откровенно, я тоже не знаю, настоящий он или мошенник. Я поехал в Канадзаву. Искал его повсюду, но так и не нашел. Вот и все. Конечно, этот парень лжец. Но я до сих пор не могу понять, землянин он или с Венеры.

— Ты все еще пытаешься меня утешить! — вспылила Акико. — Терпеть не могу эту человеческую манеру напускать туман… С небес на меня обрушилась двойная ложь, я несколько месяцев мучилась, пытаясь разобраться. А ты сейчас ведешь себя как человек, говоришь, что я должна смириться и терпеть, потому что такова моя судьба… Я получила стрелу лжи в сердце от человека, которого любила больше всех на свете. Если мой единственный во всей Вселенной отец поступит со мной так же, я не знаю, как мне защититься. Возможно, ты спас Такэмию с его ложью, но моей мечте это не помогло. Папа, ты поступил неправильно, пытаясь прикрыть его ложь другой ложью и угодить моей мечте. Надо было просто сказать правду. Тогда ты дал бы мне право выбора: противостоять правде и верить своей мечте или отказаться от нее, сдаться… Инопланетяне не настолько слабые, чтобы бояться смотреть в лицо правде, прикрывать ее маской. Мы не такие, как люди, для нас правда — приманка,

позволяющая нам мечтать. Разве не так? Наши мечты — это противоположность лжи. Так ведь? Даже мгновение, прожитое в утешительной лжи, пожирает мечту. И результат будет ужасным. *Мы станем людьми.*

— Ты права, Акико, ты права. Я никогда не думал низводить мою любимую венерианскую дочурку до уровня людей. Но успокойся и подумай хорошенько. Люди закрывают глаза на правду и при этом чувствуют себя счастливыми. Такое состояние души вызывает только жалость. Однако ложь и правда, о которых мы сейчас думаем и говорим, гораздо сложнее. Например, мы скрываем от мира наше внеземное происхождение, потому что должны хранить тайну и показывать людям обманчивую маску. Люди — совсем другие. Они часто маскируют свою ложь правдой… Ты понимаешь, о чем я говорю, Акико? На нашей стороне только правда. Сколько ни ломай голову, это так. Каким бы лжецом ни был Такэмия, ты стала своего рода ситом, на дне которого осталась только правда, как золотой песок в промывочном лотке… Я верил в это сито. И выкладывал на него ложь — не грубую, а тонко обработанную, наполовину переваренную, чтобы оно могло нормально работать. Считать ли это

попыткой тебя пожалеть, утешить? Я думал, что мне достаточно солгать, а ты мою ложь просеешь. И у тебя получилось, ты превратила ее в правду.

— Ты уверен? Даже у инопланетян сито иногда ломается. Скажешь, так не бывает? — возразила Акико. В ответ на мягкие отцовские увещевания ее глаза снова загорелись гневом.

— Не бывает.

— А если в это сито вдруг подбросить не правду, а ложь, что с ним станет?

— Ничего. Легкая дрожь, и все.

— Я боялась даже самого слабого толчка.

— Вот именно.

— Ладно. Давай проверим мое сито. Подбрось мне правду. Давай же, папа, смелее.

Дзюитиро колебался. Но под взглядом горевших, как сигнальные огни, глаз дочери наконец сдался и с грустью произнес:

— Ты проиграла, Акико. Правда такова. Этот парень — человек и бабник. Он воспользовался тем, что ты в него влюбилась, сделал тебе ребенка и сбежал.

При этих словах Акико зажмурилась так крепко, что Дзюитиро почудилось, что ее глаза на миг провалились внутрь. Он со страхом ждал, когда она их откроет.

Но вот это произошло, и на лице Акико появилась улыбка, ясная, как рассвет. Похоже, она что-то для себя решила и преодолела.

— Это было странно. Я почувствовала легкую дрожь. Но теперь все хорошо. Удивительно: сейчас мне кажется, что я все знала с самого начала. Я уверена, что знала. Он просто выполнял для меня роль катализатора. Ведь я на Земле, и, чтобы родить венерианского ребенка, мне нужна была помощь землянина. Он был как изменчивый ветерок, плывущий над цветочным садом под сонный гул медоносных пчел. Мне больше ничего не было нужно… Я больше никогда не буду о нем думать.

— Вот и замечательно.

— Но все равно, это была забавная история. Теперь моя очередь проверить твое сито, папа. Ты уверен, что оно работает хорошо, сможет разжевать любую ложь и превратить ее в нашу правду?

— Уверен.

— Точно?

— Точно.

Дзюитиро на время забыл о боли, радуясь, что дочь воспрянула духом. Ему захотелось присоединиться к ее задорной игре. Слова Акико

стремительной вспышкой скальпеля рассекли воздух:

— У тебя не язва. Это ложь. У тебя рак желудка. Уже неоперабельный.

Акико наблюдала, как черты Дзюитиро перекосились от страха. Кровь отхлынула от его желтоватого, цвета гардении, лица, он хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Его широко открытые глаза отчаянно искали то, что раньше было здесь и вдруг исчезло. Взгляд стал пустым. Он откинулся на подушку и замер.

Увидев состояние отца, Акико разрыдалась. Слезы, которых у нее до сих пор не было, хлынули потоком. Она уткнулась лицом в отцовскую подушку и, плача, воскликнула:

— Прости меня! Прости, папа! Я просто не могла вынести, чтобы ты превратился в человека.

Дзюитиро не отвечал. Его глаза оставались широко открытыми, и в них по-прежнему плескался страх.

«Папа, ты сейчас в таком состоянии… Ты сохранил способность, необходимую каждому инопланетянину? Использовать приманку правды, какой бы страшной она ни была, для создания мечты? Так ли крепки твои зубы, чтобы разжевать подкинутую тебе приманку? Я не знаю.

Вдруг я ошиблась, поверив в твои способности и открыв тебе правду?»

При этой мысли Акико вновь охватили неописуемая тоска и страх.

* * *

С этого момента Дзюитиро больше ничего не сказал. Акико осталась у постели отца, но из-за чувства вины не могла набраться смелости и заговорить с ним. Она просидела всю ночь без сна, неотрывно глядя на него. Время от времени он дремал, потом со стоном открывал глаза и обводил взглядом темные уголки палаты. Акико то и дело утирала вспотевший лоб отца, но на боль он больше не жаловался.

На следующий день в полдень Иёко пришла сменить дочь. Заявление Дзюитиро, что он больше не хочет никого видеть, удивило ее — прежде он не обращал внимания на табличку перед палатой с просьбой воздержаться от посещения больных, и охотно принимал визитеров. Он больше не мог выносить пустые, лживые слова утешения, которые слышал от людей.

Помощников из Общества вселенской дружбы отправили домой. Иёко осталась наедине с мужем в туманных вечерних сумерках. Сестра

принесла ранний ужин, но Дзюитиро к нему даже не притронулся.

— Поешь хоть немного, — попросила Иёко. — Чтобы скорее поправиться, тебе нужно нормально питаться.

— Поправиться? Кого ты пытаешься обмануть? — сказал больной, и в его темных глазах мелькнула холодная усмешка.

Язвительный тон мужа удивил Иёко: она не понимала, в чем причина.

— Что случилось? Что это ты вдруг?..

— Вчера я узнал правду.

— Какую правду?

— Не притворяйся. — Жалея Акико, Дзюитиро слегка переиначил факты. — Кадзуо и Акико вели себя очень странно, я на них надавил и вынудил признаться. Я знаю, что у меня рак желудка, и мне осталось недолго. Нет нужды продолжать эту комедию.

В душе Дзюитиро желал, чтобы Иёко ничего не знала. Если она скажет, что понятия ни о чем не имела, он, конечно, начнет ее упрекать за пустые попытки его утешить. Но если он продолжит на нее наседать, а она все решительнее будет настаивать, что ни о чем не подозревала, тогда в его душе забрезжит луч надежды.

Знай Иёко обо всем с самого начала, она по крайней мере притворилась бы, что ей ничего не известно. Но дети не сочли нужным сообщить правду своей матери с Юпитера. Впервые она услышала эту новость от мужа.

В семье Иёко была самой впечатлительной, и такая новость вместе с обманом потрясли ее до глубины души. Она ни на йоту не сомневалась, что муж сказал правду. Иёко чуть не лишилась чувств от горя, хотя к ее горю примешивалось и ущемленное тщеславие. Ее семья знала то, чего не знала она, у них был общий секрет, а ей доверили только кухню. Это очень сильно задело ее гордость.

Иёко чувствовала, что члены ее инопланетной семьи сговорились против нее ради одного секрета. Каким бы человеческим ни был этот секрет, они держались за него с поистине сверхчеловеческой интуицией. Иёко уже давно опасалась, что невероятно одаренные муж и дети поглядывают свысока на ее приземленную впечатлительность и старомодное упрямство. Ей была невыносима мысль, что она может остаться в стороне. В этот важный момент под влиянием слабой интуиции в ней взыграло тщеславие, и она отчаянно попыталась притвориться, что в курсе тайны, которую

от нее скрывали.

Иёко повалилась на край кровати и зарыдала:

— Прости меня… я знала… знала… просто не могла тебе сказать!

После этих слов глаза Дзюитиро помертвели. Теперь они напоминали пересохшие колодцы. Он тихо сказал жене, чтобы она шла домой: этой ночью помощь не нужна. Ему надо побыть одному и подумать. Иёко решительно воспротивилась, но Дзюитиро настоял на своем. Это была его первая ночь в одиночестве с того дня, как он оказался в больнице.

* * *

Дзюитиро в полной мере осознал, как страшно остаться одному ночью в больнице. Время от времени из соседней палаты доносился гул спускаемой в туалете воды. Жалкие физиологические выделения одинокого больного человека. Около девяти часов он услышал шум в одной из палат напротив. Поднялась суматоха, раздались приглушенные всхлипы, торопливый топот. Затем наступила гнетущая тишина. Дзюитиро почувствовал, что в той палате поселилась смерть. Смерть включилась автоматически, словно красная лампочка на измерительном приборе.

Дзюитиро подумал, как сильно полюбил это мир и человеческую жизнь с тех пор, как поселился на Земле. Но эта мысль его не удовлетворила. Сам он почти не жил! О чем жалеть? Он оставил жизнь людям.

И все же Дзюитиро никак не мог понять, почему тяжелая болезнь этой временной оболочки вызвала у него такой страх и ужасное уныние. Людей мучила непостижимость смерти, его же удивляла неспособность постичь страх перед смертью и силу ее влияния на все сущее.

По сравнению с ничтожностью человеческой жизни, которая прошла мимо него, неожиданно подкравшаяся смерть влияла слишком мощно и безосновательно. Это озадачивало Дзюитиро. Если это бремя и есть реальное ощущение человеческой жизни, возможно, он впервые начинал жить.

Картины полного уничтожения человечества, которые когда-то живо вставали перед ним, внезапно утратили силу и почти исчезли из мыслей. Он несколько раз пытался снова переключить внимание на гибель человечества, но поблекшая концепция ускользала быстрее, чем песок утекает сквозь пальцы.

Человечеству грозила неминуемая смерть, и

при этом оно набралось наглости и бессердечно насмехалось над Дзюитиро, который лежал в больнице на смертном одре. Люди кричали в унисон и, казалось, мчались сломя голову к широкому полю, где их ждали сладострастное соитие и вечная жизнь. Что происходит? Получается, не Дзюитиро бросает человечество на погибель, а человечество оставляет его на произвол судьбы.

За больничным окном ему открывалось призрачное видение — человечество, которое жило, двигалось, размножалось. Люди весело танцевали на пути к бесцельному существованию, беспорядочно двигались вперед, цеплялись друг за друга на обочинах, падали и поднимались со смехом, странными криками и плачем. Но они не останавливались. Они пели. Непристойности, которые они творили, ограничивались только воображением, их мелодии рождали жизнь… Каждая их мысль превращалась в простую, необузданную песню… По ночам в темноте повсюду мелькали зрачки, сильные и гибкие тела. Ночные заросли колыхались на ветру, словно человеческие волосы. Способен ли он любить все это?

Дзюитиро вспомнил различные символы, придуманные людьми для привлечения уда-

чи и вечной жизни. Праздничная символика, красные и белые витые шнуры для обвязывания подарков, парящие в небе журавли, согнувшиеся под океанскими ветрами сосны у кромки воды, выброшенные на берег кучи водорослей, гигантские черепахи среди этих водорослей…

В этих чудесных вещах и явлениях, привлекавших его внимание, Дзюитиро видел молниеносные победы над временем, вечную цепь продолжения человеческого рода. Где-то вдалеке смерть подняла свои тяжелые веки и устремила на него свой взор, но он оставался на светлом берегу в мире людей, окруженный праздничными вещами.

Дзюитиро не представлял, сколько ночей пережили люди, чтобы снова собраться на этом светлом берегу, сколько раз они пели одни и те же песни. Он глядел на свои высохшие руки и представлял бренную, но живую и блестящую человеческую плоть. Малейшая царапина вызывала кровотечение, однако плоть сияла, как зеркало, отражавшее солнечные лучи. Человеку не суждено выйти за пределы своего тела ни на миллиметр, но в то же время его телесная оболочка превратилась в хрупкую и неустойчивую «береговую линию», отделяющую бескрайний

океан космического пространства от такого же бескрайнего внутреннего континента. Сила внутри человеческой плоти немного сдерживала океан, а тонкая кожа защищала тело от вторжения непрерывно накатывавшей воды. Великолепная молодая плоть закономерно стала предметом человеческой гордости, ведь она была той самой прибрежной полосой, светлой, яркой и праздничной.

Дзюитиро не мог представить, что люди бросят его и будут жить дальше, но это, несомненно, означало, что ему удалось сорвать заговор злобных пришельцев с неизвестной планеты из системы Шестьдесят первой Лебедя и одержать победу. У него зародилась мысль о принесенной жертве. Возможно, такова была воля Вселенной: пожертвовать одним марсианином по имени Дзюитиро, чтобы спасти все человечество. Просто до недавнего времени он об этом не знал.

Вселенская воля направила его на Землю, и теперь он робко смотрел туда, где пребывала эта воля. Это место лежало далеко за пределами пропахшей дезинфекцией маленькой больничной палаты с холодным белым потолком, в абсолютной бездне, где тьма была светом, а свет — тьмой.

Вход в палату закрывала занавеска, сквозь стены доносилось бормотание пациентов, которые никак не могли уснуть. Где-то зловеще заверещал телефон. В коридоре зашаркали шаги, снова раздался гул смываемой в унитаз воды. В большой больнице посреди ночи Дзюитиро не сводил глаз с блеклого беленого потолка. Дежурная сестра прошелестела белой накрахмаленной юбкой мимо корзин с увядшими цветами, которые принесли больным посетители. На ночь корзины выставляли в коридор. Легкое шуршание цветов подтверждало их отрешенное увядание.

Если высшая воля Вселенной направлена на то, чтобы пронзить этот бесполезный белый потолок и раскрыть тайный смысл плана, который привел его, Дзюитиро, на Землю, он спокойно примет смерть. Ведь жертва во имя спасения человечества превратит его гибель в нечто большее, нежели обычная смерть человека. По весу она будет равна трем миллиардам человеческих жизней. Если бы только вселенская воля могла дать ему какую-то подсказку, это избавило бы его от беспочвенных страхов и мучений…

Несмотря на многочисленные попытки, его метод общения со Вселенной не принес желаемых результатов, поэтому Дзюитиро сомневался,

что когда-нибудь получит ответ на вопрос, в чем заключается скрытая высшая воля Вселенной. Но у него только один метод — на что еще он мог рассчитывать?

Вокруг его глаз, устремленных вверх, разливалась горячая боль. Лицо отекло и потяжелело. Боль пронзила все тело, выступивший пот колол кожу, как холодные иглы. Дзюитиро не смог сдержать стон.

Он ничего не видел на безмолвном белом потолке. Материя подчиняется материальным законам, а время на земле следует законам времени. Стены палаты были прочно соединены с потолком, новое здание не скрипело и не двигалось. Здесь не было места ни снам, ни мечтам. Потолок был потолком. Раковый больной, лежащий под ним, был раковым больным.

Дзюитиро ждал. Перед ним проплывали воспоминания детства, одинокая юность, радость при первой встрече с летающей тарелкой, визит к нему домой тех злобных инопланетян. Ему снилось, что кто-то написал его «биографию» в простых тонах прожитой жизни, но присыпал золотой пылью и поместил в рамку с лилиями и розами. За всеми глупыми поступками, поражениями, болью и страданиями проглядывало

нечто священное. Людям свойственно все перечисленное, но у Дзюитиро возникло смутное чувство, что, как настаивала Акико, эта внезапная святость обязана своим появлением «изменчивому ветерку» человеческого существования.

Он ждал. Время шло. Сквозь оконные занавески в палату стал потихоньку проникать свет. В больнице царила тишина. С тех пор как Дзюитиро оказался на этой кровати, здесь никогда не бывало так тихо. Ночь постепенно отступала.

Внезапно Дзюитиро осознал, что белый потолок над ним плавно раскрывается, как две створки. С одной стороны, его душу переполняла радость, а с другой — он чувствовал, что стал свидетелем чего-то обыденного и естественного, само собой разумеющегося. Он услышал голос, яркий и чистый, и смог уловить все, что было сказано, каждое слово.

* * *

Утром Кадзуо в пансион позвонила мать. «Сейчас скажет, что папе хуже», — подумал он. Но она спокойно попросила его как можно скорее приехать в больницу. Это показалось ему странным. Кадзуо как раз собирался съехать из пансиона и вернуться домой, в Ханно.

Эта мысль пришла ему в голову вчера, когда он просматривал утреннюю газету. Крупный заголовок извещал, что Куроки Кацуми создал новую политическую партию. Кадзуо ничего об этом не знал. В газете было еще кое-что. В заметке под заголовком говорилось, что советником новой партии пригласили доцента Хагуро. Последнее время Кадзуо не получал никаких известий от Куроки. У него не было желания ехать к Куроки или в больницу, где умирал отец. В университет идти тоже не хотелось. Он сидел в своей комнате и никуда не выходил. Прочитав газету, он понял, что Куроки его бросил.

Кадзуо приехал в больницу. Мать и сестра уже были там. Дзюитиро с сияющим лицом сидел на кровати, глаза его блестели от радости. Кадзуо сразу понял, что́ хочет сделать отец. Мать и сестра ничего не объясняли. Они снова были дружным межпланетным семейством.

Отец бодро отдавал распоряжения. Было воскресенье, на выходных персонала в больнице мало. В одиннадцать вечера отец должен покинуть больницу, и они устроили эту тайную встречу, чтобы все организовать. Кадзуо отвезет мать в Ханно, она все подготовит для отъезда отца, а потом они вместе вернутся в больницу на

«фольксвагене». Акико останется в палате и будет отсылать помощников из Общества вселенской дружбы и неожиданных посетителей. Все должно быть готово к десяти вечера.

Иёко, Кадзуо и Акико слушали, не говоря ни слова.

К десяти вечера, когда в палатах выключали свет, семья собралась вокруг Дзюитиро. Они проверили сумки, которые каждый держал в руках. Кадзуо сообщил, что помог матери запереть все двери их дома в Ханно. Акико сложила в сумку личные вещи, а также вязаные пелеринку и шапочку для ребенка, который должен был скоро появиться на свет. Иёко взяла с собой все кольца с драгоценными камнями и зачем-то прихватила депозитные банковские сертификаты и чековую книжку. Приготовила бутерброды для всей семьи и положила в сумку вместе с термосом. Не забыла захватить и фонарик.

Как только погас свет и медсестра закончила обход, они втроем, стараясь не шуметь, помогли Дзюитиро надеть костюм. Он так исхудал, что костюм болтался на нем как на вешалке. Казалось, это одежда с чужого плеча. Лифт работал и ночью, но идти к нему нужно было мимо поста дежурной медсестры. Поэтому им предстояло

спускаться по темной пожарной лестнице.

Было десять минут одиннадцатого. Убедившись, что в коридоре никого нет, семья помогла отцу выйти из палаты. Их никто не заметил.

Дзюитиро было очень тяжело спускаться по лестнице с третьего этажа. Кадзуо мог нести отца на спине, но это привлекло бы нежелательное внимание. Поэтому при спуске его поддерживали с двух сторон и время от времени останавливались, чтобы он передохнул. Несколько раз Дзюитиро оступался; приходилось ждать, пока пройдут головокружение и боль, и потом идти дальше.

Охранник у черного входа следил только за тем, чтобы в больницу не пробрались воры, и проводил добропорядочное семейство безразличным взглядом. Дзюитиро собрался с духом и до парковки шел как здоровый человек, навещавший родственника или знакомого.

Кадзуо сел за руль «фольксвагена», Акико устроилась рядом, Дзюитиро с помощью жены забрался на заднее сиденье и привалился к ней.

— Надо торопиться. Куда ехать, ты знаешь, — едва слышно пробормотал он, расслабившись.

Они без проблем выбрались из больницы. Дзюитиро закрыл глаза.

* * *

Вскоре автомобиль миновал Сибую, где перед вокзалом царила суета.

— Уже поздно, а на улицах столько людей, — простодушно удивилась Иёко, которая никогда не выходила из дома поздно вечером.

Опираясь на руку жены, Дзюитиро поднял голову и сквозь полуприкрытые веки глядел на море неоновых огней, подобное иллюзии.

— Смотрите, — сказал он. — Все смотрите. Это наше прощание с городом людей.

— Хочу спросить, папа. — Кадзуо отказался от мысли как-то контролировать окружавшую их толпу и с трудом пробирался сквозь нее. — Что будет с людьми, которые останутся здесь после нашего исчезновения?

На заднем сиденье, освещенном мерцающими уличными огнями, Иёко впервые увидела улыбку на лице мужа.

— Люди? Они как-нибудь справятся, — сказал Дзюитиро новым, необычным для него тоном, бесстрашным и решительным.

Акико была потрясена красотой городских кварталов за окном машины. Она думала, что они навсегда покидают эти улицы и больше ни-

когда их не увидят. Все правильно, так и должно быть. Всему, что их сейчас окружает, позволено существовать. На стекле перед ней запечатлелась картина непрерывного движения, вся пошлость исчезла, а шумные ночные улицы последних дней весны сверкали кристальным блеском Чистой Земли[74].

* * *

— Почему они не выбрали место поближе? — спросил Кадзуо, когда они мчались по темной дороге через район Сэтагая. — Папе ведь очень тяжело.

— Нет, это самое безопасное место поблизости. Они сказали, что в Токио не нашли ни одного места, скрытого от глаз людей. Надо потерпеть. Как только доберемся туда, все наши страдания закончатся.

Поздним воскресным вечером на пригородных

---

[74] Примечания: 74

Чистая Земля — в буддизме область пространства или Вселенной, которую Будда своей силой превратил в идеальный мир без грехов и управляет им. Поскольку Будда не один, Чистых Земель тоже немало. Самая известная — Чистая Земля Будды Амитабхи (Сукхавати). Попасть туда могут любые живые существа, которые обращаются к Будде за помощью и повторяют его имя. Те, в ком слишком много пороков, будут находиться в закрытом бутоне лотоса, пока не очистятся от грехов, и тогда смогут выйти, увидеть и услышать Будду.

дорогах было мало машин, и поездка прошла гладко. Переехав мост Идзуми-Тамагава, они оказались в префектуре Канагава и вскоре миновали переезд через железнодорожную линию Намбу. Повернули налево перед маяком в виде пожарной каланчи возле станции Ноборито. До места назначения, Хигаси-Икута, оставалось всего ничего. Съехав налево с главной дороги, они остановились на пустыре за подсвеченным красными огнями зданием в деревенском стиле — станцией Хигаси-Икута. Вокруг не было ни души, но через окна проникал свет фонарей на платформе. По всему пустырю пробивались пучки травы.

— Все, приехали. Дальше пойдем пешком. Через переезд и вверх, на тот холм.

— Неблизко.

— Все равно надо идти.

— Кадзуо, поддержи отца, а я подтолкну его в спину. Акико, собери все силы, мы не сможем тебе помочь. Шагай осторожней, не упади.

— Хорошо, — безропотно согласилась Акико, выходя из машины.

Выбираясь наружу с помощью жены и сына, Дзюитиро в полумраке пристально смотрел в лица своих близких.

— Итак, мы снова все вместе. Объединили силы. Я никогда не был так счастлив. Но есть то, что делает нашу семью особенной. В тот момент, когда мы снова так крепко связаны друг с другом, нам предстоит расстаться. Мы недолго были одной семьей, и пришла пора каждому возвращаться на свою родину. Но пока мы не достигнем этой цели, давайте стремиться к совершенной красоте, как настоящие друзья, без ссор и споров.

* * *

Дзюитиро двинулся вперед, опираясь на сильное плечо сына. Иёко поддерживала мужа. Они пошли на юг, пересекли железную дорогу и миновали несколько рисовых полей, пока не достигли холма. Услышали громкий шум воды, которая струилась у подножия холма по руслу, похожему на дренажную канаву. На другой стороне бетонного мостика стоял фонарь. Даже Дзюитиро смог собраться с силами и дойти до него.

Но когда они свернули налево и вышли на тропу, ведущую вверх по склону, их встретили густо переплетенные ветви каштанов и кленов. Все вокруг было погружено во мрак, и им пришлось полагаться только на карманный фонарь, который включил Кадзуо.

— Да, все правильно. Про эту тропу они и говорили, — тяжело дыша, сказал Дзюитиро.

Тропа была похожа на темный грот из молодой листвы, пропахший прелью. Ноги скользили, и все шли осторожно, готовые в любую минуту поддержать друг друга.

Они достигли вершины и увидели погруженный в сон дом. Здесь было засеянное ячменем поле; колосья шуршали на ветру. Над холмом внезапно распахнулось звездное небо. Оно было не таким ясным, как в Ханно, но Скорпион и Весы мерцали на юге и мягко манили к себе. Под звездным небом вся семья ожила. Когда они пробирались через ячменное поле, в далеком доме залаяла собака, но людей не было видно.

— Прямо на юг! Вперед и только прямо! — воскликнул Дзюитиро.

Дальше на юге возвышалась гряда холмов еще выше, с плоскими вершинами.

Из-за громкого возгласа Дзюитиро обессилел и теперь едва переставлял ноги. Он с трудом опирался на плечо сына, через каждые несколько шагов присаживался на корточки и долго сидел так, опустив голову.

— Папа! Уже немного осталось. Держись!

Кадзуо подбадривал отца и медленно продви-

гался вперед, принимая на себя добрую половину его веса, — вставая с корточек, Дзюитиро каждый раз спотыкался. Акико подъем в гору тоже давался нелегко: у нее перехватывало дыхание. Однако она взяла все сумки в одну руку и подставила отцу плечо.

Они плелись еле-еле. Вышли к полю с рассадой баклажанов и огурцов и поняли, что до плоских холмов, казавшихся такими близкими, еще довольно далеко. Иёко подталкивала мужа в спину и постоянно спотыкалась на рыхлой земле, но не обращала внимания на испачканное кимоно.

Дзюитиро едва осознавал, куда идет. Он преодолел границу физических и душевных страданий и слышал только свое тяжелое дыхание и учащенный пульс. От него требовалось одно — дойти. Просто дойти, преодолеть непреодолимое время и пространство. Всю дорогу он ощущал благословение звездного неба над головой. Невыразимое, живительное, бесплотное благословение, а вместе с ним — свет, связь, гармонию и спокойствие. Благословение, рожденное из порядка и безумия. Пространство великодушно распахнулось перед ним, чтобы одарить вечным освобождением из тесной душной клетки, в которую загнала его болезнь… Благословение отречения. Его разум

блуждал между сном и явью. Даже если он не достигнет цели во временном человеческом теле, почему это должно его остановить? Грань между возможным и невозможным постепенно размывалась. Оказывается, скрепленные железными пластинами различия между ходьбой и полетом, между вымыслом и реальностью можно разрушить простым прикосновением пальца.

Наконец все четверо добрались до гряды холмов. Дзюитиро рухнул лицом вниз на заросший склон. С помощью Кадзуо он приподнял голову, мокрую от ночной росы, и понял, что они достигли огромного ячменного поля на вершине второго холма. За ним был еще один холм. Небольшой, окруженный зарослями, он напоминал островок посреди озера.

— Они здесь! Папа, они здесь! — вдруг закричала Акико.

В зарослях на холме виднелась чуть накренившаяся при посадке серебристая летающая тарелка. Нижняя часть ее корпуса словно дышала, меняя цвет с зеленого на ярко-абрикосовый.